

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БАБАЯН Мери Эриковна

Выпускная квалификационная работа

Культурный геноцид как форма преступления геноцида: историко-правовой анализ и современные аспекты

Cultural genocide as a form of the crime of genocide: historico-legal analysis and modern aspects

Направление 41.04.05 - «Международные отношения»,
Основная образовательная программа магистратуры «Международные гуманитарные связи»

Научный руководитель:
д.ф.н., доцент
Атнашев В. Р.

Рецензент:
Северо-Западный институт управления
— филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
д. ю. н., профессор
Кириленко В. П.

Санкт-Петербург

2020

Оглавление

Список сокращений	3
Введение	4
Глава I. Международно-правовая основа противодействия преступлению геноцида	9
1.1. Историческая и правовая характеристика понятия «геноцид».....	9
1.2. Основы системы предупреждения преступления геноцида.....	32
1.3. Вопрос криминализации отрицания преступления геноцида.....	55
Глава II. Культура как объект преступления геноцида	62
2.1. Риторика культурных прав.....	62
2.2. Концепция культурного геноцида.....	72
2.2.1. Культурный геноцид в общей концепции геноцида Р. Лемкина.....	72
2.2.2. Культурный геноцид в рамках процесса разработки Конвенции о геноциде.....	76
Глава III. Культурный геноцид: практика прошлого и настоящего	85
3.1. Культурный компонент Геноцида армян.....	88
3.2. Культурный компонент в гражданской войне в Шри-Ланке.....	93
3.3. Культурный геноцид в Тибет.....	96
Заключение	100
Список источников и литературы	104

Список сокращений

ГА ООН - Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций

ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека

МВТ - Международный военный трибунал

МУС - Международный уголовный суд

МТБЮ – Международный трибунал по бывшей Югославии

МТР - Международный трибунал по Руанде

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

ТОТИ - Тигры освобождения Тамил-Илама

ЭКОСОС - Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных Наций

Введение

Актуальность темы исследования. С точки зрения численности и масштабов геноцидальных актов XX век остался в истории человечества как «век геноцидов», однако последующее закрепление за преступлением геноцида на международно-правовом уровне уголовно наказуемого характера не привело к искоренению данного явления из жизни современного общества. На сегодняшний день квалификация геноцида как преступления против человечности исходит из острой нужды бороться за увеличение эффективности способов борьбы против посягательств на безопасность отдельной человеческой общности, руководствуясь принципом о единстве и равенстве всего человечества и идеей об ущербе всего человечества в случае нанесения вреда отдельной ее общности.

К сожалению, практика массового уничтожения отдельных человеческих групп, отличающихся этническими, религиозными, культурными или иными признаками, не представляет собой новое явление, наоборот, в первобытное время такие действия являлись залогом выживания. Многовековое развитие человечества не способствовало уменьшению числа геноцидальных актов в истории, их искоренению тем более, поэтому к середине XX века ученые смогли подобрать наиболее подходящий и точный термин для того, чтобы обозначить уже существующее понятие преступного нарушения закрепленных к тому времени международно-правовых норм. Сам автор термина «геноцид» определял его употребление как не более чем применение «старой практики в современных условиях»¹.

Общепризнанно, что война создает благоприятные условия для геноцида, и именно после двух мировых войн, во время которых параллельно с военными действиями велась политика геноцида, уже после того как опустошились целые города и села в Османской империи и в нацистской Германии, мировое сообщество пришло к осознанию о необходимости рассмотрения безопасности человечества как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Так, в 1948 году ООН была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в преамбуле которой признается, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству»².

¹ Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin - Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. - P. 79.

² Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.09.2019).

Однако, несмотря на то, что Конвенция ввела обязательную уголовную ответственность за осуществление геноцида и квалифицировала его как «преступление, которое нарушает нормы международного права и против которого государства обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» (ст. 1)³, мировому сообществу не удалось пресечь последующие за принятием Конвенции намеренные уничтожения отдельных человеческих групп. В подтверждение достаточно вспомнить геноцидальные акты, которые имели место в Камбодже (1975-1979 гг.), Югославии (1991-1995 гг.), Руанде (1994 г.), Мьянме (2016-2017 г.).

Мы видим, что последующие года отличались ростом числа преступлений против человечества, и в новом тысячелетии практика ведения геноцидальных актов не прекращается. Ученые одним из важных причин неэффективности Конвенции считают непоследовательность государств в скором создании международного уголовного суда, которое было предусмотрено в ст. VI Конвенции (Римский статут Международного уголовного суда был принят в 1998 г.). Для мониторинга и раннего предупреждения массовых нарушений прав человека 2004 и 2008 гг. Генеральным секретарем ООН учреждаются должности Специального советника по геноциду и Специального советника по ответственности по защите, вместе с ними в ряде государств создаются научные учреждения, специализирующиеся на изучении вопросов геноцида в современном мире.

В современных условиях, несмотря на достаточную степень разработанности в правовой и исторической сферах, концепция геноцида претерпевает определенные трансформации, приобретает новые формы, или скорее проводятся исследования по изучению новых аспектов данного преступления, раньше не акцентированных, но также требующих раннего предупреждения и пресечения во избежание превращения в массовые и более грубые нарушения. В целях своевременного пресечения возможных актов геноцида, а также для прогрессивного развития международно-правовых норм, направленных на борьбу с преступлением геноцида, чрезвычайную актуальность приобретают исследования элементов, анализ которых востребован современной наукой и практикой разработки новых средств и методов международно-правового характера, нацеленных на повышение эффективности борьбы с преступлением геноцида.

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.09.2019).

Рассматривая геноцид не в узком юридическом определении, а как более широкую концепцию преступного нарушения всех категорий прав человека, считаем актуальным исследование нарушений культурных прав человека и, соответственно, теоретических и практических основ концепции культурного геноцида. Непризнание, недостаток защиты или преднамеренное пренебрежение культурными правами в конечном счете могут привести к непоправимым последствиям. Речь идет о таких действиях как дискриминация в области культуры, навязывание членам определенной группы чужой культуры, ненаказуемость за нанесение вреда материальным и нематериальным объектам культуры – фактически действия, подпадающие под определение понятия «геноцид», и определяющие в большинстве своем концепцию «культурного геноцида». К сожалению, примеры таких действий были в прошлом и продолжают в настоящем.

Актуальность исследования культуры как объекта преступления геноцида обусловлена, в первую очередь, тем, что посягательство на культуру определенных национальных, расовых, этнических и религиозных групп представляет собой опасность для культурного наследия всего человечества, и что своевременно пресеченные акты культурного геноцида служат основой предотвращения физического и биологического геноцида. Мировая история содержит множество примеров угнетения и уничтожения материальных и нематериальных ценностей отдельных человеческих групп. Но вместе с развитием во второй половине XX века нового взгляда мирового сообщества на необходимость принятия международно-правовых обязательных актов, закрепляющих естественные права человека, впервые на международном уровне принимаются документы, предусматривающие индивидуальные и коллективные права людей в области культуры как всеобщий стимул мирового развития и процветания.

Таким образом, **объектом исследования** выступают отношения, возникающие между государствами касаясь развития международно-правовых норм квалификации геноцида в качестве преступления против человечности и ответственности за него. **Предметом исследования** являются концептуальные аспекты понятия «культурный геноцид», вопросы нарушения культурных прав человека и их наказуемость.

Цель исследования состоит в установлении содержания культуры в качестве объекта преступления геноцида и получения нового знания научно-практического характера по способам борьбы против преступления геноцида.

Этой целью предопределяется постановка и решение следующих **задач**:

1. Исследование вопроса возникновения и генезиса понятия «геноцид»;

2. Анализ основных этапов исторического развития системы международно-правовых норм предусматривающих ответственность за преступление геноцида;
3. Выявление основополагающих элементов системы предупреждения преступления геноцида;
4. Изучение международно-правовой практики по вопросам криминализации отрицания геноцида;
5. Рассмотрение содержательных особенностей культурных прав и свобод человека в историческом контексте их разработки и определение механизмов их защиты;
6. Теоретическое обоснование необходимости защиты культурных прав человека (индивидуальных и коллективных) как основа стабильности общества;
7. Изучение возможностей интерпретации понятия «геноцида» в международных документах через призму культуры;
8. Установление содержательного характера концепции «культурного геноцида»;
9. Исследование практик разрушения культуры определенного народа с целью сравнения с возможностью их обозначения в качестве преступления культурного геноцида.

Степень разработанности темы исследования. Теоретической основой появления международно-правовой нормы о геноциде стали результаты исследований Р. Лемкина (Raphael Lemkin). Монографическое исследование данного преступления и преступлений против человечности было проведено М. Н. Андрюхиным, Ю. Г. Барсеговым, А. Г. Кибальником, А. И. Полтораком, Ю. А. Решетовом и другими, работы которых касались вопросов ответственности за преступление геноцида, борьбы с международными преступлениями против мира и безопасности и основ их наказуемости. Среди представителей зарубежной науки в исследования геноцидологии следует особо подчеркнуть вклад В. Шабаса (Schabas W. A.), А. Джонса (Jones A.), Дж. Бэчмана (Bachman J. S.), И. Бауэра (Baueg Y.), И. Чарни (Charny I. W.), Б. Харфф (Harff B.), работы которых охватывают такие темы, как история разработки Конвенции о геноциде и системы предупреждения данного преступления. Среди исследователей, уделивших внимание концепции культурного геноцида отличаются Д. Фриез (Frieze D. L.), которая занимается исследованием архивных документов Р. Лемкина, Д. Нерсисян (Nersissian D.), Д. Мозес (Moses D.). К сожалению, в русскоязычной научной литературе вопросу культурного геноцида как такового уделено мало внимания. Он рассматривается в рамках исследований

по геноциду как один из его аспектов, но в работах, посвященных культурному разрушению групп, не отмечается.

Нормативно-правовую базу исследования составляют международно-правовые документы в области преступлений против человечности и прав человека, такие как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него ООН 1948 г. и ее проекты, судебные постановления МТР И МТБЮ, резолюции ГА и СБ ООН, Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 1966 г., Воззвание Тегеранской конференции 1968 г, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам ООН 1992 г., Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения ООН 2005 г., Фрибургская декларация о культурных правах 2007 г. и т.д.

Методология исследования опирается на требования системного подхода. Также достижение поставленных в работе целей предполагает использование историко-правового метода и анализа конкретных ситуаций.

Научная новизна работы выражается в том, что сделана попытка полностью представить теоретические основы понятия «культурный геноцид» и необходимые условия для его квалификации в качестве формы преступления геноцида.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения работы были представлены и обсуждены в рамках 3 научных мероприятий. Среди них международные конференции «Межкультурный диалог в современном мире» (СПбГУ, апреля 2019 г.), «Студенческие смольные чтения» (СПбГУ, апреля 2019 г.), «Международная коммуникация в науке, культуре и образовании» (РГПУ им. А. И. Герцена, апреля 2019 г.).

Структура работы построена в соответствии с поставленными целями и задачами и обусловлена ими. Работа состоит из введения, 3 глав, включающих 8 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава I. Международно-правовая основа ответственности за преступление геноцида

1.1. Историческая и правовая характеристика понятия «геноцид»

В международно-правовой практике, политической лексике и научной литературе массовое антигуманное уничтожение отдельных национальных, этнических, расовых, религиозных человеческих групп квалифицируется как преступление против человечества – преступление геноцида. Данная квалификация появилась только после Второй мировой войны, до этого бытовало понятие международного преступления, но появление понятия преступление против человечества как будет показано в работе не было случайным.

Геноцид – это комплекс крайне диких, варварских действия, совершаемых с умыслом полностью или частично уничтожить⁴ определенную человеческую группу, которая выделяется отличительными, характерными ей признаками. Каждый конкретный случай таких действий, жертвы которых избираются на основе их этнической, национальной, религиозной или социо-культурной принадлежности, отличается спецификой своих способов уничтожения. Геноцидальные акты осуществлялись еще во времена, когда начали появляться первые записи истории, начиная с завоевания Ханаана израильтянами, описанного в Книге Иисуса Навина, и до уничтожения римлянами Карфагена и его населения⁵ в результате Третьей Пунической войны.

Война всегда считалась благоприятным условием для осуществления намерения уничтожить определенную человеческую группу, но закон об ответственности за такое деяние и термин, определяющий его, появились лишь с середины XX века, когда мировое сообщество, пройдя через две мировые войны, пришло к осознанию о необходимости охраны безопасности человеческой группы как отдельного объекта. До этого геноцид оставался «преступлением без названия» (определение У. Черчилля)⁶.

Конечно, отсутствие законодательной основы и общепринятой терминологии для описания умышленных убийств большого количества невинных, но отличающихся по отдельным признакам национального, расового, этнического или религиозного характера людей приводило к безответственности и продолжению таких практик. Примеры деяний, содержащих признаки преступления геноцида присутствуют в библейских сюжетах, в

⁴ Арабян, И. А. Геноцид и его наказуемость : страницы истории: вчера и сегодня / Арабян, И.А.; Нац. акад. наук Респ. Армения; Музей-ин-т геноцида армян. - Ереван, 1999. - С. 9.

⁵ Weitz, E. D. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation / E. D. Weitz - Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. - P. 8.

⁶ Kuper, L. Genocide, Its Political Use in the Twentieth Century / L. Kuper - New Haven: Yale University Press, 1981. – p. 12.

истории Вавилона (например, избиение христиан при императоре Нероне⁷), во времена Крестовых походов (уничтожение религиозных групп после захвата Иерусалима⁸), в период Реформации в XVI-XVII веках (наиболее ярким эпизодом считается истребления гугенотов по религиозным признакам во время Варфоломеевской ночи на 24 августа 1572 года во Франции⁹) или, наконец, эпоха открытия новых земель и период колонизации (ликвидация представителей коренного населения в Американской части света и Австралии¹⁰). Перечень примеров геноцида довольно большой, приведенные лишь показывают масштабы данного преступления по историческим меркам и по географической распространенности.

По мнению ученых, такие стремления как колонизаторские тенденции, рабовладение и жажда войны в известной степени связаны с расистскими взглядами, и идеологической основой геноцида являются именно человеконенавистные расовые теории¹¹. С течением времени такие стремления претерпевали трансформацию и приобретали новое оформление, а вместе с ними развивались расистские идеологии, ненависть и дискриминация. Геноцид можно считать крайней формой претворения такой идеологии и вытекающей из нее политики в жизнь. Пропаганда такой идеологии и политики с большей вероятностью приведет к геноцидальным актам, и поэтому она требует раннего предупреждения и пресечения. Осознание этого, особенно в период Второй мировой войны, привело к принятию первого международно-правового акта, определяющего преступление геноцида и предусматривающего ответственность за его совершение, название которого само собой демонстрирует эту необходимость - Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая Организацией Объединённых Наций 9 декабря 1948 года. При разработке и принятии Конвенции о геноциде эксперты основывались на трудах и мнении польского юриста Рафаэля Лемкина, который нашел подходящий термин для определения массового, антигуманного и преступного нарушения прав человека и усилиями которого на международном уровне был принят указанный документ.

Согласно Лемкину, введенный им в научную литературу и политическую лексику термин «геноцид», состоящий из древнегреческого слова *genos* (раса, племя) и латинского слова *cide* (*caedere* - убивать), призван обозначать старую практику в его современном

⁷ Геноцид и массовые репрессии. Истребления по национальным и религиозным мотивам / Под ред. Т. И. Ревяко и Н. В. Трус. Минск, 1996. - С. 10-19.

⁸ Там же, с. 66-79

⁹ Там же, с. 152-173

¹⁰ Вартесян, К., Палян, А. Акты геноцида в истории человечества / К. Вартесян, А. Палян. - URL: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/native-american.htm> // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/australian.htm> (дата обращения: 05.10.2019).

¹¹ Андрухин, М.Н. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. М., 1961, с. 9.

развитии¹². Геноцид направлен против национальной группы как единое целое, а предпринимаемые действия направлены против индивидов как представителей данной национальной группы.

Это означает, например, что арест в ночь на 24 апреля 1915 г. видных армянских писателей, поэтов, журналистов, врачей, политиков и даже депутатов османского парламента был произведен не на законных основаниях с целью ограничить их право на свободу передвижения, а указы на арест были даны, потому что они являлись представителями армянской общины. Тогда эти аресты рассматриваются в ряду с другими мерами, предпринятыми османскими властями с целью ослабления и дальнейшей ликвидации беззащитного армянского населения Османской империи в период Первой мировой войны. В то же время восприятие таких арестов в контексте репрессивных мер против определенных социальных классов или политических групп в относительно мирное время (например, так называемые сталинские репрессии) можно отнести к конкретному аспекту преступления геноцида, который в последующем будет известен как политицид.

По убеждению Лемкина, геноцид является антитезой доктрины Руссо, согласно которой война направлена против суверенов и армий, но не против отдельных субъектов и гражданского населения, и понадобилось много времени, чтобы цивилизованное общество ограничило войну, направляя ее только против армий и государств. Но Нацистская Германия широко использовала практику геноцида во время Второй мировой войны, отрицая вышеназванную доктрину, во-первых, потому что вела полномасштабную войну, и во-вторых, потому что согласно официальной государственной доктрине национал-социализма именно нация, а не государство, является доминирующим фактором¹³. Данный случай показывает, что в течение истории при геноцидальных актах уничтожение определенной национальной группы не только оправдывалось, но и приветствовалось как знаменательное действие, разрешенное Богом (в библейских сюжетах), предназначенное идеологией или восхваляемое государством. Именно поэтому геноцид почти всегда избегал судебного преследования, поскольку он фактически всегда совершался по указанию и при соучастию тех, кто находился у власти. Исторически его исполнители были выше закона, по крайней мере, в своих странах, за исключением редких случаев, связанных со сменой режима. И лишь тогда, когда стали появляться и постепенно развиваться международно-правовые нормы в сфере защиты прав человека, которые каждое государство в своих

¹² Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe...* P. 79.

¹³ Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe...* P. 80.

внутренних и внешних отношениях обязывалось соблюдать, обращается внимание на необходимость соблюдения прав национальных и религиозных меньшинств, неуважение которых предполагает ответственность.

Так, первым документом международно-правового характера, предусматривающим защиту религиозных групп от преследований можно считать Вестфальский мирный договор 1648 года. В новейшее время указанная область права получает свое развитие в межгосударственных соглашениях, в выступлениях политических деятелей и руководителей отдельных стран, а также в результате действий, которое в настоящее время назвали бы гуманитарной интервенцией.

Дискуссия вокруг сегодняшней категории гуманитарной интервенции существует с момента появления данной идеи в конце XX века¹⁴. По мнению некоторых ученых она просто является вмешательством во внутренние дела определенного государства с целью извлечения каких-либо политических или иных уступок. Такое понимание этой категории существовало и в XVIII веке, когда принципы гуманизма начали пускать свои корни в межгосударственные отношения и вследствие этого получили практическую реализацию в сфере международных отношений и международного права. В частности, исходя из принципов гуманизма, «цивилизованные» европейские страны оставляли за собой право вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, если последнее не обеспечивало права своих подданных, особенно христианских. Примечательно, что начиная с конца XVIII века со стороны европейских держав предпринимался ряд подобных гуманитарных интервенций в отношении Османской империи, которые были направлены на защиту прав проживающего там христианского населения¹⁵, например Франция покровительствовала католическому населению империи, Россия – православным славянам и грекам, а также апостольским армянам, а Англия – всему христианскому населению¹⁶.

Отметим, что начало международных вмешательств с гуманитарной направленностью было положено завершающим русско-турецкую войну 1768-1774 гг.

¹⁴ Появление понятия «гуманитарная интервенция» связано с развитием концепции Безопасности человека. Отправной точкой развития данной концепции стал доклад о развитии человека 1994 г. - Human Development Report 1994 // UN iLibrary. URL: https://www.un-ilibrary.org/economic-and-social-development/human-development-report-1994_87e94501-en (дата обращения: 09.05.2020).

¹⁵ Մարտիրոսյան, Ա. Յ. Հայոց ցեղասպանության հետևանքների հաղթահարման հիմնահարցն ու անվտանգության հետևանքները. - Եր. 2014 թ. - էջ 12-33. (Марукян, А. Ц. Историко-политические основания и задачи преодоления последствий Геноцида армян. Ер., 2014. стр. 12-33 (на арм. яз.)).

¹⁶ Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության եվ սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում, 1828-1923, խմբագիր Ջ. Շիրակոսյան, Եր., 1972 թ., էջ 12. (Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828 – 1923) / под редакцией профессора Дж. Киракосяна, Ереван, 1972.- С. 12 (на арм. яз.)).

договором Кючук-Кайнарджи, после его заключения начинается целый ряд гуманитарных интервенций со стороны России в отношении Османской империи, и во всех договорах, завершающих русско-турецкие войны, в обязательном порядке содержались статьи, направленные на защиту прав христианских меньшинств империи. Так, согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору от 10 июля 1774 г., Блистательная Порта обязывалась твердо защитить христианские законы и церкви (ст. 7) и не препятствовать, каким бы то ни было образом, свободному исповеданию христианского закона и созданию новых и поправлению старых церквей (п.2 ст. 16)¹⁷, следить за исполнением указанных обязанностей должна была Россия. Указанное является одним из первых примеров межгосударственных соглашений, в котором прослеживается идея необходимости защиты национальных и религиозных меньшинств, прежде всего защиты их права исповедовать свою религию. Ущемление их прав в XX веке будет признаваться на международно-правовом уровне как признак дискриминации и «косвенного» геноцида.

Несмотря на большую практику международных вмешательств с гуманитарной составляющей, принципы гуманизма только в конце XIX и начале XX веков были закреплены в международном праве как его незаменимая часть. Также основы для ответственности за геноцид развивались в рамках кодификации законов и обычаев войны.

Как отмечает известный русский профессор международного права Ф. Мартенс, война должна вестись только средствами, соответствующими степени культурного развития цивилизованных народов. В этом смысле существует право войны, т.е. совокупность юридических норм, определяющих применение силы в открытой борьбе между государствами.¹⁸ Мирное население как объект права войны, который не принимает прямого участия в ней, нуждается в уважении и пощаде, находится в пассивном состоянии и пользуется неприкосновенностью.¹⁹

Ф. Ф. Мартенс (1845-1909 гг.) активно участвовал в международном процессе обсуждения вопросов мира и войны, был делегатом России на Первой международной конференции мира в Гааге 1899 г. На конференции среди прочих было и предложение о кодификации «законов и обычаев сухопутной войны», и в ряде острых проблем, требующих решения по итогам конференции, был вопрос положения гражданского населения, в том

¹⁷ Под стягом России: Сборник архивных документов/ Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерова.— М.: Русская книга, 1992.— С. 82-85.

¹⁸ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1 (по изданию 1904 г.) / Мартенс, Ф. Ф., М., Изд-во «Юридический колледж МГУ». 1996. - С. 266.

¹⁹ Там же, с. 291.

числе тех его представителей, которые в ходе оккупации их страны неприятельской державой берутся за оружие для борьбы с ней. Поскольку этот вопрос на Конференции остался нерешенным, обсуждение его завершилось включением в текст преамбулы к Конвенции одного крайне важного и ставшего не без основания широко известным абзаца, обычно называемого «оговоркой Мартенса», соответственно по имени его автора-делегата России Ф. Мартенса. Признавая, что решить все проблемы не представляется возможным, договаривающиеся стороны разъяснили далее, что в их намерение не входит, «чтобы непредвиденные случаи, за отсутствием на сей счет письменных постановлений, были предоставлены на произвольное усмотрение военно-начальствующих», напротив, в подобных непредвиденных случаях «население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».²⁰

Оговорка Мартенса была принята и во второй Гаагской мирной конференции 1907 г., в преамбуле Конвенции IV «О законах и обычаях сухопутной войны». По сути, деятельность Второй международной конференции мира в Гааге 1907 г. в сфере прав сухопутной войны свелась к незначительному пересмотру Конвенции и Положения 1899 г. Однако основная цель обеих Конференций – обеспечение международного мира – оказалась недостижимой, и имевшиеся на этот счет иллюзии были разрушены разразившейся в 1914 г. Первой мировой войной.

Принципы законов человечности, отмеченные в преамбуле Конвенций, дополняются положением статьи 3 Приложения к Конвенции 1907 г., которая определяет ответственность воюющей стороны за все действия лиц, находящихся в составе его вооруженных сил, и необходимость возмещать нанесённые потери, если есть на то серьезные основания.²¹ Фактически, согласно данной статье, воюющая сторона должна была нести ответственность за военные преступления, осуществленные на вражеской территории, которые могли быть направлены не только против военнослужащих, но, главным образом, против безоружного мирного населения, которое, в свою очередь, не рассматривается в качестве воюющей стороны. Однако, как указывалось в преамбуле Конвенции, невозможно было предсказать все случаи военных преступлений, в том числе

²⁰ Кальсховен, Ф. Ограничения методов и средств ведения войны: [Перевод] / Ф. Кальсховен. - Москва: Междунар. Ком. Крас. Креста, 1994. - с. С. 17.

²¹ Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907. Pp. 643-644.

такие, когда одна из воюющих сторон применяет запрещенные Конвенцией силовые действия против собственного подданного мирного населения.

Таким образом, в рамках Гаагских конвенций геноцидальные акты, такие как погромы мирного населения, рассматривались как военные преступления, хотя для осуществления геноцида война является благоприятным, но не обязательным условием. Тем не менее, Конвенции являются первым международным правовым документом, в которых речь идет о «законах человечности» и об их возможных нарушениях. Стоит отметить то обстоятельство, что дальнейшее развитие международного права квалифицировало преступление геноцида как «преступление против человечности» (т.е. как преступление, которое нарушает «законы человечности»), и основой для данной квалификации послужили именно Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.

Проследивая историю развития концепции геноцида, его квалификации в качестве «преступления против человечности» и идеи уголовной ответственности государства за такое преступление, следует обратиться к Совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 г., направленной правительству Османской империи в связи с продолжающимся процессом уничтожения и депортации армянского населения. Так, текст декларации, опубликованной одновременно в Петрограде, Париже и Лондоне, гласил следующее: «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей... Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства Россия, Франция и Англия сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне».²²

Анализ данного документа убедительно раскрывает его чрезвычайно важное значение в общем плане борьбы против преступления геноцида. Определение этих событий как «преступления против человечества и цивилизации» несет в себе основу, которая послужила в дальнейшем для определения геноцида как подобного преступления и для его наказуемости. Речь идет о том, что эти преступления направлены не только против определенной человеческой группы, в этом случае армян, но и против всего человечества, наносят ущерб не только армянскому народу, являвшемуся неотъемлемой частью

²² Барсегов, Ю.Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий в 3 ч. Т. 1 / Барсегов, Ю.Г. - М., 2002. - С. 238-239.

цивилизации, но и всему человечеству. Чрезвычайно важным является то, что отмечается о явной причастности властных структур, выраженная словами «попустительство», и что более важно «прямое содействие». И, наконец, возлагая ответственность на членов турецкого правительства, объявляется о наказуемости подобных действий. Значение в том, что действия турецкого правительства не только квалифицируются как тяжкое преступление, но и преступление, которое влечет за собой ответственность и неотвратимую наказуемость. Указывая на массовые убийства армян и говоря о преступном характере «подобной резни», авторы Декларации подчеркивают тем самым, что в ней речь идет о применении к конкретному случаю резни армян общего нормативного положения международного права²³. Хотя публикация декларации и заблаговременная официальная нотификация турецкого правительства о квалификации его действий как преступления по международному праву и их наказуемости не приостановили геноцидальные акты властей в отношении своего подданного населения, декларацию стоит рассмотреть как документ, который содержит идею уголовно наказуемых последствий обсуждаемого преступления.

После Первой мировой войны положения об ответственности тех, кто попирает правила и обычаи ведения войны и законы человечности, ведет агрессивную войну стали формулироваться на мирных конференциях и международных договорах. В частности, подобные вопросы обсуждались на Парижской мирной конференции в 1919 г. В результате были разработаны положения о международном суде, уполномоченном установить нарушения законов и обычаев войны, которые были включены в Севрский мирный договор между союзными державами и Турцией, подписанный 10 августа 1920 г., однако так и не ратифицированный и аннулированный Лозаннским договором 1923 г. В дальнейшем квалификация агрессивной войны как международного преступления нашла свое отражение в Декларации об агрессивных войнах, принятой VIII Собранием Лиги Наций 24 сентября 1927 г. и в Пакте Бриана-Келлога или в Парижском пакте 1928 г.²⁴

Новый мировой порядок, возникший после Первой мировой войны продемонстрировал растущую роль международной защиты прав человека в целом. Некоторые его аспекты имели непосредственное отношение к вопросам изучения преступлений против человечности. Прежде всего, была признана необходимость особой

²³ Барсегов, Ю.Г. Геноцид армян – преступление по международному праву / Барсегов, Ю.Г. - М., 2000. - С. 85-86.

²⁴ Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Аванесян В. В.; под науч. ред. Ю. М. Антоняна; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Всерос. науч.-исслед. ин-т. - Москва : ВНИИ МВД России, 2011. - С. 8.

защиты национальных меньшинств. Она была сформулирована в ряде двусторонних и многосторонних договорах, а также в односторонних декларациях. Мир также увидел первую попытку создать международный уголовный суд, что сопровождалось предположением о том, что массовые убийства этнических меньшинств в пределах границ государства могут повлечь за собой как государственную, так и личную ответственность. Хотя предпринятые в послевоенный период попытки международного осуждения военных преступлений и преступлений против человечности оказались неудачными, идея была выдвинута и в течение следующих двух десятилетий специалисты по уголовному праву обратили свое внимание на ряд предложений о пресечении международных преступлений.

Например, первое из них возникло в результате работы Консультативного комитета юристов, учрежденного Советом Лиги Наций в 1920 г. и уполномоченного составлять планы для международных судебных институтов. Один из членов комитета, бельгийский юрист барон Декамп, предложил создать «верховный суд международного правосудия». Заимствуя формулировки «оговорки Мартенса», Декамп пишет, что юрисдикция суда может включать в себя не только правила, «признанные цивилизованными нациями, но и требования общественного и правового сознания цивилизованных наций». Однако Третий комитет Ассамблеи Лиги объявил идеи Декампа «преждевременными».²⁵

Касательно вопросов защиты национальных меньшинств следует сослаться на отдельные договоры, заключенные в рамках Версальского мирного процесса, по которым определенные государства брали на себя обязательство обеспечить полную и всестороннюю защиту жизни и свободы всех жителей, проживающих на своей территории, без различия по признаку национальности, языка, расы или религии²⁶. Эти положения послужили основой для современной международно-правовой системы в области прав человека и прав национальных меньшинств и создали контекст, опираясь на который Рафаэль Лемкин начал свою борьбу за своевременное пресечение и установление уголовной ответственности за грубые массовые нарушения прав национальных, этнических, расовых или религиозных групп, которые в дальнейшем будут квалифицироваться термином «геноцид».

²⁵ Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes* / W. A. Schabas - Cambridge University Press. 2000. - P. 22-23.

²⁶ Например: Мирный договор между Польшей и Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией, Италией и Японией 1919 г. // Подробно: Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. P. 23-24.

Еще в 1933 г. Рафаэль Лемкин в Мадриде на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права представил доклад вместе с проектами статей по поводу того, что действия, нацеленные на притеснение и уничтожение народов, должны быть уголовно наказуемы. Тогда Лемкин разработал два новых преступления по международному праву, в частности: акты варварства, задуманные как действия угнетения и уничтожения индивидов - представителей национальной, религиозной или расовой группы; и акты вандализма, задуманные как злонамеренное уничтожение произведений искусства и культуры, потому что они являются гениальными творениями представителей этих групп.²⁷ В развитие представленных идей Лемкина румынский профессор В. Пелла предложил проект кодекса об ответственности за названные преступления и создании международного суда на его основе, однако Лига Наций ограничилась лишь разработкой Конвенции об ответственности за международный терроризм в 1937 г.²⁸

В опубликованной в 1944 г. книге «Правление государств „Оси“ в Оккупированной Европе» Лемкин объясняет, что данные им в докладе признаки преступлений равносильны нынешней концепции геноцида (термин он впервые употребил в указанной книге), и если бы данные им предложения были приняты еще в 1933 г., воплощены в конвенцию, подписанную и ратифицированную присутствующими на конференции странами, то возможно это позволило бы раньше обвинить найденных виновными за военные преступления лиц или это стало бы действенным инструментом для осуждения военных преступников текущего в 1944 г. (год публикации книги) мирового конфликта.

Лемкин предлагает следующее определение геноцида: «...согласованный план различных действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности национальных групп, с конечной целью уничтожения самих групп. Задачи такого плана сводятся к дезинтеграции политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и основ экономического существования национальных групп и к посягательствам на безопасность, свободу, здоровье, достоинство и даже на жизни лиц, принадлежащих к такой группе».²⁹ Данное Лемкиным определение с одной стороны кажется узким, поскольку в качестве объекта преступления принимается именно «национальная группа», а не «группа» в целом. Но с другой стороны определение можно рассмотреть как более широкое в том смысле, что оно предусматривает не только

²⁷ Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe... P. 91.

²⁸ Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое и уголовно-правовое исследование. С. 10.

²⁹ Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe... P. 79.

физический геноцид, но и действия, нацеленные на уничтожение культуры и основ жизнеобеспечения группы.

Настаивая на международно-правовом закреплении ответственности за геноцидальную практику, Лемкин касается вопросов необходимости внесения поправок в Гаагские конвенции для запрещения осуществления геноцида в любой войне в будущем, отмечая вместе с этим, что геноцид является проблемой не только военного времени, но и мирного. Так, предполагаемые поправки Гаагских конвенций насчет вопроса определения геноцида, должны состоять из двух основных частей (вытекающих соответственно, из данного им определения): первый должен предусмотреть любые действия, посягающие на жизнь, свободу, здоровье, физическую неприкосновенность, основы экономического существования и честь лиц из-за того, что они являются представителями национальной, религиозной или расовой группы; и второй – любую политику, нацеленную на уничтожение или угнетение одной из таких групп.³⁰

Указывая на особую важность криминализации преступления геноцида, Лемкин отмечает необходимость заключения международного многостороннего договора, который должен будет обеспечить внедрение положений о защите меньшинств от угнетений на основе их национальной, расовой или религиозной принадлежности не только в конституцию, но и в уголовный кодекс каждой страны. Во время Второй мировой войны Лемкин постоянно с сожалением отмечал, что будь его предложения приняты, возможно человечество смогло бы избежать нацистских злодеяний. Тем не менее, предложенный им термин «геноцид» был введен в международную юридическую практику и первую отсылку получил в 1945 г. на Международном военном трибунале для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «Оси» (Нюрнбергском процессе). Данный процесс и принятые по его итогам документы сыграли огромную роль в прогрессивном развитии международного права, прежде всего в плане принятия мер против безнаказанности агрессии и агрессоров, и с ним связано первое официальное упоминание термина «геноцид».

Инициатива создания международного военного трибунала принадлежала Советскому Союзу, правительство которого еще 14 октября 1942 г. выступило с Заявлением «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». В нем говорилось, что Советское

³⁰ Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe... P. 92-93.

правительство, ознакомившись с полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершаемых гитлеровцами по приказу правительства, военных и гражданских властей Германии на территории временно оккупированных стран, во всеуслышание и со всей решительностью заявляет, что преступное гитлеровское правительство и его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.³¹ Советский Союз не только первым во Второй мировой войне четко сформулировал принципы в области ответственности и наказания военных преступников, но и первым осуществил их на практике. В частности, в 1943 г. были проведены судебные процессы над военными преступниками в Харькове и Краснодаре, а затем и в других советских городах – Киеве, Минске, Риге, Ленинграде и т. д.³²

В дальнейшем, совместно со странами-союзниками Советский Союз подтверждал свое обязательство обеспечить, чтобы лица, ответственные за эти преступления, не избежали заслуженного возмездия, и ускорить необходимые практические мероприятия для достижения указанной цели в ряде Деклараций, таких как «О проводимом гитлеровскими властями истреблений еврейского населения Европы» от 18 декабря 1942 г., в Декларации правительств СССР, США и Великобритании об ответственности гитлеровцев от 30 октября 1943 г., в постановлениях Крымской конференции руководителей трех держав февраля 1945 г.³³

В результате, 8 августа 1945 г. в Лондоне было подписано Соглашение между правительствами СССР, США и Великобритании о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «Оси», на основе которого был учрежден Международный Военный Трибунал (МВТ) для суда над преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организации или групп, или в том и другом качестве (ст. 1)³⁴. К соглашению был приложен Устав, определяющий порядок организации трибунала, юрисдикцию и порядок его работы.

³¹ Ромашкин, П.С. Преступления против мира и человечества // Ромашкин, П.С., М., 1967. - С. 176-177.

³² Полторац, А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы)/Полторац, А. И., М., 1966. - С. 9.

³³ Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. С. 179.

³⁴ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. - М.: Юридическая литература, 1987-1999. - Т. 1. - М.: Юридическая литература, 1987.- 688 с. С. 75.

Именно со ст. 6 Устава МВТ связано указание видов международных преступлений и фактическое образование состава преступлений против человечества. В определение последних наряду с преступлениями против мира и военными преступлениями вошли преступления против человечности. В частности: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность: ... с) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылки и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны (первая категория – М. Б.), или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам (вторая категория – М. Б.) с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции МВТ, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»³⁵. В сущности данную статью можно представить как своеобразный кодекс преступлений против человечности, который выделяет две категории: первая связана с антигуманным обращением с гражданским населением, вторая – с периодом преследований, который в случае несвоевременного пресечения может стать так называемой стадией предгеноцида. Не используя специальный термин, Устав закрепляет те признаки и элементы, которые являются основой состава преступления геноцида.

Фактически, деятельность МВТ ограничилась судебным процессом над группой из 25 главных немецких военных преступников, который состоялся в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 10 октября 1946 г. МВТ состоял из четырех членов и их заместителей, назначенных Великобританией, СССР, США и Францией на паритетных началах и после проведения 403 открытых заседаний, личного допроса 116 свидетелей, рассмотрения 143 письменных свидетельских показаний и тысячи официальных документов из правительственных архивов гитлеровской Германии³⁶, установил законность преследования военных преступников.

Понятно, что Нюрнбергский процесс не проходил только односторонним обвинением немецких военных преступников, в течение всего процесса присутствовала дискуссия о законности предъявленного гитлеровскому правительству обвинения в подготовке, развязании и ведении агрессивной войны. Критика положений Устава МВТ началась буквально в первый же день Нюрнбергского процесса, когда защита главных немецких

³⁵ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. - М.: Юридическая литература, 1987. - С. 76.

³⁶ Международные суды и международное право (сборник обзоров). М.: АН СССР, 1986. С. 61-62.

военных преступников в лице доктора Штамера сделала официальное заявление, смысл которого сводился к тому, что международному праву не известны нормы, устанавливающие ответственность за ведение агрессивной войны, в ответ которому трибунал сделал ссылку на свой Устав. В дальнейшем позиция защиты в концептуальной форме была выражена в специальной речи защитника Ярайсса, которая вкратце сводилась к следующим утверждениям: история международного права не знала таких договоров или соглашений, которые с элементарной ясностью установили бы противоправность и преступность агрессии, а следовательно, применение положений Устава МВТ к главным немецким военным преступникам является грубейшим нарушением общепризнанных принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*».³⁷

Смысл этих принципов заключается в том, что не может признаваться наказуемым то действие, которое в момент его совершения не признавалось законом преступным, и что, даже если и принят уголовный закон, он не имеет обратной силы в отношении действий, не считавшихся преступными в момент их совершения. Что касается соответствующих положений Устава Лиги Наций и Пакта Бриана-Келлога, то основные тезисы своей аргументации Ярайсс использовал для того, чтобы доказать, что эти положения позитивного международного права имеют политический характер и решительно утратили свое значение в тех конкретных условиях международных отношений, в которых эти акты были подвергнуты испытанию³⁸.

В связи со ссылкой защиты на принципы «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*» следует указать на то, что они зародились как принципы национального уголовного права, и что механическое перенесение этих принципов из национального в международное право было бы в корне неправильным. Тем более, что обвиняя нацистских военных преступников в международных преступлениях против мира и человечности, МВТ и его Устав основывались не на нормы национального права, а на нормативные принципы таких международных соглашений и документов как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, принятый Ассамблеей Лиги Наций в 1924 г., Декларация об агрессивных войнах 1927 г. и ряда других³⁹.

Относительно принципа «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания о нем в законе») и вытекающего из него «*nullum poena sine lege*» - («нет наказания без закона»)

³⁷ Полторац, А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). С. 70-71.

³⁸ Полторац, А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). С. 71-72.

³⁹ Подробнее: Полторац, А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). С.79-118.

следовало бы отметить, что, как известно, императивные нормы могут делать временно бездействующими те или иные процессуальные нормы в отношении международных преступлений, не объявляя их недействительными вообще, и примером неприменения в общем и целом указанных принципов является тот случай, когда речь идет о необходимости наказания лиц, виновных в совершении международных преступлений⁴⁰.

Судьи МВТ, исследуя аргументы защиты, посчитали их необоснованными и в вынесенном 1 октября 1946 г. судебном приговоре пришли к заключению о том, что подготовка и введение агрессивной войны являются не просто международным преступлением, а особо тяжким международным преступлением, аккумулирующим все остальные.⁴¹ МВТ приговорил военных преступников к смертной казни и тюремному заключению, трое обвиняемых были оправданы.

Приговор получил международное одобрение, и в 1946 г. по образцу МВТ был создан МВТ для Дальнего Востока или так называемый Токийский трибунал. Судебные разбирательства по данному процессу проходили с 29 апреля 1946 по 12 ноября 1948 гг., и обвинения в совершении военных преступлений и преступлений против человечности были выдвинуты против 28 высокопоставленных деятелей милитаристской Японии⁴². Устав МВТ для Дальнего Востока в принципе воспринял все важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала.

Работа МВТ и вынесенные ими приговоры имели большое значение для дальнейшей разработки международного права в плане ответственности за совершение военных преступлений, преступлений против мира и человечности в целом, и особо важное значение для развития концепции геноцида. Так, в обвинительном заключении МВТ от 18 октября 1945 г. отмечается, что обвиняемые «...осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп, истребление гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожения определенных народов и классов, определенных национальных, этнических и религиозных групп, особенно евреев, поляков и цыган, а также других...»⁴³. Кроме того термин геноцида фигурировал в выступлениях обвинителей. Обвинитель от Великобритании Х. Шукросс в своем выступлении отмечал, что «геноцид не ограничился истреблением евреев и цыган. В разных

⁴⁰ Решетов, Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Решетов, Ю.А., М.: Междунар. отношения, 1983. - С. 135-136.

⁴¹ Международные суды и международное право (сборник обзоров). С. 61-62.

⁴² Международные суды и международное право (сборник обзоров). С. 63.

⁴³ Lemkin, R. Genocide / R. Lemkin // American Scholar. - Vol. 15, No. 2, 1946. - pp. 227-230. - URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/americanscholar1946.htm> (дата обращения: 01.11.2019).

формах ему подвергались югославы, немецкое население Эльзаса-Лотарингии, граждане Нидерландов и Норвегии. Методы в отношении отдельных народов различались, но исход во всех случаях был одинаков»⁴⁴. К проблеме геноцида в своем обвинительном заключении обратился и главный обвинитель Франции профессор О. Шампетье де Риб: «Это настолько чудовищное, настолько немыслимое преступление..., что пришлось создать для него новый термин - геноцид»⁴⁵. В судебном приговоре МВТ термин не упоминался, но мы видим, что он использовался в частных выступлениях, направленных на осуждение актов намеренного уничтожения определенных человеческих групп, которые в Уставе МВТ и в самом процессе определялись как преступления против человечности и за осуществление которых подверглись ответственности главные нацистские военные преступники. Таким образом, Нюрнбергский процесс еще раз указал на необходимость ответственности за нарушения общепризнанных норм международного права и уголовно-правового запрета на международном уровне преступлений, посягающих на существование человеческих общностей и народов. Упоминание впервые на международном уровне в обвинительном заключении термина геноцид, который стал широко использоваться в деятельности Организации Объединенных Наций спустя пару лет, указывает на осознание мировым сообществом того факта, что борьба с рассматриваемым преступлением должна вестись с использованием правовых средств ответственности.

Редко неологизм имеет такой быстрый успех. В течение чуть более года после его введения на английском языке в книге Лемкина, он используется в обвинительном заключении МВТ, а в течение двух лет становится объектом Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.⁴⁶ Еще до завершения разработки Генеральной Ассамблеей норм Конвенции 1948 года, «геноцид» имел детальное определение техник осуществления геноцидальных актов как преступлений против человечества, с момента создания ООН процесс кодификации и прогрессивного развития международно-правовых принципов и норм, касающихся предотвращению преступлений против мира и безопасности человечества и наказания за их осуществление, разворачивается одновременно в нескольких направлениях.

В этом смысле ООН работала по двум направлениям: первое направление стремилось собрать государства вокруг идей соблюдения прав человека в индивидуальном контексте,

⁴⁴ Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое и уголовно-правовое исследование. С. 11.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Schabas, W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes. P. 31

подразумевающий сложный процесс определения широкого ряда прав, что, в конечном счете, привело к принятию 10 декабря 1948 г. Генассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека (в дальнейшем – Билль о правах человека), и второе направление было нацелено на разработку документа об ответственности массовых нарушений прав человека, актов жестокостей, которые мировое сообщество увидело во время войны.

Работа по второму направлению была основана на опыте и Уставе МВТ и привела к принятию Резолюции 96 (I) Генассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., которая признает геноцид международным преступлением и предлагает Экономическому и Социальному Совету ООН (ЭКОСОС) подготовить проект соответствующей конвенции. В Резолюции отмечается, что «геноцид означает отказ в признании прав на существование целых человеческих групп так же как убийство означает отрицание права на жизнь отдельных людей, и что такой отказ оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, и борьба против такого преступления представляет собой вопрос международного значения ... Многие случаи преступлений геноцида имели место, когда осуществлялось полное или частичное уничтожение расовых, религиозных, политических и других группы»⁴⁷. Резолюцией 180 (II) от 21 ноября 1947 г. Генассамблея предложила ЭКОСОС ускорить разработку конвенции по борьбе с геноцидом и установила, что «геноцид является международным преступлением, влекущим за собой национальную и международную ответственность отдельных лиц и государств»⁴⁸.

Резолюции, конечно, не носили юридически обязательный характер, но их положения часто цитируются в последующих документах и судебных решениях, подкрепляющих их требование кодификации обычных принципов международного права в данной области. Определение геноцида в качестве преступления по международному праву означает, что виновные подлежат судебному преследованию даже в тех случаях, когда на момент совершения преступления не было нарушения действующего внутреннего законодательства. Резолюция 96 (I), однако, не проясняет вопрос о соответствующей юрисдикции для такого преследования. Она рекомендует организовать международное сотрудничество в целях содействия скорейшему предупреждению преступления геноцида и наказанию за него, а это подразумевает, что государства обязаны осуществлять судебное преследование в соответствии с классическими нормами международного права, или

⁴⁷ Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. P. 45.

⁴⁸ Решетов, Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. С. 102.

содействовать выдаче государствам, имеющим право осуществлять такое преследование. Резолюция 96 (I) также предлагает некоторые элементы определения преступления геноцида, особенно в отношении групп, подлежащих защите, - «расовые, религиозные, политические и другие». Терминология, по-видимому, основана на определении «преступлений против человечности» статьи 6 (с) Нюрнбергского Устава, в которой, напомним, говорится о «преследованиях по политическим, расовым или религиозным мотивам». За исключением Устава, который дает определение конкретных групп, Резолюция 96 (I) предусматривает защиту «других групп», неперечисленных в тексте.

К числу недостатков Резолюции 96 (I) некоторые ученые относят то, что она отрывала борьбу с преступлением геноцида от борьбы за запрещение дискриминационных идей – пропаганды расизма⁴⁹. Но приведенные замечания еще найдут свое отражение в окончательном тексте Конвенции. Таким образом, Резолюция 96 (I) налагает обязательства и устанавливает нормы международного права в отношении предотвращения и наказания преступления геноцида, однако, ее наиболее важным заключением следует назвать ее мандат на разработку Конвенции.

Так, ЭКОСОС учредил *ad hoc* комитет, состоящий из семи государств-членов, который к маю 1948 г. представил новый проект конвенции. Осенью того же года, когда Генассамблея начала свою ежегодную сессию, она передала проект *ad hoc* комитета на разработку своему постоянному комитету по правовым вопросам – Шестому комитету ГА, он включал в себя представителей всех стран-членов ООН. 2 декабря 1948 г. Шестой комитет представил новый текст, который неделю спустя – 9 декабря 1948 г., был одобрен Генассамблеей как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (вступила в силу в 1951 г.).

При разработке Конвенции в качестве консультантов выступали три эксперта: Рафаэль Лемкин, Анри Доннедье де Вабр, профессор юридического факультета Парижского университета и бывший судья Нюрнбергского трибунала, и Веспасиан В. Пелла, румынский профессор права и президент Международной ассоциации уголовного права. Дискуссия по поводу определения термина «геноцид» и по отдельным пунктам конвенции была долгой и противоречивой, в итоге Конвенция, признавая геноцид преступлением, нарушающим нормы международного права, дала определение геноцида, относя к нему действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или

⁴⁹ Андрюхин, М.Н. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества. С 75.

частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» посредством таких актов как «убийство членов такой группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую (ст. II)»⁵⁰. Тем самым в состав международного преступления геноцида вводится необходимый признак вины, виновного умысла.

Конвенция также установила, что наказуемы не только геноцид и соучастие в нем, но и заговор с целью совершения данного преступления, а также прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида и покушение (ст. III). Конвенция подтверждает, что лица, совершающие геноцид подлежат наказанию (ст. IV) и должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или же международным уголовным судом (ст. VI)⁵¹. Ст. VI можно считать результатом деятельности Нюрнбергского и Токийского трибуналов, однако в ходе дискуссии по вопросу о ст. VI сторонники создания международного уголовного суда указывали на то, что предоставление международному суду полномочий в данной области является основным элементом конвенции, поскольку для эффективного пресечения таких тяжких преступлений не следует рассчитывать на суды государства, на территории которого такое преступление было совершено, так как в данном случае может быть виновным само правительство. Однако международный судебный механизм является одним из важнейших рычагов в общем процессе борьбы с геноцидом и другими преступлениями против человечности. Конечно, окончательная версия документа не свободна от недостатков, но однозначно, что Конвенция в момент ее принятия представляла собой серьезный прогресс в международном праве и сегодня является международно-правовым инструментом для преодоления последствий имевших место геноцидов. Однако возрастающий интерес к геноцидальным актам прошлого и к тем, которые фактически происходят на наших глазах, со стороны СМИ, ученых и даже политических кругов указывают на неудачу попыток ООН объединить международное сообщество против актов насилия и массовых убийств.

⁵⁰ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.09.2019).

⁵¹ Там же.

В дальнейшем свое развитие международно-правовое понятие геноцида получило в рамках логического развития норм международного права, прямо или косвенно связанных с борьбой с преступлениями против человечности, и в ходе работы международных трибуналов. Следует отметить, что 28 мая 1951 г. было принято консультативное заключение Международного суда ООН по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в котором отмечалось, что «принципы, на которых основана Конвенция, признаются цивилизованными странами как обязательные даже для государств, не присоединившихся к Конвенции»⁵². Из этого следует, что геноцид представляет собой преступление, предупреждение и пресечение которого является обязанностью всех государств, независимо от их статуса участника Конвенции. Она носит гуманный и цивилизационный характер и обязывает подвергать ответственности и наказанию тех, кто совершил такое преступление до или после ее принятия и вступления в силу. И для того, чтобы закрепить на международно-правовом уровне утверждение о том, что геноцид и другие преступления против человечности подлежат осуждению независимо от времени их совершения, Генассамблея ООН резолюцией от 26 ноября 1968 года приняла Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, статья I которой признает геноцид в качестве преступления, относительно которого, независимо от времени его совершения, никакие сроки давности не применяются⁵³.

Кроме того, формирование международно-правовой базы преступления геноцида подкрепилось принятием четырех договоров в 1949 г. под названием Женевские конвенции и Протоколов, принятых в 1977 и 2005 гг., каждая из которых содержит нормы, направленные на гуманизацию правил ведения войны и обеспечения эффективного уголовного наказания лиц, совершивших серьезные нарушения. Значительными дополнениями стали Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., осуждающая расизм, одной из крайних форм которого является геноцид, и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 год, статья VI которого признает, что «когда лишение жизни составляет преступление геноцида ничто не дает участвующим в Пакте государствам права каким бы

⁵² Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948—1991 // Организаций Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1993, с. 23. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 05.10.2019).

⁵³ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества // Принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 05.10.2019).

то ни было путем отступать от любых обязательств, принятых согласно постановлениям Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»⁵⁴.

Международно-правовое понятие геноцида получает свое практическое развитие также во время работы международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде. Если Нюрнбергский и Токийский трибуналы были созданы на основе международных договоров, то в основе созданных в конце XX столетия международных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде лежали резолюции Совета безопасности ООН. Однако, международные трибуналы *ad hoc* закрепили в своем уставе Нюрнбергские принципы, тем самым подчеркивая свою преемственность от бывших трибуналов. Например, принцип недопустимости ссылки на официальное или должностное положение лица, обвиняемого в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, был впервые сформулирован в ст. VII Устава Нюрнбергского трибунала, а затем повторен в Уставах МТБЮ (ст. VII) и МТР (ст. VI)⁵⁵.

Деятельность международных трибуналов *ad hoc* обогатила конвенционное понимание геноцида и сыграла важнейшую роль «в дальнейшем развитии и понимании основных элементов этого преступления»⁵⁶. МТБЮ и МТР в определенном смысле внесли свой вклад в развитие международного уголовного права и в дело осуждения военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида. По сути, эти трибуналы были созданы, поскольку тогда еще не существовало постоянно действующего международного уголовного суда, основание которого начало обсуждаться после создания ООН и было предусмотрено в VI статье Конвенции о геноциде. Однако, вопрос о создании суда все откладывался и начал актуализироваться в начале 1990-х годов в связи с осуществлением военных преступлений, этнических чисток и геноцида на территории бывшей Югославии и в Руанде, которые потребовали тщательного расследования. Работа МТБЮ и МТР посвидетельствовала о целесообразности создания постоянно действующего международного уголовного суда вместо создания трибуналов *ad hoc* для каждого отдельного случая.

⁵⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 2200 А (XXI), 16 декабря 1966 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 05.10.2019).

⁵⁵ Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право = Modern international criminal law: Понятие, задачи и принципы/ Кибальник, А.Г., Ассоц. юрид. центр. - Санкт-Петербург, 2003. - С. 110.

⁵⁶ Кибальник, А.Г., Мартиросян, А.С. Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии / Кибальник, А.Г., Мартиросян, А.С., Москва: Юрлитинформ, 2015. - С. 43.

В общем плане критических замечаний в адрес Конвенции о геноциде, следует отметить, что, например, по мнению Дж. Бэчмена, положения Конвенции не отражают реалий современности, поэтому в плане предупреждения и наказания преступления геноцида все большую роль будут играть решения международных трибуналов *ad hoc* и Международного уголовного суда, а их решения, в свою очередь, могут способствовать совершенствованию конвенционных предписаний о геноциде⁵⁷.

Создание международного уголовного суда можно связать с процессом разработки Комиссией международного права ООН по поручению ГА ООН проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, начавшемся еще в 1947 г. Его принятие также постоянно откладывалось в связи с необходимостью разработки определения понятия «агрессия», и в результате долгой работы лишь в 1991 г. Комиссия приняла проекты статей Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, состоявшей их двух частей: общей и особенной. После обновления особая часть включала пять видов преступлений, среди которых вторым по значимости признавалось преступление геноцида⁵⁸. Также Комиссия в 1994 г. приняла проект устава международного уголовного суда и предложила созвать дипломатическую конференцию для рассмотрения проекта устава и принятия соответствующей международной конвенции.

Так, Международный уголовный суд (МУС), первая постоянно действующая судебная инстанция, в компетенции которой входит расследование вопросов ответственности физических лиц, обвиняемых в организации основных международных преступлений – геноцид, преступления против человечества, военные преступления, агрессия (с 2010 г.) – был учрежден 17 июля 1998 г. на дипломатической конференции представителей государств-членов ООН посредством подписания Римского статута МУС. Свою деятельность МУС начал в 2002 г. после ратификации или присоединения к его статуту первых 60 государств⁵⁹.

На сегодняшний день деятельность суда охватывает рассмотрение ситуаций в Уганде, Демократической Республике Конго и Центрально-Африканской Республике (участники Статута, которые сами передали дело на рассмотрение суда); рассмотрение ситуаций в Республике Кения и Кот-д'Ивуаре началось по инициативе обвинителя, а рассмотрение

⁵⁷ Bachman, J. S. The Genocide Convention and the Politics of Genocide Non-prevention / S. J. Bachman - Doctoral dissertation, Northeastern University, 2013. URL: <https://repository.library.northeastern.edu/files/neu:1538/fulltext.pdf>

⁵⁸ Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое и уголовно-правовое исследование. С. 128-129.

⁵⁹ Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право. С. 15-16.

ситуаций в Ливии и Дарфуре (Судан) было передано суду Советом Безопасности ООН⁶⁰. Создание и деятельность МУС ознаменовали новый этап в развитии международного уголовного права, который позволяет осуществить постоянную и более эффективную борьбу с особо жестокими международными преступлениями и призвать к ответственности тех преступников, которые планировали, организовали и осуществили преступления против человечества и в частности геноцид.

Для мониторинга и раннего предупреждения массовых нарушений прав человека 2004 г. Генеральным секретарем ООН была учреждена должность Специального советника по геноциду, вместе с тем в ряде государств были созданы специализированные на изучение вопросов геноцида в современном мире научные учреждения: в Канаде в 1994 г. основана Международная ассоциация исследователей геноцида, которая совместно с Международным институтом исследований геноцида и прав человека с 2006 года издает академический журнал «Исследования и предотвращение геноцида»⁶¹; в Великобритании в 2000 г. открылся международный центр по научному изучению геноцида (Aegis)⁶²; Genocide Watch, Международный альянс за прекращение геноцида⁶³ и т. д.

Нормы вышеприведенных документов получили закрепление в национальном законодательстве большинства стран мира, и в силу конституционных предписаний международно-правовые акты, вступившие в силу для государств, имеют приоритетное действие. Вместе с этим риски для безопасности гражданского населения в период военных конфликтов продолжают расти, причем как в случаях межгосударственных конфликтов, вероятность которых все снижается, так и в случаях внутренних войн. Зачастую такие внутренние войны попирают общепризнанные нормы международного права и превращаются в орудие массового убийства гражданского населения.

Как в прошлом, так и сегодня не вызывает сомнения тот факт, что нарушение законов и обычаев войны, норм международного гуманитарного права становится тяжким преступлением против человечности. Опыт двух мировых войн показал, что в качестве международного преступления, наряду с преступлениями против мира и военными

⁶⁰ Международный уголовный суд // Вестник Международного Уголовного Правосудия. URL: <https://mur-info.com/international-court/> (дата обращения: 05.10.2019).

⁶¹ Genocide Studies and Prevention: An International Journal (GSP). URL: <https://scholarcommons.usf.edu/gsp/> (дата обращения: 07.10.2019).

⁶² Genocide prevention body launched. BBC News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/844847.stm (дата обращения: 07.10.2019).

⁶³ Genocide Watch / International Alliance to End Genocide. URL: <http://www.genocidewatch.org/aboutus.html> (дата обращения: 07.10.2019).

преступлениями, существует комплекс наказуемых действий, представляющий собой самостоятельный вид преступления – геноцид.

Предшествующий Второй мировой войне и последующий за ней процесс разработки международно-правовой базы для привлечения к ответственности за преступления против человечности характеризовался с одной стороны введением запрета на применение силы в межгосударственных отношениях и во внутренних отношениях государства и населения, с другой стороны – регламентацией такого применения. Конечно, все это создало мощный морально-политический фундамент для предупреждения, пресечения и противодействия деяниям, содержащим признаки преступлений против человечности в целом, преступлений геноцида в частности.

Можно сказать, что система международно-правовых средств противодействия геноциду продолжает совершенствоваться в теоретическом плане, однако вопросы неотвратимости ответственности и соразмерности наказания содеянному преступлению часто остаются открытыми в результате политизированного процесса противоречивых позиций сторон по определенному вопросу касательно геноцидальных актов, и вследствие политики отрицания, которую ведет преступное правительство (или его преемники), не только унижая достоинство лиц, переживших это преступление, но и стремясь уничтожить память о самом преступлении. Тем временем, без привлечения к ответственности каждой преступной стороны за каждый случай геноцида невозможно предупреждение и предотвращение нового преступления.

1.2. Основы системы предупреждения преступления геноцида

Слово «геноцид», введенное в международный оборот Р. Лемикиным, сразу у многих вызывает ассоциации с организованным уничтожением миллионов людей, имевшим место на протяжении истории человечества, и то морально-социальное значение, которое он несет в себе, представляет собой одну из основных причин, по которой государства и иные политические формирования используют его в международном дискурсе, или, что более распространено, отчаянно пытаются избегать его использования.

Как уже отмечалось, концепция геноцида в международном праве отражена в Конвенции о геноциде 1948 г., в Статье II которой приведены пять действий, составляющих объективную сторону преступления геноцида, которые должны быть осуществлены с особым умыслом (*dolus specialis*) уничтожения определенной человеческой группы. Такое определение было отражено также в уставах МТБЮ, МТР и МУС. Намерение уничтожить

имеет ключевое значение при признании геноцидальных действий государства преступными. Оно часто переплетается с мотивами преступления, которые в данном случае могут разниться от религиозной ненависти до стремления заполучить определенную территорию.

Ученые отмечают, что именно намерение уничтожить отличает геноцид от действий, влекущих за собой потери среди гражданского населения, которые могут быть предприняты во время войны (военные преступления): погромы, массовые убийства, насильственная депортация и т.п., даже если число жертв таких актов масштабно и с учетом того, что любой из них может в дальнейшем перерасти в геноцид. Так, например, с точки зрения критерия намерения уничтожить, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки никак не является геноцидом, насколько ужасной она ни была, поскольку Соединенные Штаты намеревались на военную победу над империалистической Японией, а не уничтожить японское население как таковое⁶⁴. Такие преступления квалифицируются как военные, но в контексте преступления геноцида не рассматриваются.

Также важно отличить геноцид от симметричного конфликта. Последний представляется как противостояние между двумя или более сторонами, в котором ни одна из них не в состоянии взять верх над другой, в то время как геноцид – это ситуация, когда одна группа полностью могущественна в противовес абсолютно безвластной группе-жертве. Например ситуация на Ближнем Востоке, где палестинцы не могут одолеть Израиль посредством терроризма, так же как Израиль не может уничтожить палестинский народ⁶⁵ - ситуация считается кровопролитным конфликтом, но не квалифицируется как геноцид.

Таким образом, убийства, уничтожение, насильственная депортация – все они являются преступлениями против человечности, когда осуществлены в рамках систематических и широкомасштабных действий против гражданского населения, но они определяются термином геноцид, только если организаторы осуществляют их в военное или мирное время с особым умыслом уничтожить полностью или частично определенную человеческую группу. Намерение, характеризующее преступление геноцида, состоит из двух неотъемлемо связанных элементов – «общее намерение» (обычно относится к объективной стороне преступления (*actus reus*)) совершить соответствующие действия и «намерение уничтожить» (*mens rea*) определенную группу полностью или частично⁶⁶.

⁶⁴ Weitz, E. D. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. P. 9.

⁶⁵ Bauer, Y. Holocaust and Genocide Today / Y. Bauer // A Companion to World War II. - 2012. vol. 1–2 - p. 697.

⁶⁶ Ambos, K. What does 'intent to destroy' in genocide mean? / K. Ambos // International Review of the Red Cross. - Vol. 91, 2009. - Pp. 834-835.

«Общее намерение» определено в Ст. 30 Римского статута МУС⁶⁷, соответственно организаторы геноцида в отношении группы-жертвы должны знать, что она принадлежит числу защищаемых международным правом, а их геноцидальные действия характеризуют объективную сторону преступления. При знании, но продолжении геноцидальной политики, действия преступного правительства будут считаться намеренными и осознанными. Что касается «намерения уничтожить», то оно скорее субъективный элемент, дополняющий общее намерение и держащийся в строгом секрете. Так, например, в деле Акайесу⁶⁸, которое рассматривал МТР, судебное разбирательство восприняло «намерение уничтожить» в качестве «особого умысла» (*dolus specialis*), определяя его как особый умысел, необходимый как составной элемент преступления и требующий, чтобы преступник явно стремился осуществить действие, в котором обвиняется. Таким образом, особый умысел в осуществлении преступления геноцида связан с «намерением уничтожить, частично или полностью, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»⁶⁹. Соответственно, приговор рассматривает особый умысел в качестве ключевого элемента преднамеренного преступления.

Кроме того, предполагается, что преступление геноцида имеет двоякий субъективный элемент: первое – намерение уничтожить, направленное против непосредственной жертвы (человека, члена группы-жертвы), и второе – намерение уничтожить определенную группу, к которой и принадлежит указанная непосредственная жертва⁷⁰.

Определить намерение не всегда легко, во время методично организованных геноцидальных действий прямые приказы на осуществление геноцида не всегда даются, или сразу же уничтожаются всякие возможные доказательства таких приказов. Установить такое намерение возможно лишь проследив за осуществляемыми действиями на месте и выявив линии связи командования между теми, кто стоит у власти и дает такие приказы, и теми, кто их осуществляет. Большинство геноцидальных актов осуществляются по заранее разработанной схеме, технология выполнения таких планов почти во всех случаях одна и та же, и это позволяет утверждать, что проследив за действиями преступного

⁶⁷ Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UN/Doc/A/CONF.183/9. Russian. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.11.2019).

⁶⁸ Бывший мэр коммуны Таба провинции Гитарама в Руанде, приговорен к пожизненному заключению 2 сентября 1998 г., его приговор стал первым в деле осуждения геноцида.

⁶⁹ *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Trial Judgement)*, ICTR-96-4-T, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), September 2, 1998, paragraph 498. - URL: <https://www.refworld.org/cases,ICTR,40278fbb4.html> (дата обращения: 20.11.2019).

⁷⁰ Quigley, J. *The Genocide convention: an international law analysis* / J. Quigley. - Aldershot (Hants.); Burlington (VT): Ashgate, cop. 2006. – P. 10.

правительства, можно выявить его намерение в отношении предполагаемой группы-жертвы и на ранней стадии предупредить и приостановить действия, способные превратиться в преступление по квалификации геноцида.

Еще в 1996 г. американский ученый Грегори Стэнтон представил разработанные им стадии геноцида⁷¹, своевременное выявление и предупреждение которых может привести к отказу осуществить геноцидальное намерение или приостановить направленные на его осуществление действия в их ранний период.

Подтверждением существования геноцидального намерения могут служить факты разделения общества, отделения группы от основного населения путем придания им символов, уподобления членов данной группы животным, нечистой силе, болезням и т. д. (соответственно стадии *Классификации*, *Символизации* и *Дегуманизации*). Немаловажной наглядностью при выявлении намерения отличается тот факт, что при выборе жертв исключаются члены других групп (стадия *Дискриминации*). На отмеченных ранних стадиях против геноцидальных актов могут быть предприняты превентивные меры, такие как юридический запрет использования определенной символики, осуждение пропаганды ненависти, объявление всех форм дискриминации вне закона, то есть действия, за которые отвечают власти государства и обязаны предпринять без вмешательства извне, если только правительство не преследует преступные намерения ликвидации определенной группы.

Однако желание правительства скрыть свое преступное намерение приводит к бездействию в плане приостановления геноцидально направленных актов, способных на более поздних стадиях привлечь международное вмешательство. В большинстве случаев геноцидальные акты могут быть приостановлены только в результате международного вмешательства, когда правительство больше не в состоянии скрыть не только свое намерение, то и факты физического уничтожения членов группы-жертвы (стадии *Организации*, *Подготовки*, *Преследования*, *Истребления*). Меры, направленные на приостановление геноцидальных актов на данном этапе должны включать международное эмбарго на поставку оружия, преследование за подстрекательство и заговор с целью совершения геноцида - оба преступления согласно Статье III Конвенции о геноциде, предупреждение гуманитарной интервенции или частичной гуманитарной или военной помощи потенциальным жертвам для самообороны.

⁷¹ Stanton, G. H. The Ten Stages of Genocide / G. H. Stanton. URL: <http://genocidewatch.net/genocide-2/8-stages-of-genocide/> (дата обращения: 25.11.2019).

Теоретически, меры превентивности, предупреждения, приостановления геноцида могут и должны быть предприняты международным сообществом в течение всего периода осуществления геноцидальных действий, однако международная практика показывает, что даже при неоспоримых фактах осуществления геноцида властями определенной страны в отношении определенной части своих граждан, своевременная реакция международного сообщества во многом зависит от преимущественно предсказуемых интересов международных акторов в регионе. Так, например, политический кризис в Кении, начавшийся после президентских выборов в декабре 2007 года, перерос в межэтнический конфликт, способный по сути привести к геноциду. Однако в результате отсутствия там значительных экономических или политических интересов крупных игроков мировой арены, ООН получила возможность своевременного вмешательства и направления для переговоров бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. В то время как вмешательство ООН в конфликтную ситуацию в Дарфуре (Судан) в 2003 г., не раз названной геноцидом, считалось маловероятным по причине столкновения интересов региональных и крупных мировых держав (конкуренция между США и Китаем за природные ресурсы).

Скрыть свое геноцидальное намерение преступное правительство стремится также после организованно осуществленного физического уничтожения членов группы-жертвы: посредством отрицания намерения уничтожить (последняя, обязательно следующая за геноцидом стадия - *Отрицание*). Отрицание геноцида нацелено на искажение истории и оправдание виновных. Это именно то, что лауреат Нобелевской премии мира, писатель еврейского происхождения Эли Визель называет «двойным убийством», подразумевающим, что отрицание не только унижает достоинство переживших это преступление, но и стремится уничтожить память о самом преступлении.⁷²

Преступное правительство последовательно ведет политику отрицания, нередко разрабатывая своеобразную концепцию, элементы которой направлены на однозначное отрицание если не фактов уничтожения членов группы-жертвы, то отрицание своего намерения, так же как непринятие квалификации своих действий как международно признанное, предусматривающее ответственность преступление геноцида. К сожалению, мировое развитие гуманистических идей и их отражение в международном праве не

⁷² Public petitions: We Commemorate the Armenian Genocide of 1915 and Condemn the Turkish Government's Denial of this Crime Against Humanity. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/150.php> (дата обращения: 27.11.2019).

способствуют отказу преступных властей от их политики отрицания, которая зачастую может длиться десятилетия. Таких примеров достаточно много, начиная с более чем векового отрицания властями Турецкой республики Геноцида армян, заложенного в особую концепцию, элементы которой постоянно меняются в соответствии с требованиями времени⁷³, и заканчивая отрицанием властями современной Мьянмы своих геноцидальных действий в отношении местной этнической группы рохинджа⁷⁴.

Следует также четко отличить намерение геноцида от его мотивов. Мотив для осуществления преступления геноцида, как в целом в уголовном праве, может служить в целях доказательства и, по сути, не является элементом преступления. Так, геноцид, как и любое преступление против человечности, может быть совершен по ряду различных мотивов: из-за этнической или религиозной ненависти, чувства мести или страха, стремления приобрести материальную выгоду, власть или контроль над определенной территорией. Однако геноцид отличается от остальных преступлений против человечности именно наличием особого умысла уничтожить какую-либо группу как таковую, несмотря на то, что мотивы и методы (убийство, насильственная депортация и т.д.) данных преступлений зачастую бывают одинаковыми.

Говоря о мотивах геноцидальной политики следует отметить их разнохарактерность. Подразделить их можно условно на этнические, религиозные, политические и экономические группы. Часто они синтезируются друг с другом и переплетаются со специфическими причинами и особенностями каждого отдельного случая геноцида. Однако, как уже было показано, есть определенного рода предпосылки, которые можно считать общими для каждого своевременно не остановленного случая геноцида, начиная с характера тоталитарного режима государства, в котором, как правило, одна нация провозглашается доминирующей, отвергая все права и привилегии других народов, населяющих его территорию, и заканчивая той политикой отрицания, которую ведут власти в отношении уже осуществленного геноцида.

⁷³ По четкому определению эксперта по турецкой историографии Дженнифер Диксона, отношение Турции к вопросу Геноцида армян характеризуется как «изменение в пределах непрерывности», предполагающее переход от «жесткого» отрицания фактов уничтожения османскими властями своих подданных армянской национальности к «мягкому» отрицанию намерения уничтожить, принятие возможной вины, но ее объяснение требованиями военного времени, которое никак не может квалифицироваться термином геноцид. См. Dixon, J. *Turkey's Narrative of the Armenian Genocide: Change within Continuity* / J. Dixon // *Le Génocide des Arméniens: Cent Ans de Recherche 1915-2015* (Paris). – October, 2015. - Pp. 249–56.

⁷⁴ Myanmar Rohingya: Government rejects ICJ ruling. BBC. January 23, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51229796> (дата обращения: 27.11.2019).

В данном контексте следует отметить, что Конвенция геноцида имеет двойную направленность: она одновременно представляет собой закон, призванный предотвратить преступления геноцида, и форму карательного законодательства, направленного на наказание лиц, виновных в организации и осуществлении геноцидальных актов. Соответственно цель Конвенции - предотвращение геноцида, и, в случае его неудачи, Конвенция предусматривает наказание тех, виновность которых в организации данного преступления была доказана.

В плане превентивного характера функция Конвенции считается упреждающей, она призвана воспрепятствовать осуществлению запланированного геноцида и предотвратить нанесение непоправимого вреда, в то время как цель уголовного наказания преступников можно назвать поствременной функцией, когда действия (или бездействие) превентивного характера оказались провальными и наказание преступников послужит глобальной идее неповторения подобных преступлений в будущем.

В большинстве случаев меры своевременного предотвращения геноцида требуют раннего выявления преступного намерения, более того Статья II Конвенции определяет геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично»⁷⁵ защищаемую группу, что, можно полагать, подразумевает придание квалификации преступления геноцида перечисленным в Конвенции действиям, направленным на уничтожение членов защищаемой группы, только после того как установлен прямой умысел организаторов этих действий уничтожить группу как таковую. Соответственно как для наказания виновных в организации и осуществлении геноцидальных актов, так и для возможности использования Конвенции в целях предпринятия превентивных мер препятствования геноцидальным действиям необходимо явно установленное намерение уничтожить. Но именно требование необходимости установления прямого умысла прежде чем признать геноцид как таковой в целях его предотвращения рассматривается учеными как одна из слабых сторон Конвенции⁷⁶.

Учитывая, что организация превентивных мер мировым сообществом для предотвращения геноцидальных действий требует соответствующего разрешения, для чего и необходимо заблаговременное выявление преступного намерения, тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что зачастую при ведении определенными властями геноцидальной

⁷⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 25.11.2019).

⁷⁶ Bachman, J. S. The Genocide Convention and the Politics of Genocide Non-prevention... pp. 74-78.

политики в отношении группы-жертвы наблюдается отсутствие всяких заявлений и/или документов, которые явно демонстрируют намерение уничтожить, и в таких случаях только организаторы и те, кто исполняют их приказы, знают какие намерения стоят за предпринятыми действиями. Это еще раз показывает, что найти доказательства того, что осуществленные преступным правительством действия считаются запрещенными и предполагающими ответственность в соответствии с перечисленными в Конвенции легче, нежели найти доказательство того, что они должны быть квалифицированы как преступление геноцида. Преступное правительство не признает, что имело намерение уничтожить определенную человеческую группу, представляя свои действия в контексте необходимости военного времени, направленности против подстрекателей и предателей. Как отмечает М. Липшман, требование прямого умысла позволяет отдельным лицам избежать ответственности за осуществленный геноцид, создавая нарративы, согласно которым насилие в отношении членов определенной группы имело политическое основание или что смерть членов группы было несчастным сопутствующим ущербом негеноцидальной политики⁷⁷. В результате формируется концепция отрицания геноцида на государственном уровне, которая зачастую проводит не одно правящее поколение.

Это и может стать затруднительным обстоятельством для предпринятия превентивных мер предотвращения геноцида. Тем не менее, геноцидальное намерение остается необходимым элементом преступления геноцида, отделяющим его от других преступлений против человечности. Следует отметить, что выявлять преступное намерение можно через косвенные доказательства, об этом свидетельствуют как мнения ученых, так и многие решения МТБЮ и МТР. Так, например, в приговоре Р. Караджича – бывшего лидера боснийских сербов, отмечено, что по своей природе геноцидальное намерение не всегда имеет прямые доказательства. Также приговор указывает на ряд факторов и обстоятельств, которые при отсутствии прямых доказательств составляют косвенную часть геноцидального намерения, в частности: общий контекст систематического совершения других преступных действий, направленных против той самой группы-жертвы; масштаб совершенных действий и их общий характер; умышленное и систематическое преследование жертв по причине их принадлежности к определенной группе, и в этом отношении исключение от преследования членов других групп; повторение дискриминирующих и уничтожающих актов, или наличие такого плана или политической

⁷⁷ Bachman, J. S. The Genocide Convention and the Politics of Genocide Non-prevention... p. 96.

доктрины⁷⁸. Таким образом, возможность использования косвенных доказательств при установлении прямого умысла осуществить геноцид позволяет действовать как в целях раннего предупреждения, так и для неопременного наказания виновных в организации и осуществлении геноцидальных актов лиц, стремившихся избежать ответственности просто потому, что геноцидальное намерение отсутствует в их заявлениях и официальной или неформальной документации.

Однако, следует отметить, что косвенные доказательства чаще всего указывают на факты уничтожения большого количества людей, принадлежащих группе-жертве, что и является тем непоправимым ущербом, для предотвращения которого была принята Конвенция. Ученые утверждают, что в качестве указателей возможного начала геноцидальных действия могут служить, кроме вышеперечисленных, например, серьезный экономический кризис, во время которого материальная основа жизни людей оказывается под сомнением, и они склоняются искать тому виновных среди представителей меньшинства (большинства), прислушиваются к экстремистским политическим посланиям, соблазняются возможностью погромов и грабежа. Экономический кризис также может подрвать легитимность и административный потенциал государственных властей, которые, в свою очередь, могут прибегнуть к геноцидальным актам в целях сохранения своей власти. Подобные кризисы способствуют возникновению мятежных настроений, революционных и сепаратистских движений, способных содержать в своей сущности геноцидальный импульс⁷⁹. Соответственно, дискриминационная политика, пропаганда ненависти, межэтнические конфликты вполне могут стать последствиями экономических кризисов и индикаторами скрытой геноцидальной политики. Задача мирового сообщества все это увидеть и предпринять своевременные предупреждающие меры в соответствии с указаниями Конвенции.

Для разъяснения превентивных мер предотвращения геноцида, предусмотренных Конвенцией, следует коротко рассмотреть историю разработки Конвенции и собственно Статьи VIII, которая гласит следующее: «Каждый участник настоящей Конвенции может обратиться к соответствующему органу Объединенных Наций с требованием принять, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, все необходимые,

⁷⁸ Public judgement, Prosecutor v. Radovan Karadzic. UN International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, July 11, 2013. - URL: https://icty.org/x/cases/karadzic/acjug/en/130711_judgement_rule98bis.pdf (дата обращения: 30.11.2019).

⁷⁹ Jones A., Genocide: A Comprehensive Introduction / A. Jones - London; New York: Routledge, 2006. – p. 389.

по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний»⁸⁰. В предварительной версии Конвенции, представленной в 1947 г. Секретариатом ООН, можно увидеть более существенные положения касательно превентивных мер предотвращения геноцида, чем в представленном выше окончательном варианте.

В частности, статья XII проекта Конвенции, имевшая название «Действия, принимаемые Организацией Объединенных Наций, по предупреждению или прекращению геноцида», гласила: «Независимо от какого-либо положения, указанного в вышеперечисленных статьях, если преступления, предусмотренные в настоящей Конвенции, совершатся в какой-либо части мира или если существуют серьезные основания полагать, что такие преступления были совершены, Высокие Договаривающиеся Стороны могут призвать компетентные органы Организации Объединенных Наций принять меры для пресечения таких преступлений. В таком случае указанные стороны сделают все для обеспечения полного выполнения вмешательства Организации Объединенных Наций»⁸¹. В комментариях проекта Конвенции к данной статье разъясняется, что «всякий уголовный закон имеет превентивный эффект. Факт в том, что закон стремится сдержать и предотвратить действия людей, склонных к совершению преступлений. Однако опыт показывает, что превентивный эффект носит ограниченный характер, поскольку не останавливает преступников из-за их подавленного благоразумия или наказания, которое кажется нереальным. На международном уровне крайне важно проявлять постоянную бдительность, и превентивные действия должны быть предприняты либо до того, как ущерб будет нанесен, либо до того, как он достигнет широких масштабов, перерастет в катастрофу, последствия которой станут непоправимыми... Так что, если превентивные меры имеют максимальные шансы на успех, члены ООН не должны оставаться пассивными или равнодушными. Конвенция должна обязать страны сделать все возможное, чтобы поддержать ООН в ее действиях по предотвращению или приостановлению подобных преступлений»⁸². Кроме того эксперты, консультирующие разработку Конвенции, В. Пелле и Р. Лемкин указывают, что стоит

⁸⁰ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 02.12.2019).

⁸¹ Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide // UN Economic and Social Council, UN Doc. E/447, June 26, 1947, p. 46. - URL: <https://digitallibrary.un.org/record/611058#record-files-collapse-header> (дата обращения: 02.12.2019).

⁸² Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, p. 45.

предоставить Секретариату право информировать компетентные органы ООН о случаях названных преступлений, инициативу представления которых по тем или иным причинам страны не могут взять на себя. Однако, сами эксперты понимали, что такое предложение наделяет Секретариат обязанностями, которые не определены в Уставе ООН⁸³.

Данный вариант текста статьи не был однозначно принят, и страны выступили с разными предложениями относительно его корректировки. Например, Соединенные Штаты предложили следующий текст более общего содержания: «Высокие Договаривающиеся Стороны, которые также являются членами Организации Объединенных Наций, соглашаются скоординировать свои действия для обеспечения того, чтобы ООН предприняла соответствующие ее Уставу действия для предотвращения и пресечения геноцида»⁸⁴. Советский Союз настаивал на более жестком определении, считая, что доложить о геноциде Совету Безопасности должно быть обязательством государств, с тем чтобы предупредительные меры были приняты в соответствии с Главой VI Устава. Предложение Китая оказалось нейтральным решением и было ближе всего к окончательному результату, оно гласило: «Всякий Подписавший данную Конвенцию может призвать любой компетентный орган ООН предпринять соответствующие Уставу действия для предотвращения и пресечения геноцида»⁸⁵.

Позицию Советского Союза поддержала Польша во время обсуждений в Специальном комитете, отмечая, что «Конвенция должна предусмотреть, что преступление геноцида ведет к международным разногласиям, угрожая поддержанию мира и безопасности, и что оно может сделать вмешательство Совета Безопасности необходимым»⁸⁶. Что касается, например, Франции, то она не возражала против сообщения о геноциде Совету Безопасности, но в то же время отметила, что только СБ может решить рассмотреть данный вопрос или нет. В итоге, с некоторыми поправками был принят предложенный Китаем вариант статьи.

Обсуждения в Шестом комитете по данному вопросу свелись к тому, что Соединенное Королевство и Бельгия, позиция которых в дальнейшем была поддержана Соединенными Штатами, предложили убрать Статью VIII, аргументируя тем, что ее положения рассматриваются в Уставе ООН. В результате Шестой комитет принял решение удалить Статью VIII, отклоняя новое совместное предложение Ирана, Франции и Советского

⁸³ UN Doc. E/447, p. 46.

⁸⁴ Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. P. 449.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Schabas, W. A. *Genocide in International Law*. P. 449.

Союза. Обсуждение вопроса возобновила Австралия, выдвинув предложение с поправками, похожее принятому в Специальном комитете варианту. После подробных обсуждений и при отсутствии дебатов был принят текст Статьи VIII Конвенции.

Таким образом, можно сказать, что меры по предотвращению преступления геноцида предусматривают два неразрывно связанных элемента: выявление преступных геноцидальных намерений и вмешательство для их предотвращения. Но как уже было сказано, первый элемент характеризуется сложностью выявления доказательств, в то время как приведение в действие второго элемента зачастую считается политизированным процессом. Попытки бороться с проблемой предотвращения преступления геноцида чаще всего связывают с программами и разработками отдельных ученых-геноцидологов и исследовательских центров.

Одним из наиболее полных анализов проблем предотвращения геноцида является работа американско-израильского ученого Израэля Чарни о необходимости «Мировой системы раннего предупреждения геноцида» с целью наблюдения за нарушениями прав человека с тем, чтобы выявить общества,двигающиеся по пути к геноцидальной политике. Основной функцией разработанной к 1982 г. системы заключается в сборе и представлении мировому сообществу информации о текущих случаях геноцида и нарушений основных прав человека во всем мире. Собранные данные будут способствовать сравнительному анализу и исследованию учеными разных дисциплин того, как развиваются геноцидальные процессы с конечной целью быть способным определить когда и где могут произойти геноциды. Однако более краткосрочным является цель информирования мирового сообщества с тем, чтобы привлечь внимание мировой общественности к массовым убийствам, стимулировать действие международных и национальных учреждений, правительственных и неправительственных организаций⁸⁷. Таким образом, цель Мировой системы раннего предупреждения геноцида – собрать информацию на трех уровнях (информация о текущих случаях геноцида и массовых убийств во всем мире; мониторинг информации о нарушениях основных прав человека во всем мире; основа многообразных исследований для понимания тенденций, через которые в обществе нарастают геноцидальные идеи).

⁸⁷ Charny, I. W., Rapaport, Ch. A Genocide Early Warning System / Charny I. W., Rapaport Ch. // The Whole Earth Papers [Global Education Associates]. – 1980. № 14. - P. 31.

В итоге, Мировая система раннего предупреждения геноцида определяет десять основных процессов раннего предупреждения:

Процесс раннего предупреждения 01. Ценность человеческой жизни. Предполагает одинаковое уважение и равенство всех проживающих в государстве.

Процесс раннего предупреждения 02. Забота о качестве человеческого опыта. Предполагает существование и степень применения норм общества о том, что людям должна быть предоставлена возможность прожить свою жизнь как можно более комфортно.

Процесс раннего предупреждения 03. Ценность власти. Когда целью власти является установление контроля над людьми, доминирование, их эксплуатация и порабощение, то такая ориентация на власть по своей природе служит индикатором возможных дальнейших политических пыток, исчезновений, казней и геноцидальных убийств.

Процесс раннего предупреждения 04. Механизм управления эскалацией угрозы. Наряду с объективными угрозами человеческой жизни существуют и субъективные, связанные с необходимостью перекрестной проверки информации о системе сдержек и противовесов и полномочий лиц, принимающих решения по политике реагирования опасностям.

Процесс раннего предупреждения 05. Ориентация в направлении усиления самообороны и разрешении конфликтов. Продолжение предыдущего процесса, вопрос заключается в том, сколько силы нужно использовать в ответ на угрозы. Применение силы в целях самообороны само по себе может быть чрезмерно жестоким и разрушительным, и больше не для защиты, а убийств и геноцидальных актов.

Процесс раннего предупреждения 06. Открытое насилие и разрушительность. Ожидается, что общество, ограничивающее воздействие насилия в своих средствах массовой информации и развивающее более зрелую позицию в своих репортажах о реальных случаях насилия, будет менее подверженным к геноцидальному насилию в отношении других.

Процесс раннего предупреждения 07. Дегуманизация потенциальной группы-жертвы.

Процесс раннего предупреждения 08. Восприятие группы-жертвы как опасной.

Процесс раннего предупреждения 09. Доступность группы-жертвы. Довольно сложная тема, предполагающая, что, конечно, ответственность за виктимизацию полностью лежит на ее организаторов, которые в итоге должны быть осуждены, однако

существуют группы и нации, которые беззащитны, слабы и наивны, подвержены издевательствам и запугиванию, что и делает процесс виктимизации более возможным.

*Процесс раннего предупреждения 10. Узаконивание виктимизации со стороны руководства определенных учреждений.*⁸⁸

Представленные И. Чарни процессы определяют и дают довольно полную картину тех событий, которые косвенно свидетельствуют о наличии геноцидального намерения предшествуют собственно геноциду – уничтожению представителей группы-жертвы. По существу многие выявленные ученым индикаторы геноцидального намерения совпадают с разработанными Г. Стэнтоном стадиями геноцида, неся в себе возможность установления организаторов и подстрекателей, геноцидально ориентированной политики. Подобные исследования велись и ведутся многими учеными-геноцидологами начиная с введения Р. Лемкиным в научный оборот термина «геноцид» и придания этому преступлению уголовно-наказуемого характера посредством его квалификации таковым Конвенцией о геноциде, и все исследования и международно-правовые действия ведутся с целью раннего выявления, предупреждения и своевременного пресечения геноцидальных действия во имя идей гуманности и ценности как определенной национальной, этнической, расовой, религиозной группы, так и каждого отдельного человека.

Стоит отметить еще одно исследование, не менее ценное наряду со всеми остальными, - работу по оценке рисков американского исследователя Барбары Харфф. Так, в 1998 г. в ответ на политическую инициативу президента США Б. Клинтона по раннему предупреждению и пресечению геноцидов Барбаре Харфф, старшему консультанту созданной в 1994 г. для исследования предпосылок государственной неудачи Рабочей группы, было предложено разработать и провести исследование, в котором будут использованы ее собственные и другие источники данных для создания эмпирически и теоретически обоснованной системы оценки рисков геноцидального насилия. В результате к 2003 г. были выявлены шесть факторов в структурной модели с использованием данных с 1955 по 1997 гг. стран, потерпевших неудачу и в которых геноцид был осуществлен (так же как тех, которые смогли его избежать). Список рисков был обновлен в последующие годы (с 2007 по 2015 гг. периодически публиковались) с использованием новых данных⁸⁹. Разработанные Б. Харфф первоначально шесть факторов риска следующие: политические

⁸⁸ Charny, I. W. Early Warning, Intervention, and Prevention of Genocide / Charny I. W. // *Genocide in Our Time: An Annotated Bibliography with Analytical Introductions.* - 1992. - Pp. 154-156.

⁸⁹ Harff, B. Risk assessments / B. Harff // *Genocide Prevention Advisory Network.* URL: <http://www.gpanet.org/content/barbara-harffs-risk-assessment> (дата обращения: 10.12.2019).

волнения, за исключением геноцида; предыдущие геноциды; идеологическая ориентация правящей элиты; вид режима; этнический характер правящей элиты; торговая открытость⁹⁰. Таким образом, представленная модель обеспечивает основу для оценки и сравнения стран наиболее ориентированных на осуществление геноцидальных актов. Все представленные (и непредставленные) исследования по выявлению основных индикаторов – косвенных доказательств геноцидального намерения, по сути, представляют собой нечто вроде глобального «контрольного списка», позволяющего определить страны, в которых присутствуют условия для будущего геноцида.

Такой элемент концепции предупреждения преступления геноцида как выявление геноцидального намерения и лиц, его воплощающих, представляет собой первый шаг в направлении приостановления геноцидально ориентированных действий, за которым должен следовать второй элемент, а именно вмешательство, предполагающее различные механизмы, которые международное сообщество может использовать для сдерживания или хотя бы ограничения геноцидальных актов. То есть, представленные выше примеры исследований и их применение в отношении определенного случая лишь покажут, что существует достаточное количество индикаторов, чтобы предупреждать мировое сообщество о том, что данное общество охвачено потенциальными геноцидными настроениями. Однако выявление этих предупредительных мер и их постоянный мониторинг недостаточны до тех пор, пока не соединены со стратегиями по вмешательству и приостановлению геноцидальных действия. Соответственно вмешательство является естественным и необходимым следствием этапа выявления геноцидальных стремлений.

По сути последствия, имевшие место для организаторов Холокоста, еще раз развеяли убеждение о том, что государство имеет полную свободу действий в отношении своих граждан. Соответственно, если раньше всякие шаги международного сообщества на предупреждение преступных намерений определенного государства однозначно считались вмешательством во внутренние дела последнего и противоречили концепции его суверенитета, то последующее развитие международного права и особенно такой отрасли, как защита прав человека, позволяет сегодня говорить, что каждое государство обязано защищать права всех проживающих на его территории людей. Если же государство нарушает и отвергает данные права, то международное сообщество может действовать,

⁹⁰ Harff, B. 'No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955...pp. 57-73, 2003. P. 68.

вмешаться, придавая большую важность защите жизни и прав людей суверенного государства, чем его принципу независимости.

Одно из указаний приоритетности защиты прав человека над суверенитетом государства можно найти в документах МТБЮ, в частности в деле Прокурор против Тадича, где Апелляционная палата подчеркнула, что «государственной суверенитет должен отступить перед лицом преступлений, которые затрагивают интересы не только одного государства, но и шокируют сознание человечества»⁹¹. В решении того же дела судьи в ответ на аргументы о фундаментальности суверенитета в конфликтных ситуациях указали, что «было бы искажением закона и предательством всеобщей потребности в справедливости, если бы концепции государственного суверенитета было позволено иметь приоритет над правами человека. Границы не должны рассматриваться как щит от зоны досягаемости закона и защита для тех, кто попирает самые элементарные права человека»⁹². Вмешательство (интервенция), таким образом, можно считать наиболее допустимым ответом на нарушения прав человека, тем более, что оно предусматривает разные формы, от дипломатических мер до военного вмешательства.

Одной из форм интервенции для предупреждения преступления геноцида считается дипломатия, рассматриваемая как своего рода зонтик, под которым собраны различные виды вмешательства, которая может использовать меры убеждения, принуждения или запугивания или комплекс таких элементов⁹³. Фактически дипломаты способны убедить государственных руководителей, что их политика несет в себе геноцидальные элементы и их применение может привести к более серьезным формам вмешательства, таким как санкции или военные действия. По сути организаторы геноцида стремятся скрыть свои действия, скорее свое геноцидальное намерение, чтобы избежать международного вмешательства и ответственности. В подобных случаях дипломаты обязаны доводить до сведения государственных руководителей о возможных последствиях их действий, о том, что эти действия не прошли незамеченными и, соответственно, они не останутся безнаказанными. Однако не всегда это происходит, процесс предупреждения дипломатами во многом зависит от интересов аккредитирующей страны в принимающей стране.

⁹¹ UN International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Appeals Chamber Judges unanimously confirm the Tribunal's jurisdiction. The Hague, October 2, 1995. - URL: <https://www.icty.org/en/press/appeals-chamber-judges-unanimously-confirm-tribunals-jurisdiction> (дата обращения: 15.12.2019).

⁹² ICTY, The Prosecutor v. Dusko Tadić, IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision, 2 October 1995, paragraph 58. - URL: <https://casebook.icrc.org/case-study/icty-prosecutor-v-tadic> (дата обращения: 15.12.2019).

⁹³ Alvarez, A. Governments, Citizens, and Genocide: A Comparative and Interdisciplinary Approach / A. Alvarez - Bloomington: Indiana University Press, 2001. - p. 136.

Например, накануне вторжения Индонезии в Восточный Тимор в 1975 г. и начала геноцидальных действий против населения Восточного Тимора, посол Австрии в Индонезии писал, что Австрия должна придерживаться прагматической, а не принципиальной позиции, поскольку это то, что подразумевают национальные интересы и внешняя политика. В то же время американским дипломатам было предписано избегать вопроса Восточного Тимора, и только за пару дней до вторжения Генри Киссинджер и Джеральд Форд встретились с президентом Индонезии и дали ему «разрешение» на вторжение⁹⁴. Соответственно в определенных случаях дипломатия может играть против интересов группы-жертвы, но все еще применение дипломатических мер в системе предупреждения преступления геноцида считается первостепенным и формой так называемой «мягкой» интервенции.

Средней формой между «мягкой» интервенцией и военным вмешательством являются экономические и политические санкции. В данном случае, если они направлены на приостановление геноцидальной политики, санкции могут выражаться в форме эмбарго на поставку оружия, прекращение военных программ сотрудничества и обучения, финансовые санкции, ограничения на доступ к нефтепродуктам, запреты на воздушное сообщение, ограничения на поездки, ограничение дипломатического представительства, приостановление членства или исключение из международных или региональных организаций⁹⁵. С другой стороны, наложение санкций на преступное правительство может иметь негативные последствия не только для группы-жертвы, но и для всего населения страны, охваченной геноцидальной политикой. В результате санкций гражданскому населению могут быть недоступны продукты питания, медикаменты и оборудование, топливо и другие необходимые для существования продукты, что, в свою очередь, может вызвать ненависть населения по отношению к тем, кто наложил эти санкции.

Кроме того они могут вызвать ряд негуманных и запрещенных международным правом действий, например, голод во время военных действия (или как метод их ведения). Наглядным примером являются санкции, наложенные на Ирак вследствие Войны в Персидском заливе в 1991 г., когда недостаток продуктов питания и медикаментов имел разрушительные последствия для детей, лиц пожилого возраста и больных. В связи с этим

⁹⁴ Alvarez, A. Governments, Citizens, and Genocide: A Comparative and Interdisciplinary Approach - p. 137.

⁹⁵ Jones A., Genocide: A Comprehensive Introduction, p. 393.

ученые задаются вопросом: как можно наложить санкции на государство за попрание прав человека, когда эти самые санкции нарушают права человека?⁹⁶

Еще одной нетрадиционной формой интервенции считается так называемое электронное глушение (electronic jamming), когда электронные медиа геноцидального государства оказываются под контролем правительства и становятся средством представления группы-жертвы в качестве врага и угрозы и создания в стране климата ненависти и недоверия, вмешательство может предположить их «глушение». При монополизации медиа государством они становятся посредником геноцидальных жестокостей, собрав население вокруг мифов и обманов. Так, например, в Камбодже граждане были лишены возможности получать информацию от всяких других источников, кроме как контролируемых государством политических образовательных лекций, в Руанде и Сербии при контроле медиа граждане могли знать только официальную правительственную позицию⁹⁷. Поэтому своевременное вмешательство для приостановления распространения желаемого государством эффекта на общество может быть одним из первых шагов в направлении предупреждения геноцидальных действий, иначе общество может стать настолько идеологически охваченным геноцидальными побуждениями, что внешняя информационная компания не окажет никакого влияния на общественное мнение. Кроме того, внешняя информация будет рассматриваться в качестве пропаганды в противовес вещанию внутренних медиа, передающих только «правду». Данный возможный вид вмешательства также можно считать формой «мягкой» интервенции, непродуктивность которого наряду с другими формами должен привести к более жесткому вмешательству для пресечения преступления геноцида.

Военное вмешательство несет наибольшие риски, считается агрессивной формой интервенции, поскольку предполагает прямое использование силы и нарушение суверенитета определенного государства. По мнению исполнительного директора Human Rights Watch Кеннета Рота, военное вмешательство должно быть самым последним приемлемым способом приостановления геноцидальных действий. Подобного рода вмешательство должно прежде всего руководствоваться гуманистическими целями, оно должно проводиться для обеспечения максимального соблюдения международного права прав человека, должно иметь достаточно высокую вероятность принести больше пользы, чем вреда, и кроме того должно, в идеале, быть одобрено Советом Безопасности ООН или

⁹⁶ Alvarez, A. Governments, Citizens, and Genocide: A Comparative and Interdisciplinary Approach. - p. 139.

⁹⁷ Там же, с. 140.

другим органом с значительными многосторонними полномочиями⁹⁸. В данном случае ООН представляется единственной межправительственной организацией (хотя не отличается безупречной репутацией в данном вопросе), способной учесть предупреждения группы или отдельных государств и неправительственных организаций о возникновении ситуаций с возможным геноцидальным исходом и организовать легитимную военную интервенцию во имя защиты прав людей, находящихся в тяжелом состоянии с ущемленными правами, подвергающихся жестокому обращению и массовым убийствам.

В истории прошлого есть примеры международного вмешательства с гуманитарной направленностью (которые на сегодняшний день можно было бы назвать гуманитарной интервенцией), целью которых провозглашалась защита определенной части гражданского населения государства, суверенитет которого правомерно нарушался. В настоящем столетии с этой целью переплетается глобальная борьба с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, несущая в себе довольно большие риски для гражданского населения, которое нередко становится средством деморализации врага посредством настраивания местных жителей против властных структур и ополченцев.

Критика концепции гуманитарной интервенции строится вокруг сомнений о том, что ее можно использовать в качестве прикрытия для необоснованного вмешательства во внутренние дела суверенного государства, или же поддержки сепаратистских намерений, направленных на провоцирование правительства на нарушение прав человека и, соответственно, создание более веских причин для внешнего, возможно военного, вмешательства, что содействовало бы делу этих сепаратистских движений. Поэтому возникает коллизия между принципами суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства, которые нередко служат в качестве защиты для малых и слабых государств, и приоритетностью соблюдения норм международного права прав человека и защиты элементарных прав человека на жизнь и свободу. Данный вопрос отчасти нашел отражение в Докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в 2000 г., который, в частности рассуждая о дилемме интервенции, задал следующий вопрос: «если гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию как в Руанде или в

⁹⁸ Jones A., *Genocide: A Comprehensive Introduction*, p. 395.

Сребренице, - как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?»⁹⁹.

Дилемма концепции гуманитарной интервенции остается открытой для определения, стоит привести пример гуманитарной интервенции (военного вмешательства) НАТО в Югославию в 1999 г., которую Независимая международная комиссия по Косово в заключении своего доклада назвала «незаконной, но легитимной»¹⁰⁰. Вмешательство назвали незаконным, потому что оно было произведено без соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, но посчитали легитимным, поскольку оно разрешило гуманитарный кризис и имело широкую поддержку среди международного сообщества и гражданского общества.

В поддержку концепции гуманитарной интервенции разрабатывались и представлялись международному и общественному вниманию новые идеи, направленные на защиту гражданского населения во время военных положений, максимальное обеспечение защищенности гражданских лиц от неминуемой угрозы случаев физического насилия в период вооруженных конфликтов и, по сути, укрепление идей миротворчества. Так возникла новая концепция, отражающая необходимость защиты мирного населения в международных и внутренних конфликтах, которая в 2005 году была закреплена специальной резолюцией ООН и получила название Responsibility to Protect (R2P). В русскоязычный научный оборот данная концепция была переведена по-разному: «обязанность защищать», «ответственность по защите» или просто ОЗ.

Суть концепции ОЗ сводится к тому, что, как отмечено в Итоговом документе Всемирного саммита ООН, «каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности»¹⁰¹, если же определенное государство не способно или не желает соблюдать данную свою обязанность, то другие государства при получении мандата ООН обязаны

⁹⁹ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27.03.2000. URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (дата обращения: 17.12.2019).

¹⁰⁰ The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned // The International Independent Commission on Kosovo, Oxford University Press Inc., New York, 2000. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf> (дата обращения: 17.12.2019).

¹⁰¹ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.2005. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902131568> (дата обращения: 18.12.2019).

вмешаться для предотвращения вышеназванных преступлений и в случае необходимости использовать военную силу¹⁰².

В официальной документации ООН определение концепции ОЗ дается немного расплывчато, что дает повод для ее вольной интерпретации, чаще всего в традиции гуманитарной интервенции. Следуя за официальной трактовкой концепции ОЗ можно выявить его цель в защите гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, в то же время ее отличие от гуманитарной интервенции в целом состоит в том, что цель последней заключается в защите прав человека во общем от злоупотреблений со стороны властей и негосударственных структур. Сегодня не вполне точное определение концепции ОЗ и его интерпретация в традиции гуманитарной интервенции выражается в том, что его возможное использование в качестве прикрытия и под предлогом необходимости защиты гражданского населения может скрыть цель мнимых доброжелателей свергнуть неугодные им режимы и расширить свое присутствие в стратегически важных регионах мира, как это было в случае США и их союзников по НАТО в свете событий в Ливии, Ираке, Сирии и других странах. Поэтому зачастую критики концепции ОЗ предпочитают расшифровать английскую аббревиатуру данной доктрины – R2P – не как responsibility to protect (обязанность защищать), а как rights to punish (право наказывать)¹⁰³. Все это позволяет сказать, что гуманистическое стремление ООН и ряда государств при осуществлении миротворческих операций по защите и спасению гражданского населения не является общепринятой и признается критиками главной задачей миротворческой миссии лишь в одних случаях в противовес тех ситуаций, когда мандат СБ ООН на осуществление интервенции был использован для военного вмешательства в целях реализации интересов третьих государств. Подобная практика приводит к выводу о зачастую избирательном подходе к принятию решений о выполнении интервенции ради спасения гражданского населения государства, правительство которого увлечено геноцидальной политикой. В то же время наличие и постоянная разработка четко сформулированной целевой нормативной базы для воплощения в рамках ООН своей ответственности по защите гражданского населения, невольно вовлеченного в международный или внутренний вооруженный конфликт или преднамеренно ставшего мишенью геноцидально ориентированных

¹⁰² Implementing Responsibility to Protect. Report of the Secretary-General. A/63/677. 12 January 2009. URL: <https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/EEF9DE1F698AA70D8525755100631D7C> (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁰³ Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин, А. А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы / В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин, А. А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. № 26. - с. 56.

правительственных или, возможно, негосударственных кругов, позволило бы более объективно подойти к любому случаю грубого нарушения естественных и неотъемлемых прав каждого человека – представителя определенной общности.

Все рассмотренные выше формы интервенции, направленные на предупреждение и пресечение геноцидальных действий, несомненно содержат в себе определенные проблемы и риски, некоторые из которых были нами коротко рассмотрены. Однако бездействие при неоспоримых фактах геноцида и явном выражении геноцидального намерения чревато угрозой больших масштабов, в то время как вмешательство - от «мягкой» его формы вплоть до военного - предоставляет по крайней мере возможность предотвращения или приостановления актов геноцида. При всем этом первостепенную роль играет постоянное оформление и развитие как международного, так и национального законодательства в области регулирования преступления геноцида и наказания виновных в его организации. Проведение профилактических мер, выявление геноцидального намерения и, наконец, судопроизводство над преступниками геноцидальных действий – все это с детальным расследованием составляет суть системы предупреждения преступления геноцида, практику воплощения которого в состоянии провести международные и национальные структуры. Однако ввиду большого количества случаев, где субъективную сторону преступления геноцида составляют правительственные органы, государственные должностные лица, эффективное регулирование имевшего место в определенном государстве преступления геноцида национальным законодательством может столкнуться с особенностью субъекта насилия. Соответственно ведением дела профилактики, предотвращения и наказания за преступление геноцида должны заниматься компетентные надгосударственные органы, в связи с чем и увеличивается роль международных структур, в особенности ООН.

На сегодняшний день в рамках ООН действует Управление по предупреждению геноцида и обязанности защищать, в котором работают два Специальных советника, подчиняющихся непосредственно Генеральному секретарю: Специальный советник по предупреждению геноцида, должность которого была учреждена в 2004 г., и Специальный советник по обязанности защищать, должность которого была учреждена в 2008 г. Круг обязанностей Специального советника по предупреждению геноцида в основном обозначены в письме 2004 г. Генерального секретаря Председателю Совета Безопасности и включает следующее: собрать информацию по поводу грубых и массовых нарушений прав человека и международного гуманитарного права, имеющих этническое и расовое

происхождение, которые, если не будут предотвращены или приостановлены, могут привести к геноциду; действовать в качестве механизма раннего предупреждения для Генерального секретаря и через него Совета Безопасности, доводя до их сведения о ситуациях, потенциально способных перерасти в геноцид; вынесение рекомендаций через Генерального секретаря Совету Безопасности в отношении действий по предупреждению и пресечению геноцида; и взаимодействие с системой ООН по поводу мероприятий по предупреждению геноцида и работы по укреплению потенциала ООН в деле анализа и обработки информации, касающейся геноцида и связанных с ним преступлений¹⁰⁴.

Для реализации поставленных задач институт Советника по предупреждению геноцида стремиться постоянно обладать актуальной информацией, следить и своевременно реагировать на ситуации с возможным геноцидальным исходом, действовать в направлении осведомления широких масс через доклады и лекции об уничтожительных последствиях имевших место геноцидов и необходимости недопущения новых злодеяний. Актуальность его работы заключается в заблаговременном предупреждении о ситуациях, неблагоприятно влияющих на общий климат мира и безопасности человечества. Так, например, в условиях вспышки коронавирусной инфекции COVID-19 Специальный советник по предупреждению геноцида Адама Дьенг вместе с Высоким представителем Альянса цивилизаций ООН выступил 26 марта 2020 г. с Совместным призывом к солидарности, состраданию и единству¹⁰⁵, выражая серьезную обеспокоенность ростом стигматизации, ненавистических высказываний и связанных с ними преступлений на фоне пандемии коронавирусной инфекции, продолжение которых могут сигнализировать о грубых нарушениях универсальных ценностей и естественных прав человека и требовать профилактических мер на основе представленных выше разработанных учеными-геноцидологами систем по выявлению и предупреждению геноцида.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него стала первым документом о правах человека, одобренная ГА ООН более 70 лет назад, чтобы гарантировать, что «больше никогда» человечество не столкнется с геноцидом. Однако история прошлого не оказалась свободной от практик геноцида, и мы сегодня стоим перед реальностью продолжающихся примеров преступления геноцида. По словам Адама Дьенг,

¹⁰⁴ Mandate of The UN Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/office-mandate.shtml> (дата обращения: 25.01.2020).

¹⁰⁵ A Joint call for Solidarity, Compassion and Unity By Miguel Moratinos, The High Representative for the United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC) and Adama Dieng, The Special Advisor for The Prevention of Genocide. 26 March 2020, New York. URL: <https://www.unaoc.org/2020/03/a-joint-call-for-solidarity-compassion-and-unity/> (дата обращения: 29.03.2020).

наиболее часто цитируемая мысль «больше никогда» стала практикой «снова и снова»¹⁰⁶. Преступление геноцида продолжает иметь место, но за все это время мировое сообщество смогло достичь определенных успехов в разработке системы предупреждения преступления геноцида, составной частью которого является наказание субъектов, виновных в организации и осуществлении преступления геноцида.

Резюмируя, следует определить систему предупреждения геноцида как совокупность определенных критериев оценки и прогнозирования вероятности геноцидальных актов, целенаправленных действий надгосударственных, национальных и общественных структур по выявлению и нейтрализации мотивов и условий, способствующих совершению геноцида, которая опирается на постоянно развивающуюся нормативно-правовую базу, определяющую принципиальные признаки и инструменты борьбы с преступлением геноцида, формируя характерную для нее структуру и принципы, предусматривающие ответственность за совершение такого злодеяния.

1.3. Вопрос криминализации отрицания преступления геноцида

Отрицание ответственности за осуществление преступных действий, квалифицируемых международно-признанным термином геноцид, как уже было отмечено, является последней стадией геноцидальной политики, к которому прибегают без исключения все организаторы геноцида. Отрицание по определенным моральным или материальным причинам может длиться десятилетиями или веками, формируя своего рода концепцию со свойственными ему технологиями и инструментами. Но те, кто уже пережил геноцид, их предки не защищены и вновь виктимизированны теми, кто отрицает или ставит под сомнение факт геноцида и их печальный опыт.

Политика отрицания геноцида может проявляться в различных формах, например, отрицание не самих действий, а их квалификации термином геноцид, или же отрицание статуса переживших геноцид как жертв данного преступления. В последнем случае обвиняются не организаторы геноцида, а сами жертвы, т.е. жертвы заслуживают то, что с ними произошло, соответственно, они не совсем жертвы, но, наоборот, подстрекатели и агитаторы¹⁰⁷. Подобные настроения потенциально могут привести к повторению преступления, а отрицание вообще – к поощрению безнаказанности. Поэтому в качестве

¹⁰⁶ Genocide: "Never again" has become "time and again". OHCHR, 18 September 2018. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/Genocide0918-7808.aspx> (дата обращения: 29.01.2020).

¹⁰⁷ Alvarez, A. Adjusting to genocide: The techniques of neutralization and the Holocaust / A. Alvarez // Social Science History. – 1997. 21(2). – Pp. 162-164.

одного из составных принципов системы предупреждения преступления геноцида следовало бы назвать международное признание и криминализация отрицания имевшего место преступления геноцида.

Сегодня в мире есть больше двадцати стран, которые имеют в своем законодательстве статью о криминализации отрицания преступления геноцида и других преступлений против человечности. Большинство этих стран находятся в Европе, из их числа многие были атакованы или завоеваны гитлеровской Германией, а из неевропейских стран – Камбоджа, Израиль, Руанда, столкнулись лично с этим преступлением, что не могло не отразиться на их законодательстве. Естественно, законы об отрицании в данных странах различаются, среди них можно выделить четыре преступления, отрицание которых в данных государствах предусматривает ответственность: Холокост в отдельности, геноцид в целом, преступления против человечности и военные преступления¹⁰⁸. Однако на данном пути страны нередко сталкиваются с проблемой балансирования между восстановлением справедливости в отношении представителей жертв, против которых был осуществлен отрицаемый геноцид, и правом человека на свободу слова. Насколько сложен этот процесс мы рассмотрим на примере дела «Перинчек против Швейцарии».

Так, в резолюции Национального совета Швейцарии от 16 декабря 2003 г., которой признается факт Геноцида армян, отмечено, что неопровержимые по своему значению и масштабу факты депортации и резни армян во время Первой мировой войны послужили исходной основой для Рафаэля Лемкина – юриста, который определил понятие геноцида. Стандарты, установленные ООН в Конвенции 1948 г., полностью соответствуют процессу уничтожения, который пережил армянской народ.¹⁰⁹ Кроме того, в ст. 261bis Уголовного кодекса Швейцарии, предусматривающей ответственность за расовую дискриминацию, и в частности в параграфе 4 отмечено, что лица, которые публично, в устной или письменной форме или иным способом будут отрицать, грубо уменьшать масштабы или пытаться оправдать (какой-либо) геноцид или другие преступления против человечности, будут наказаны тюремным заключением сроком до 3 лет или штрафом¹¹⁰. Так, закон открытым образом не определяет отрицание Геноцида армян как действие расовой дискриминации, но и не исключает его.

¹⁰⁸ Более подробно: WR Pruitt. Understanding Genocide Denial Legislation: A Comparative Analysis. *International Journal of Criminal Justice Sciences* 12 (2), 270-284, 2017.

¹⁰⁹ Switzerland (Helvetic Confederation) National Council Resolution, December 16, 2003. - URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/Switzerland.php> (дата обращения: 07.02.2020).

¹¹⁰ Code pénalsuisse du 21 décembre 1937 (Etat le 1er mars 2018). - URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19370083/index.html#id-1-1-1> (дата обращения: 07.02.2020).

2005 г. лидер Рабочей партии Турции Догу Перинчек сделал в Швейцарии три отдельных публичных заявления касательно Геноцида армян. Первое, во время пресс-конференции в Лозанне он заявил: «Позвольте мне сказать европейскому общественному мнению от Берлина до Лозанны: утверждения «Геноцида армян» являются международной ложью... Ложь о «Геноциде армян» была впервые изобретена в 1915 г. империалистами Англии, Франции и царской России, которые хотели разделить Османскую империю во время Первой мировой войны»¹¹¹. В этом заявлении Перинчек ставит под вопрос декларацию стран Антанты, которая несла в себе основу для определения в дальнейшем термина «геноцид» как преступления против человечества и цивилизации и его наказания.

Позже во время публичного мероприятия в Цюрихе он безоговорочно осудил существование геноцида, заявив, что «прежде всего курдская и армянская проблемы не являлись проблемами и вообще не существовали». Затем в сентябре 2005 г. во время митинга Рабочей партии Турции в Берне Перинчек сказал: «Даже Ленин, Сталин и другие лидеры советской революции писали об Армянском вопросе. В своих докладах они отмечали, что никакого геноцида армянского населения, осуществлённого турецкими властями, не было»¹¹². 15 июля 2005 г. после второго заявления Перинчека Ассоциация Швейцария-Армения выдвинула против него обвинение за отрицание Геноцида армян. Затем в марте 2007 г. окружной полицейский суд Лозанны признал его виновным в расовой дискриминации в соответствии с параграфом 4 ст. 261bis Уголовного кодекса Швейцарии. Суд постановил, что заявления Перинчека отвечают всем субъективным и объективным критериям ст. 261. В частности, суд установил, что мотивы заявлений Перинчека были «расистскими и националистическими» и обязал его выплатить штраф в размере 3000 швейцарских франков или же 30-дневным тюремным заключением, и 1000 швейцарских франков Ассоциации Швейцария-Армения за понесенный моральный ущерб.¹¹³

13 июне 2007 г. Кассационная палата по уголовным делам кантона Во отклонила апелляцию Перинчека, установив, что он отрицал Геноцид армян, который швейцарским законодательством признан наряду с Холокостом как «доказанный исторический факт». После Перинчек опротестовал это решение уже в Федеральном суде Швейцарии с просьбой

¹¹¹ Perinçek v. Switzerland // Global Freedom of Expression, Columbia University. - URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/> (дата обращения: 07.02.2020).

¹¹² Там же.

¹¹³ Հայոց ցեղասպանությունը միջազգային իրավական փաստաթղթի ռուս/ Վազմ.՝ Վ. Քոչարյան.– Երևան: 2014. Էջ 95. (Геноцид армян в международно-правовых документах, сост. В. Кочарян, Ер., 2014. С. 95. (на арм. яз.)).

об отмене или изменении судебного решения на основе уголовного и гражданского права. Однако его апелляция была отклонена¹¹⁴.

10 июня 2008 г. Перинчек подал заявление в Европейский суд по правам человека против правительства Швейцарии, в котором на основе ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод жаловался, что, швейцарские суды, осудив его за публичное высказывание о том, что Геноцида армян не было, нарушили его право на свободу выражения¹¹⁵. Такие действия Перинчека фактически были направлены на то, чтобы поставить под вопрос законность судебных решений швейцарских судов с точки зрения международного права, противопоставив их таким основополагающим принципам демократичности страны как свобода слова и свобода выражения мнений.

После судебного разбирательства ЕСПЧ в решении от 17 декабря 2013 г. постановил, что не все доводы, приведенные национальными властями, чтобы оправдать осуждение заявителя, уместны и в своей совокупности недостаточны. В частности, национальными властями не было указано, что осуждение заявителя отвечало «настоятельной социальной необходимости» или что в демократическом обществе была необходимость защиты чести и достоинства потомков жертв жестокостей, относящихся к 1915 г. и последующим годам. Таким образом, имело место нарушение ст. 10 Конвенции¹¹⁶. В деле фигурировала также ст. 17 Конвенции (запрещение злоупотреблений правами), однако было установлено, что заявитель не мог утверждать, что использовал свое право на свободу выражения мнений в целях, противоречащих тексту и духу Конвенции и тем самым отклонил ст. 10 от ее реальной цели. Поэтому обращение к ст. 17 Конвенции не было¹¹⁷.

В своем решении ЕСПЧ также указал, что роль суда не заключалась в разрешении исторического вопроса Геноцида армян, являющего предметом продолжающихся дебатов среди историков, вместо этого задачей суда было рассмотрение соответствия принятых против Перинчека мер с принципами уважения основных прав и свобод человека. Вместе с этим, ЕСПЧ превысил свои полномочия, пытаясь в плане квалификации преступления ставить различие между Геноцидом армян и Холокостом евреев и отмечая, что последнее представляет собой реальное событие, подтверждаемое рядом неопровержимых фактов,

¹¹⁴ Հայոց ցեղասպանության միջազգային իրավական փաստաթղթի ընդ/ Կազմ.՝ Վ. Քոչարյան.– Երևան: 2014. Էջ 95. (Геноцид армян в международно-правовых документах, сост. В. Кочарян, Ер., 2014. С. 95. (на арм. яз.)).

¹¹⁵ Case of Perinçek v. Switzerland (Application no. 27510/08), Judgment, Strasbourg, 17 December 2013. - URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-139724%22%5D%7D> (дата обращения: 08.02.2020).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

например наличием газовых камер. В данном случае дело Перинчека вышло за рамки соответствующего Конвенции решения и отнесся также к армянскому народу. Именно это послужило причиной тому, чтобы Республика Армения была вовлечена в судебный процесс в качестве третьей стороны и имела бы возможность представить Европейскому суду позицию армянства как в отношении данного дела, так и касательно отдельных формулировок суда¹¹⁸. 17 марта 2014 г. правительство Швейцарии обжаловало решение ЕСПЧ. В связи с этим президент Армении С. Саргсян, приветствовав решение правительства Швейцарии, выразил надежду, что ЕСПЧ примет такое решение, которое не будет оскорбительным для переживших геноцид народов и будет хранить память тех людей, которые стали невинными жертвами этого преступления¹¹⁹.

2 июня 2014 г. ЕСПЧ принял решение о принятии расследования дела в Верхней палате. В августе того же года Армения обратилась в ЕСПЧ для вовлечения дела в качестве третьей стороны, и ее участие подтвердилось 26 августа. Также в качестве третьей стороны выступала Турция¹²⁰. Понятно, что вовлечение Армении, так же как Турции, в судебный процесс в качестве третьей стороны имела свои мотивы: необходимо было избежать в судебном решении таких формулировок, которые каким-то образом ставили бы под вопрос факт осуществленного против армянского народа геноцида, как фактически это было сделано в судебном решении 2013 г.. Более того, было осознание того, что принятие решения в пользу Перинчека-Турции может укрепить у турецкой стороны чувство безнаказанности за отрицание Геноцида армян в странах, которые признали этот факт и ввели уголовную ответственность за его отрицание.

Начавшиеся 28 января 2015 г. слушания по делу «Перинчек против Швейцарии» завершились принятием 15 октября того же года окончательного решения ЕСПЧ. В решении, в частности отмечалось: палата признала, что посягательство на свободу выражения мнений заявителя предполагало защиту «прав других», а именно защиту чести родственников тех людей, которые стали жертвами зверств, совершенных Османской

¹¹⁸ Մարտիրյան Ա.Յ. Հայոց ցեղասպանության հիմնահարցը համաշխարհային քաղաքականության ազդեցիկ դերակատարների՝ Թուրքիայի հետ հարաբերությունների համատեքստում. – Եր., 2015. Էջ 197. (Проблема Геноцида армян в контексте отношений Турции с влиятельными акторами мировой политики/ А. Ц. Марукян. – Ер., 2015. (на арм. яз.)).

¹¹⁹ Տե՛ս. Նախագահը ՄԻԵԴ վճռի բողոքարկման մասին. Ծվեյցարիայի որոշումը սպառնալից էր. 14 մարտի 2014. (Глава Армении о решении Швейцарии обжаловать вердикт ЕCHR: Любая деятельность требует борьбы) URL: <http://www.panarmenian.net/arm/news/176871/> (дата обращения: 08.02.2020).

¹²⁰ Մարտիրյան Ա.Յ. Հայոց ցեղասպանության հիմնահարցը համաշխարհային քաղաքականության ազդեցիկ դերակատարների՝ Թուրքիայի հետ հարաբերությունների համատեքստում. – Եր., 2015. Էջ 198. (Проблема Геноцида армян в контексте отношений Турции с влиятельными акторами мировой политики/ А. Ц. Марукян. – Ер., 2015. (на арм. яз.)).

империей против армянского населения 1915 и в последующих годах. Однако утверждения правительства Швейцарии о том, что комментарии заявителя представляли серьезную угрозу общественному порядку суд нашел недостаточными¹²¹.

Кроме того, в ходе судебного разбирательства были проанализированы вопросы о том, что выступления заявителя не содержали призыв к ненависти или нетерпимости, что контекст, в котором они были сделаны, не был отмечен повышенной напряженностью или особым историческим подтекстом в Швейцарии, что заявления не могут рассматриваться как затрагивающие достоинство армянской общины в той степени, чтобы потребовался соответствующий ответ уголовного права Швейцарии, что с точки зрения международного права Швейцария не имеет обязательств ввести уголовную ответственность за такие заявления, что швейцарские суды по-видимому осудили заявителя за высказывание мнения, отличающегося от установленного в Швейцарии, и на основе всего вышеизложенного суд пришел к выводу, что в демократическом обществе не было необходимости подвергать заявителя уголовному наказанию в целях защиты прав армянской общины и, соответственно, имело место нарушение ст. 10 Конвенции¹²².

Отдельный интерес представляет собой вопрос понесенного ущерба. В частности, Перинчек потребовал выплатить себе 20 тысяч евро как материальный ущерб без указания характера понесенного ущерба. Он также запрашивал 100 тысяч евро в качестве нематериального ущерба. Однако швейцарское правительство заявило, что нет доказательств понесенного Перинчеком какой-либо материального ущерба, поскольку он не показал, что выплатил штраф в размере 3000 швейцарских франков или сумму 1000 швейцарских франков, которую он должен был выплатить Ассоциации Швейцария-Армения. Что же касается нематериального ущерба, то правительство Швейцарии указало, что установление нарушения ст. 10 Конвенции само собой является справедливой компенсацией¹²³.

Фактически решение Верхней палаты ЕСПЧ повторило решение 2013 г., но в то же время отмечалось, что в задачу суда не входило определение вопроса квалификации массовых погромов армянского населения Османской империи 1915 г. как геноцида в соответствии с признанным в международном праве соответствующим термином. Кроме того, в решении указывалось, что армяне имеют право на уважение как своего достоинства,

¹²¹ Case of *Perinçek v. Switzerland* (Application no. 27510/08), Grand Chamber, Judgment, Strasbourg, 15 October 2015. - URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#_Точ430944110 (дата обращения: 08.02.2020).

¹²² Там же.

¹²³ Case of *Perinçek v. Switzerland* (Application no. 27510/08).

так и достоинства своих предков. И наконец, в соответствии с решением, криминализация отрицания Геноцида армян признается законным, но это должно произойти исключительно в рамках Европейской конвенции. В результате, предъявленные Арменией в качестве третьей стороны дела требования были удовлетворены Европейским судом¹²⁴.

Таким образом, дело «Перинчек против Швейцарии» стал поводом обсуждения вопроса Геноцида армян, и хотя ЕСПЧ многократно отмечал, что не берется решать вопрос о соответствии событий арменоцида¹²⁵ начала XX века с термином «геноцид», отсутствие формулировок в решении суда от 2015 г., ставивших под вопрос само осуществление геноцида в отношении армянского населения, с точки зрения необходимости международного признания этого факта можно назвать приоритетнее для Армении, чем признание права Перинчека на свободу выражения своего мнения. Турция, также третья сторона дела, во время судебного разбирательства продвигала официальную позицию относительно вопроса Геноцида армян, в частности адвокат Перинчека отмечал, что его клиент не оспаривал и не защищал массовые убийства армян, он просто отрицал, что османские власти того времени имели намерение осуществить геноцид¹²⁶.

Криминализация отрицания, минимизации, оправдания, одобрения или сомнения имевшего место и признанного страной геноцида считается актом человечности и справедливости в отношении жертв данного преступления, который также следует признать частью системы предупреждения преступления геноцида.

Приведенный пример иллюстрирует сложность данного процесса, требующего от государств уравнивания демократических свобод и принципов справедливости, что можно было бы избежать, если бы факт и намерение осуществления геноцида были признаны преступниками и их потомками. Такие законы стремятся защищать жертв, их память и в дальнейшем препятствовать, предупреждать возможные новые жестокости. Сообщение, которое они несут в себе, в том, что как виновники осуществленного преступления, так и отрицающие исторические факты не останутся безответственными.

¹²⁴ Մարտիքյան Ա.Յ. Հայոց ցեղասպանության հիմնահարցը համաշխարհային քաղաքականության ազդեցիկ դերակատարների՝ Թուրքիայի հետ հարաբերությունների համատեքստում. – Էջ 200. (Проблема Геноцида армян в контексте отношений Турции с влиятельными акторами мировой политики/ А. Ц. Марукян. – с. 200.).

¹²⁵ Armeniermord/Armenocide – арменоцид. Термин был введен Фридрихом Науманом – одним из сторонников протурецкой политики германского кайзера. См.: Dadrian, V. N. The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Oxford, 1995. p. 92.

¹²⁶ The Guardian: Swiss wrong to prosecute politician for denying Armenian genocide, court rules. 15 Oct 2015. URL: <https://www.theguardian.com/law/2015/oct/15/swiss-authorities-wrong-to-prosecute-politician-for-denying-armenian-genocide-court-rules#img-1> (дата обращения: 08.02.2020).

Глава II. Культура как объект преступления геноцида

2.1. Риторика культурных прав

Геноцидальная политика представляет собой использование комплекса преднамеренно жестоких актов, направленных на ликвидацию определенной человеческой группы, на основе отказа в уважении прав представителей данной группы на достойный жизненный уровень и, в конечном счете, на жизнь. В то время как поддержание в государстве благополучного уровня для развития и свободного и полноценного участия каждого человека в жизни своего общества, содействие уважению всех категорий его прав может служить индикатором того, что государство, как и его общество, не одержимо геноцидальными настроениями.

Область прав человека как составная часть международного права предполагает необходимость признания универсальности всех категорий прав человека. Со времен осознания человечеством необходимости пресечения преступлений против мира и человечности путем закрепления на мировом уровне принципов и норм соблюдения законов гуманности, принципа недискриминации и поощрения равенства прав и свобод всех без исключения людей, недооценивался потенциал таких прав человека как культурные. При этом попрание культурных прав определенной группы в обществе может служить одним из первых подсказок того, что члены данной группы становятся мишенью геноцидальной политики. Для составления полной картины как неуважение культурных прав может стать этапом предгеноцида и основой концепции культурного геноцида, рассмотрим содержательные особенности культурных прав и свобод человека в историческом контексте их разработки.

Существует ряд международно-правовых актов по правам человека, которые закрепляют в том числе и культурные права, однако, официального конвенционного определения культурных прав нет (как нет и официальных определений «гражданских», «политических», «экономических» и «социальных» прав). Определить культурные права можно через понимание «прав в области культуры», развития и улучшения имеющихся рабочих определений. Такие рабочие определения можно найти, в частности, в преамбуле к Всеобщей декларации о культурном разнообразии (Париж, 2 ноября 2001 г.) и Замечании

общего порядка № 21 (2009) по праву на участие в культурной жизни, принятом Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам¹²⁷.

В частности, Комитет в своем Замечании общего порядка № 21 указал, что: «культура охватывает, среди прочего, уклады жизни, язык, устную и письменную литературу, музыкальное и песенное творчество, неязыковое общение, систему религий или верований, ритуалы и церемонии, спорт и игры, методы производства или технологию, природную и искусственную среды, традиционную кухню, одежду и жилища, а также искусство, обычаи и традиции, посредством которых отдельные лица, группы лиц и общины выражают свои человеческие качества и тот смысл, который они придают своему существованию, и формируют свое восприятие мира, отражающее их реакцию на те внешние силы, которые затрагивают их жизнь»¹²⁸. Такое определение позволяет смотреть на культурные ценности отдельных лиц, групп людей и общин вне зависимости от их этнической принадлежности, вероисповедания, используемого языка и традиций, неуважение которых не только приводит к нарушениям прав каждого человека в области культуры, но и чревато возможностью нарушений прав человека в других областях (политические, гражданские, социальные, экономические) на постоянной основе, что, в свою очередь, может привести к более жестоким, массовым, антигуманным и наказуемым действиям, таким как дискриминация, апартеид, геноцид и т.д.

Международное сообщество все больше осознает тот факт, что обеспечение культурных прав носит социально-ценностный характер, и как указано в Статье II Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения ЮНЕСКО 2005 г., они являются «средствами поддержания мира, искоренения нищеты и укрепления социальной сплоченности, одним из важнейших требований обеспечения устойчивого развития в интересах нынешнего и будущих поколений, а также взаимного уважения и понимания между отдельными лицами и группами людей при всем их разнообразии»¹²⁹.

¹²⁷ Волкова, Н. В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты / Н. В. Волкова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. – с. 276-278.

¹²⁸ Замечание общего порядка № 21. Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // Экономический и Социальный Совет ООН, 21 декабря 2009 г. - URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIBEDzFEovLCuW1a0Szab0oXTdImnsJZ ZVQc5ReG9hKvddWC2ML5U76E6MiT6DVIK7FdPiqn36dWorbLroNS48IJKcu9pMjIxUX5yMYRn5mFTrRX8c9AJA2RD> (дата обращения: 17.10.2018).

¹²⁹ Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения // Генеральная конференция ООН по вопросам образования, науки и культуры, 20 октября 2005 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 17.10.2018 г).

Разработка универсальной системы защиты прав человек не была бы успешной, если бы она не основывалась на принципе взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодополняемости всех категорий прав и свобод человека, тезис которого постоянно подчеркивается в разработанных международных документах данной области. В этом смысле неопровержимо первостепенную роль играет Всеобщая декларация прав человека 1948 г., провозгласившая общие стандарты защиты прав и свобод человека и представляющая собою фактически первый международный акт, в котором подчеркиваются этническая и правовая ценность экономических, социальных и культурных прав человека и их равных статус и взаимосвязанный характер с гражданскими и политическими правами. Так, Всеобщая декларация прав человека первой провозгласила культурные права людей как неотъемлемая часть прав человека и наряду с экономическими и социальными правами дала первый перечень культурных прав (статьи 22-27). В дальнейшем культурные права были развиты Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., где оговаривается, что «идеал свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен только, если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами»¹³⁰.

Традиционно культурные права вместе с социальными и экономическими правами входили во второе поколение прав человека, отличие которых от первого поколения, включающего политические и гражданские права, обозначалось особенно. Это подчеркивают также возникшие идеологические противоречия при принятии Международных пактов 1966 г.. Одним из предположений в контексте культурного разнообразия и прав для основания такого различия представляется признание солидарности значимой для государств и защищаемой ими ценности - культуры.

Многие исследователи, чтобы подчеркнуть различие, предлагали определять политические и гражданские права именно как права, а социально-экономические и культурные – как требования. Другими словами, права-свободы определяются как «право действовать», а социальные – как «право получать». Этот принцип можно сформулировать и по-другому: политические и гражданские права определить как право действовать против

¹³⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 2200 А (XXI), 16 декабря 1966 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 17.10.2018).

государства, все остальные – как право требовать что-то от государства. Или (еще один вариант определения) политические и гражданские права – это права, реализуемые немедленно, а все остальные – права, реализуемые постепенно.¹³¹

Разнообразие мнений и нежелание определенных государств отказаться от своих позиций по вопросу представления единого перечня первого и второго поколений прав человека в одном акте привело к принятию резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. двух документов: Международному пакту о гражданских и политических правах и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах. Таким образом впервые на международно-правовом уровне культурные права получают свое закрепление как историческое и логическое продолжение остальных прав.

Концептуальное понимание неделимости всех видов прав человека нашло свое отражение также в итоговом акте международной конференции по правам человека, которая проходила под эгидой ООН 22 апреля — 13 мая 1968 г. в Тегеране. В Воззвании Тегеранской конференции отмечается, что, «поскольку права и основные свободы человека неделимы, полное осуществление гражданских и политических прав невозможно без осуществления экономических, социальных и культурных прав»¹³².

Однако, несмотря на законодательное закрепление культурных прав во второй половине XX века, активное развитие данная область права получила только в последнее десятилетие. В частности, произошли определенные изменения, довольно значимые по своему уровню, которые позволили укрепить международно-правовой статус (негласно принятый как неприоритетный и неразвитый) культурных прав человека. Они связаны со следующими событиями:

Во-первых, в 2009 г. Советом ООН по правам человека был учрежден пост Специального докладчика в области культурных прав. Его мандат охватывает: посещение государств с вынесением рекомендаций с целью содействовать поощрению и защите культурных прав на местах, проведение различных тематических исследований, рассмотрение индивидуальных сообщений и участие в конференциях, семинарах и других мероприятиях¹³³.

¹³¹ Пронин, А. А. Права человека: аспекты проблемы / Пронин, А. А., Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2006. - С. 95

¹³² Воззвание Тегеранской конференции // Международная конференция по правам человека, Тегеране, 13 мая 1968 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 17.10.2018 г).

¹³³ Information on the mandate of Special Rapporteur in the field of cultural rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/CulturalRights/Pages/MandateInfo.aspx> (дата обращения: 17.10.2018).

Во-вторых, 5 мая 2013 г. вступил в силу Факультативный протокол 2008 г. к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, учреждающий процедуру рассмотрения индивидуальных или коллективных жалоб на нарушение указанных прав со стороны государств-участников¹³⁴.

В-третьих, были разработаны и приняты международные акты, нацеленные на раскрытие юридического содержания культурных прав человека: Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 2 ноября 2001 г.¹³⁵ и Фрибургская декларация о культурных правах 2007 г.¹³⁶.

Выработка и принятие подобных актов позволяет утверждать о приоритетном статусе и признании культурных прав человека наряду с другими и о необходимости их защиты на международном уровне. В деле определения перечня культурных прав интерес из себя представляют Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., в которой дается перечисление прав, относящихся к категории культурных и отсылка на Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, и Фрибургская декларация о культурных правах 2007 г., разработавшая восемь культурных прав.

В соответствии со статьей 5 Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., «культурные права составляют неотъемлемую часть прав человека, которые являются универсальными, неразделимыми и взаимозависимыми. Необходимым условием для развития творческого разнообразия является реализация в полном объеме культурных прав, как они определены в статье 27 Всеобщей декларации прав человека и в статьях 13 и 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Соответственно, каждый человек должен иметь возможность для самовыражения, творчества и распространения своих произведений на любом языке по своему выбору, и в частности на своем родном языке; каждый человек имеет право на качественное образование и профессиональную подготовку в условиях полного уважения его культурной самобытности; каждый человек должен иметь возможность участвовать в культурной

¹³⁴ Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 63/117, 10 декабря 2008 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml (дата обращения 17.10.2018).

¹³⁵ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2 ноября 2001 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 17.10.2018).

¹³⁶ La déclaration de Fribourg sur les droits culturels, 2007. - URL: <https://droitsculturels.org/wp-content/uploads/2012/07/DeclarationFribourg.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

жизни по своему выбору и придерживаться своих культурных традиций при условии соблюдения прав человека и основных свобод»¹³⁷.

Так, статья 2 Фрибургской декларации о культурных правах 2007 г., предусматривает восемь культурных прав, касающихся самобытности и культурного наследия, свободы идентификации с одной или несколькими общинами и права менять такую идентификацию, доступа к культурной жизни и участия в ней, образования и профессиональной подготовки, информации и коммуникации, а также культурного сотрудничества¹³⁸.

Таким образом, культурные права охватывает самый широкий круг аспектов прав, такие как язык, традиции, самобытность, принадлежащих к различным общинам людей; формирование особых представлений о мере и ведение определенного образа жизни; самовыражение и творчество каждого человека, включая различные материальные и нематериальные виды искусства; информация, коммуникации, образование; вопросы доступа, содействия и участия в культурной жизни общества; проведение государством культурных стратегий и также обеспечение доступа к материальному и нематериальному культурному наследию. Но мало только закрепление перечня на международно-правовом уровне и признание таких прав, необходимо также обеспечение их выполнение, защиту и разработку механизмов наказуемости за их нарушение.

Возрастающая роль сферы культуры в жизни индивида, общества и государства является неоспоримой, и это в свою очередь обуславливает необходимость дальнейшей разработки и законодательного закрепления культурных прав. Более того, все больше актуальным остается вопрос о гарантиях реализации культурных прав и наказуемости за их неосуществление. Все это связано с широким кругом вопросов, входящих в концепцию культурных прав.

Культурные права можно разделить на индивидуальные, групповые (права отдельных лиц как часть сообщества) и коллективные права (права общин в целом). Хотя положения о культурных правах в основном определяются как индивидуальные права, их осуществление прочно связано с другими людьми и сообществами. Например, индивидуальным правом на участие в культурной жизни фактически могут пользоваться только члены определенного культурного сообщества. Кроме того, помимо индивидуально

¹³⁷ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2 ноября 2001 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 19.10.2018).

¹³⁸ Les droits culturels. Déclaration de Fribourg. URL: <https://droitsculturels.org/wp-content/uploads/2012/07/DeclarationFribourg.pdf> (дата обращения: 19.10.2018).

ориентированных культурных прав, таких как права на свободу религии, свободу выражения, общества людей все больше стали выражаться в пользу защиты своих прав в области культуры. Так, общины начали требовать права, такие как коллективное право на защиту культурной самобытности, право не навязывать им чужую культуру и права народов на собственное культурное наследие, а также участие в культурном наследии человечества.

Как уже отмечалось, государства часто рассматривают культурные права, в отличие от гражданских и политических прав, как цели, достижение которых возможно постепенно. Государства обращаются к культурным правам главным образом как к правам личности (индивида), что главным образом определяется использованием подобных терминов в положениях международных документов по правам человека. Исключением является права на самоопределение, которое включено в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (как статья 1), в качестве права «всех народов». Традиционно государства стремятся избежать предоставления общинам культурных прав, опасаясь, что такой коллективный подход может поставить под угрозу стабильность их общества. Несмотря на это, коллективный аспект культурных прав не игнорирован, об этом свидетельствует развитие прав меньшинств и коренных народов.

Так, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., содержатся конкретные культурные права для представителей меньшинств, такие как право пользоваться своей культурой, использовать свой язык и исповедовать свою религию (ст. 2), а также лингвистические и образовательные права (ст. 4)¹³⁹. В Декларации признается коллективный аспект этих прав, защита которых понимается как обязанность государств.

В Декларации также рассматривает меньшинства как нечто целое, обращая особое внимание на защиту их существования и самобытности, тем самым признавая меньшинства как коллективные единицы. Однако положения, касающиеся меньшинств, формулируются не как права вовлеченных в жизни государства общин, а скорее, как обязанность

¹³⁹ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 47/135, 18 декабря 1992 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 20.10.2018).

государства защищать их. Это позволяет говорить, что сообщества не являются субъектами, а скорее бенефициарами этих положений¹⁴⁰.

Особо следует подчеркнуть общую обязанность государств, закрепленную в документах международного права, уважать, защищать и обеспечить культурные права всех людей без дискриминации по какому-либо признаку. Так, принцип недискриминации создает определенную законодательную базу для поощрения культурных прав наряду с остальными. В соответствии с международными документами, дискриминация представляет собой любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, или иное дифференцированное обращение, которое прямо или косвенно основано на запрещенных признаках дискриминации и которое имеет своей целью или следствием отмену, или ослабление признания прав человека¹⁴¹.

На международном уровне ведется борьба против дискриминации в контексте культурных прав таких считающихся уязвимыми групп как женщины и девочки (дискриминация по признаку пола), полное и равное участие которых в культурной жизни должно быть обеспечено; дети, как особая группа, требующая защиты; национальные меньшинства, защита которых является необходимым условием для стабильности, демократической безопасности, мира и поддержания культурного разнообразия; коренные народы, уникальный вклад которых в развитие общества и культурного благосостояния особо подчеркивается; рабочие мигранты и их семьи, защита которых имеет человеческое культурное измерение и так далее.

Таким образом, анализ документов международного права прав человека приводит к утверждению, что на международно-правовом уровне гарантируется право каждого свободно участвовать в культурной жизни общества, а также право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных и художественных трудов, автором которых он является, материальных и нематериальных ценностей, которым он придерживается.

Международно-правовые акты, исполнение которых носит обязательный характер для подписавших его субъектов, провозглашают принципы поощрения терпимости культурного многообразия, предусматривают порядок сохранения всемирного культурного

¹⁴⁰ Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. UNESCO World Report. Published in 2009. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001852/185202e.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

¹⁴¹ Замечание общего порядка № 20. Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (пункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // ООН, E/C.12/GC/20, 2 июля 2009 г. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rescgencom20.html> (дата обращения: 20.10.2018).

наследия и призывают государства к тесному сотрудничеству в сохранении культурных ценностей и культурного обмена, поощрении культуры мира и диалога между всеми народами. Неуважение, предрассудки и дискриминация не раз были отмечены мировым сообществом как источники нестабильности, угрожающие безопасности, миру, диалогу и устойчивому развитию на планете. В истории прошлого немало таких примеров и можно сказать, что именно они обусловили развитие такой отрасли международного права как права человека. В истории настоящего также прослеживаются такие примеры, которые иногда представляются как очаг внутригосударственной нестабильности, несвоевременное пресечение которых чревато возрастанием в международный конфликт. В таких ситуациях сохранность культурных ценностей как составной части культурного наследия всего человечества носит первостепенный характер, и международно-правовая система обязывает к их охране и уважению. Она включает в себя такие фундаментальные документы как, например, Пакт Рериха¹⁴², Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта¹⁴³, Конвенция ЮНЕСКО об охране культурного и природного наследия¹⁴⁴, а также отдельные статьи, например, Статья 16 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов¹⁴⁵.

Современная конструкция прав человека представляет собой совокупность одинаково необходимых системных компонентов, совмещающихся друг с другом видов прав человека. Их взаимосвязь определяет основы стабильности общества, которая разрушается при появлении геноцидальных настроений и целенаправленной политики. Неуважение одних категорий прав человека из дискриминационных соображений может сигнализировать о необходимости принятия превентивных мер во избежание созерцания классических стадий преступления геноцида.

В условиях периода предгеноцида, когда преступники разрабатывают и приводят в действие свой план по уничтожению определенной человеческой группы, в рамках

¹⁴² Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, 15 апреля 1935 г. // Международный Центр Рерихов. - URL: <http://www.icr.su/rus/evolution/pact/> (дата обращения: 25.10.2018 г).

¹⁴³ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 г. - URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 25.10.2018).

¹⁴⁴ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // ЮНЕСКО, 16 ноября 1972 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения 25.10.2018).

¹⁴⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) Женева, 8 июня 1977 г. - URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 25.10.2018).

которого создаются необходимые предпосылки и условия для перехода к совершению преступления, преступники стремятся в первую очередь пресечь возможные проявления национального духа у представителей группы-жертвы, что может быть посредством культурных форм выражения. Поэтому попираются прежде всего культурные права, при этом, стоит еще раз подчеркнуть, мы говорим о разрушении культурных ценностей и ограничении культурных прав не в качестве случайных мишеней или производственной необходимости военного времени, а в рамках целенаправленной политики, которая может осуществляться и в мирное время через умышленное уничтожение объектов материальной и нематериальной культурной собственности и символики, косвенно доказывающей о намерении (по смыслу Конвенции о геноциде и других рассмотренных международных документов) уничтожить данную группу. Становление культуры определенной группы объектом преступления геноцида чревато угрозами для культуры всего человечества, соответственно значение концепции культурного геноцида непосредственно связано с культурным наследием и правами человека.

Как отмечено в докладе Специального докладчика в области культурных прав, представленном ГА ООН в 2016 г., культурный геноцид заслуживает пристального внимания из-за, возможно, не явного отнесения к формам геноцида, но модификации с ее помощью имеющихся препятствий на пути к эффективному сдерживанию уничтожения культурного наследия¹⁴⁶. Сегодня режим международных договоров касательно культурного наследия, обеспечивающих сохранность культурных объектов, довольно стойкий, и в зависимости от контекста умышленное уничтожение культурных ценностей определенной группы может рассматриваться в качестве преступления с геноцидальным форматом. Однако до сих пор нет единого мнения об определении концепции культурного геноцида в международном праве, она в некотором роде противоречивая. Поэтому есть те, кто считает, что данное понятие находится вне правовых рамок, и те, кто отстаивает позицию о том, что международные правовые нормы о геноциде должны включать в себя также преступление культурного геноцида.

¹⁴⁶ Доклад Специального докладчика в области культурных прав // Совет по правам человека, A/HRC/31/59, 3 февраля 2016 г. - URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/56f175004.html> (дата обращения: 25.02.2020).

2.2. Концепция культурного геноцида

2.2.1. Культурный геноцид в общей концепции геноцида Р. Лемкина

Р. Лемкин развивал более широкую, нежели мы имеем теперь в интерпретации Конвенции о геноциде, концепцию преступления геноцида, которая включала также культурный компонент. Так, в пояснениях к уже упомянутому докладу для Конференции по унификации уголовного права 1933 г. Лемкин дает более развернутое определение актов вандализма, как уничтожения произведений искусства и культуры, отмечая, что вклад любого конкретного сообщества в международную культуру входит в сокровищницу всего человечества, сохраняя при этом свои характерные черты. Соответственно уничтожение произведений искусства и культуры любой нации должно рассматриваться как акт вандализма, направленный против мировой культуры. Такие акты наносят непоправимый ущерб не только владельцу разрушенного произведения и общине, к которой он принадлежит, но и затрагивают культурное достояние всего человечества.

Акты вандализма, наряду с актами варварства, противоречат прогрессу человечества, потрясая его сознание и оставляя опасения за будущее, - вот почему они должны рассматриваться как преступления по международному праву¹⁴⁷. Уже в этот ранний период своих исследования Лемкин обращает внимание на важность придания должного значения нападениям на культуру группы как существенного элемента того, что он впоследствии назовет преступлением геноцида. В последующих годах Лемкин становится свидетелем ужасных действий, которые могут характеризоваться как симбиоз актов варварства и вандализма – разрушений физического, биологического и культурного характера. В результате личного опыта он углубляет свое понимание тесной связи между физическим уничтожением и культурным разрушением, что и использует в дальнейшем при формировании определения понятия геноцида и отстаивании своей позиции в качестве эксперта по разработке Конвенции. Лемкин также приходит к выводу, что существует много взаимосвязанных элементов или методов геноцида. Он выявляет восемь методов геноцида: политический, социальный, культурный, религиозный, моральный, экономический, биологический, физический¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Lemkin, R. Les Actes Constituant un Danger General (interétatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l' Unification du Droit Pénal (Madrid). – Octobre, 1933. – Pp. 48–56. - URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁴⁸ Lemkin, R. Genocide - A Modern Crime / R. Lemkin // Free World. - Vol. 4, 1945. - Pp. 39- 43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (дата обращения: 01.03.2020).

Относительно характеристик культурного компонента геноцида он отмечает запрет использования родного языка и национальных традиций группы, уничтожение его культурных ценностей – памятников, библиотек, архивов, музеев, художественных галерей, которое контролируется специальными органами государственной политики, такими как Комитет культуры Рейха¹⁴⁹.

Напомним, что в 1944 г. в своей книге Лемкин предложил следующее определение геноцида: «...согласованный план различных действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности национальных групп, с конечной целью уничтожения самих групп. Задачи такого плана сводятся к дезинтеграции политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и основ экономического существования национальных групп и к посягательствам на безопасность, свободу, здоровье, достоинство и даже на жизни лиц, принадлежащих к такой группе».¹⁵⁰ Данное определение, в котором значимость придается культурному элементу преступления, фигурирует также в последующих его научных работах. В архивных документах Лемкин обосновывает свое внимание к включению проблемы уничтожения культуры в концепцию геноцида.

Из его понимания геноцида никогда не исключалась идея уничтожения культуры. Он отмечает, что идея человеческой группы заключена в самом термине «генос» («genos»), являющемся, в свою очередь, основой цивилизации, которая представляется Лемкину не как продукт культуры, а, наоборот, также его основа¹⁵¹. По Лемкину, цивилизацию формирует культурное разнообразие, а ултранационализм порождает своей идеологической основой отрицание культурного разнообразия и насильное вмешательство в цивилизацию¹⁵². Действительно, каждая национальная, этническая или религиозная группа неразделимо связана со своей культурой, а первоочередным способом ее ликвидации является разрушение тех линий (таких, как язык, национальные и религиозные традиции, материальные и нематериальные ценности), которые собирают в группу ее представителей. И это сознают исполнители злодеяний, направляющих свои попытки уничтожить определенную группу прежде всего против характерных особенностей данной группы, соответственно против того, что бы привело к уничтожению представленного

¹⁴⁹ Lemkin, R., *Axis Rule in Occupied Europe*... Pp. 84-85.

¹⁵⁰ Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe*... P. 79.

¹⁵¹ Frieze, D. L. *Genos - the Human Group: How the Concept of "Culture" Underscores Raphael Lemkin's Notion of "Genocide"* / D. L. Frieze // *The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference (Yerevan)*. – 2011. – Pp.169-170.

¹⁵² Там же, с. 170.

Лемкиным собирательного термина «генос». По этим соображениям, определяя один из тягчайших преступлений Лемкин придавал важное значение включению в него компонента культуры.

Лемкин рассматривает также необходимость различия «геноцидального культурного разрушения» от «культурной ассимиляции», суть которого заключается в том, что не все акты ассимиляции носят геноцидальный характер, поскольку в них отсутствует намерение уничтожить представителей группы-жертвы. По утверждению Лемкина концептуальное отличие вышеназванных понятий заключается в том, что культурная ассимиляция – это постепенный, нередко добровольный, непрерывный и медленный процесс адаптации культуры, в то время как геноцидальное культурное разрушение (культурный геноцид) представляется как уникальный процесс, поскольку является не только актом геноцида, отличным от физического и биологического разрушения, но также действием, который проявляется и проходит параллельно с этими последними актами насильственно и резко¹⁵³. Соответственно, по словам Лемкина, «не должно возникнуть никаких сложностей при отличении культурного геноцида от культурной ассимиляции, так как культурный геноцид входит в намерение, цель и программу организаторов геноцида»¹⁵⁴.

В своей фундаментальной книге Лемкин приводит примеры разрушения культуры¹⁵⁵, но определение понятия «культурный геноцид» с его обобщенными характеристиками можно найти в архивных документах Лемкина, в частности как «уничтожение святилищ национального духа»¹⁵⁶. Также о важном значении культурного компонента концепции геноцида Лемкин подчеркнул словами, произнесенными при встрече с представителями гражданского общества: «История геноцида, особенно в древности, написана на страницах археологии. Последствия геноцида можно было бы понять гораздо более глубоко, если бы культурные потери, которые имели место при уничтожении цивилизаций, могли предстать перед глазами всего мира»¹⁵⁷.

Таким образом для Лемкина преступление геноцида является не только, и не столько массовым убийством, а систематически и стратегически разработанным преступлением, который затрагивает комплекс аспектов и уровней жизнедеятельности группы-жертвы. Со

¹⁵³ Frieze, D. L. *Genos-the Human Group...*p. 168.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation*. P. 84-85.

¹⁵⁶ *Totally Unofficial: The Autobiography of Raphael Lemkin*, edited by Frieze Donna-Lee, New Haven: Yale University Press, 2013, p. 172.

¹⁵⁷ Там же, с. 125.

временем число представленных им методов геноцида значительно сокращается, и Лемкину приходится отстаивать перед международным сообществом позицию физического и биологического компонентов геноцида, наряду с культурным элементом. Термин «культурный геноцид» возник, развивался и был определен Лемкиным одновременно с концепцией геноцида и является составной частью последней как систематического и умышленного уничтожения представителей группы-жертвы.

Физический геноцид представляется как уничтожение группы путем убийства ее членов или нанесение им увечий либо непосредственно, либо через то, что МТР признал методами «медленной смерти», такими как концентрационные лагеря. Биологический геноцид предусматривает введение мер, рассчитанных на снижение репродуктивной способности группы, таких как недобровольная стерилизация или принудительная сегрегация полов¹⁵⁸. В контексте системы предупреждения преступления геноцида Лемкин отмечает, что «физическому и биологическому геноциду всегда предшествует культурный геноцид, или нападение на символы группы, или насильственное вмешательство в религиозную или культурную деятельность группы. Чтобы эффективно противостоять преступлению Геноцида, необходимо вмешаться на самом раннем этапе»¹⁵⁹. Лемкин ссылается на довольно символическое для данного случая высказывание Генриха Гейне: «Сначала они сжигают книги, потом начинают сжигать тела»¹⁶⁰.

Лемкин завершает главу о геноциде своей основной книги частью под названием «Рекомендации на будущее», где он призывает внести поправки в международное право, чтобы предусмотреть защиту групп от геноцида и ответственность тех, кто прибегает к его совершению. Он всегда настаивал на том, что проблема геноцида должна рассматриваться как единый комплексный предмет отношений, возникающих во время процесса обсуждений устранения последствий этого преступления. Как мы увидим впоследствии, Лемкин усердно боролся за включение в международное определение геноцида большинства разработанных им методов данного преступления.

¹⁵⁸ D. Nersessian. "Rethinking Cultural Genocide Under International Law. Human Rights Dialogue: 'Cultural Rights' "(Spring 2005) April 22, 2005. URL:https://www.carnegiecouncil.org/publications/archive/dialogue/2_12/section_1/5139 (дата обращения: 07.03.2020).

¹⁵⁹ Dirk Moses, A. Raphael Lemkin, Culture, and the Concept of Genocide / A. Dirk Moses // The Oxford Handbook of Genocide Studies. – April, 2010. – P. 34.

¹⁶⁰ Totally Unofficial: The Autobiography of Raphael Lemkin, edited by Frieze Donna-Lee, New Haven: Yale University Press, 2013, p. 172.

2.2.2. Культурный геноцид в рамках процесса разработки Конвенции о геноциде

После Второй мировой войны преступление геноцида преследовалось как нарушение внутреннего уголовного законодательства в трех ранних судебных разбирательствах. В частности Верховный национальный трибунал Польши, основанный в 1946 г. в соответствии со специальным польским декретом для судебного разбирательства над действовавшими во время оккупации в Польше немецкими военными преступниками, приняв описанные Лемкиным основы преступления геноцида, признал бывших коменданта исполнительно-тудового лагеря в Плауве (Краков), коменданта концлагеря Освенцим и нацистского губернатора оккупированной территории в Западной Польше виновными за осуществление геноцида¹⁶¹. Хотя основное внимание было уделено актам физического и биологического уничтожения, в решениях всех трех судов (каждый признал обвиняемого виновным и вынес смертный приговор), также была признана вина обвиняемых в культурном геноциде. Так, поляки критиковали судебные процессы Нюрнбергского трибунала за игнорирование осуществленных нацистскими преступниками уничтожений польской (также еврейской) культуры и начали собственный уголовный процесс с формальной юрисдикцией вынести решения по военным преступлениям. Однако, поняв, что подобная юрисдикция не может охватить весь масштаб нацистских преступлений, трибунал принял определение геноцида Лемкина (и само слово в его польском переводе) и интерпретировал его с добавлением термина «культурное истребление»¹⁶². Именно обвинения нацистских преступников в уничтожении польской и еврейской культуры или их насильственная «германизация» послужили основой для рассмотрения элементов культурного геноцида при кодификации норм защиты человеческих групп от преступления геноцида и ответственности его организаторов. Однако именно их включение в определение геноцида вызвало самые оживленные дискуссии и противоречия.

Борьба с преступлением геноцида в дальнейшем продолжается в рамках недавно сформированной ООН, работа которой развивает достижения судебных процессов Нюрнбергского трибунала, формируя международно-правовую базу, которая до сих пор остается предметом критики. Процесс разработки Конвенции о геноциде хорошо документализирован, мы остановимся лишь на тех этапах разработки и обсуждений,

¹⁶¹ Nersessian, D. The Current Status of Cultural Genocide Under International Law / D. Nersessian // Cultural genocide: Law, Politics, and Global Manifestations (London). - 2019. - P. 69.

¹⁶² Bilsky, L., Klagsbrun, R. The Return of Cultural Genocide? / L. Bilsky, R. Klagsbrun // European Journal of International Law. - Volume 29, Issue 2, 2018. - P. 384.

которые привели к исключению из окончательного определения преступления геноцида его культурного компонента, акцентировав только физическое и биологическое уничтожение из изначально восьми методов концепции геноцида Лемкина.

В декабре 1946 г. ГА ООН принимает резолюцию, которой призывает принять необходимые законодательные меры для предупреждения и наказания преступления геноцида, одновременно предлагая Экономическому и Социальному совету начать исследования для разработки проекта Конвенции о геноциде. Стоит отметить, что данной резолюцией уже признается важность культурного компонента преступления: «Геноцид – это отрицание права на существование целых человеческих групп, так же как убийство (гомицид) является отрицанием права на жизнь отдельных индивидов; такой отказ в праве на существование потрясает сознание человечества, приводит к огромным потерям для человечества в виде утраты культурных и других вкладов, привнесенных этими человеческими группами...»¹⁶³. Разработка конвенции прошла три основные стадии. На первом этапе Генеральный секретарь поручил подготовку начального проекта конвенции Отделу по правам человека Секретариата, который в своей работе над проектом консультируется, как уже отмечалось, с тремя экспертами – А. Д. де Вабром, В. В. Пеллой и, конечно, Р. Лемкиным, и в мае 1947 г. представил первый проект конвенции, известный как проект Секретариата (Secretariat draft)¹⁶⁴. Далее в апреле-мае 1948 г. проект Секретариата был пересмотрен Специальным комитетом (Ad Hoc Committee draft)¹⁶⁵, созданным под контролем Экономического и социального совета. На третьем этапе проект Специального комитета был представлен на обсуждение Шестого комитета ГА ООН, в результате окончательно согласованный текст конвенции представляется для официального одобрения на пленарном заседании Генеральной ассамблеи¹⁶⁶.

Примечательно, что с самого начала двое из вышеназванных экспертов были против идеи включения культурного компонента в конвенцию, отмечая, что культурный геноцид излишне расширяет концепцию геноцида, в то же время Лемкин утверждал, что национальная, расовая или религиозная группа не может продолжать свое существование, если не сохраняется ее духовное и моральное единство¹⁶⁷. Позицию Лемкина поддерживали представители таких стран как Советский Союз, Китай и Венесуэла, противоположной

¹⁶³ The Crime of Genocide // UN General Assembly, A/RES/96, December 11, 1946. - URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f09753.html> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁶⁴ Schabas, W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes. P. 52.

¹⁶⁵ Там же, с. 58-68.

¹⁶⁶ Там же, с. 68-81.

¹⁶⁷ Там же, с. 180.

позиции придерживались представители Великобритании, Франции и США. В целом дискуссию вызывал не вопрос о том, что группа должна быть защищена от посягательств на свою культуру, но то, что защиту культуры надо рассмотреть в контексте норм прав человека или меньшинств, а конвенция направлена на предотвращение и наказание массового истребления людей как отдельного вида международного уголовного преступления. Включение культурного компонента может ослабить силу документа как такового, кроме того, по утверждению представителя Франции, включение культурного геноцида, фактически, создает риск политического вмешательства во внутренние дела государства относительно вопросов, которые, по сути, связаны с вопросами защиты меньшинств¹⁶⁸.

Советский Союз, в свою очередь, признавая, что геноцид, по сути, означает физическое уничтожение групп, выступал за включение мер и действий, направленных против использования национального языка или национальной культуры, в действия, предусматривающие ответственность за их совершение. Советский Союз называл это «национально-культурным геноцидом»¹⁶⁹.

Несмотря на серьезные противоречия, культурные компоненты преступления геноцида нашли свое отражение в двух проектах конвенции – в проекте Секретариата и далее Специального комитета. В частности, в проекте Секретариата составной частью Статьи I, дающей определения физическому (пункт 1) и биологическому (пункт 2) геноциду, являлся пункт 3 (культурный геноцид), предусматривающий уничтожение специфических особенностей группы одним из следующих действий:

- (а). насильственная передача детей из одной группы в другую;
- (б). принудительное и систематическое изгнание лиц, представляющих культуру группы;
- (в). запрет на использование национального языка даже в личном общении;
- (г). систематическое уничтожение книг или религиозных произведений, напечатанных на национальном языке, или запрещение новых публикаций;
- (д). систематическое уничтожение исторических или религиозных памятников или их использование в чуждых для них целях, уничтожение или дисперсия документов или

¹⁶⁸ Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. P. 180.

¹⁶⁹ Там же, с. 180-181.

объектов, представляющих историческую, художественную или религиозную ценность, и объектов религиозного поклонения.¹⁷⁰

Далее проект был перенаправлен в Специальный комитет, который в начале своей работы принял решение признать принцип запрещения культурного геноцида. Во время обсуждений в комитете Джон Мактос, глава делегации США и председатель Специального комитета, высказывал опасения, что попытка определения при разработке конвенции культурного геноцида может подвергать риску ратификацию конвенции некоторыми странами. Он предложил определить культурный геноцид отдельной статьей для того, чтобы правительства имели возможность делать оговорки по конкретному пункту конвенции¹⁷¹. На это делегация Советского Союза возразила, что «Конвенция представляет собой единое целое, ее следует только ратифицировать, или отклонить полностью»¹⁷². В то же время Франция заявила, что определение культурного геноцида в отдельной статье поможет избежать неясности, поскольку, по сути, преступления, определяемые конвенцией, довольно различные. В результате, Комитет принял решение включить понятие культурного геноцида в отдельное положение, и представителями Китая, Ливана, Польши, Советского Союза и Венесуэлы, которые открыто поддерживали концепцию культурных прав, был разработан новый проект, Статья III которого была названа «Культурный геноцид» и предусматривала следующее: «В настоящей Конвенции геноцид означает также сознательные действия, совершенные с намерением уничтожить язык, религию или культуру национальной, расовой или религиозной группы по признаку национального или расового происхождения, или религиозных убеждений ее членов, такие как:

1. Запрещение использования языка группы в повседневном общении или в школах, или запрет на печать и распространение публикаций на языке группы;
2. Уничтожение или недопущение использования библиотек, музеев, школ, исторических памятников, мест отправления культа или других культурных учреждений и объектов группы.»¹⁷³

¹⁷⁰ Secretariat Draft: First Draft of the Genocide Convention, Prepared by the UN Secretariat, [May] 1947 [UN Doc. E/447]. - URL: <http://www.preventgenocide.org/law/convention/drafts/> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁷¹ Schabas, W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes. P. 181.

¹⁷² Schabas, W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes. P. 181.

¹⁷³ Ad Hoc Committee Draft: Second Draft Genocide Convention Prepared by the Ad Hoc Committee of the Economic and Social Council (ECOSOC), April 5 - May 10, 1948 [UN Doc. E/AC.25/SR.1 to 28]. - URL: <http://www.preventgenocide.org/law/convention/drafts/> (дата обращения: 20.03.2020).

Также делегацией Ливана был предложен третий пункт: «создание для группы таких жизненных условий, которые могут побудить к отказу от их языка, религии, культуры»¹⁷⁴.

Позднее Шестой комитет пересмотрел решение Специального комитета о включении культурного геноцида как наказуемого акта преступления геноцида. На этом этапе позиция стран, выступающих против включения культурных компонентов геноцида, подкрепляется еще и аргументом о том, что вопрос нужно перенаправить Третьему комитету, который параллельно с ними работает над разработкой Всеобщей декларации по правам человека и позволит обеспечить защиту языка, религии и культуры в рамках данного документа. Однако этого не произошло, и единственной формулировкой из вышеприведенных определений, характеризующих и осуждающих культурный геноцид, которая была отражена в окончательном варианте конвенции, принятой 9 декабря 1948 г. ГА ООН, стала насильственная передача детей, как представителей культурного наследия, из одной группы в другую. Данный пункт был включен по официальному предложению греческой делегации уже в конце обсуждений в Шестом комитете, когда стало понятно, что идея культурного геноцида окончательно отклонена¹⁷⁵. Такое геноцидальное действие рассматривался как самый жестокий акт, поскольку нацелен на «разрыв культурной продолжительности группы, когда уничтожается душа, в то время как тело остается живым»¹⁷⁶.

Несмотря на уже прояснившуюся ситуацию о том, что культурный геноцид не будет определен в конвенции, Лемкин не оставлял свои попытки доказать, что культурный компонент геноцида несет в себе те превентивные признаки, которые необходимы для эффективной борьбы с данным преступлением. В своем письме, направленном в сентябре 1948 г. председателю Комитета геноцида, Лемкин, ссылаясь на приведенные делегатом Венесуэлы аргументы о том, что культурное разрушение может предшествовать преднамеренному физическому истреблению, приводит примеры «массового разрушения Гитлером синагог в 1938 г... и массового уничтожения армянских христианских церквей, предшествовавших истреблению миллионов армян.¹⁷⁷». Он пишет, что «сжигание книг – это не то же самое, что сжигание тел, но когда кто-то своевременно вмешивается для того,

¹⁷⁴ Schabas, W. A. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes*. P. 182.

¹⁷⁵ *Totally Unofficial: The Autobiography of Raphael Lemkin*, edited by Frieze Donna-Lee. P. 168.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Frieze, D. L. *Genos-the Human Group...* P. 166.

чтобы прекратить массовое уничтожение церквей и книг, он подспевает как раз вовремя, чтобы предотвратить сжигание тел»¹⁷⁸.

В своих мемуарах Лемкин отмечает, что удачно защищал концепцию культурного геноцида в двух проектах, однако на третьем этапе разработки конвенции его позиция не получила необходимой поддержки, и он должен был отступить в данном вопросе¹⁷⁹. Геноцид является последствием длительных и взаимосвязанных действий, задачей организаторов которого является не только убийство представителей определенной группы, но уничтожение их самобытности. Об этом твердил Лемкин, в концепции геноцида которого уничтожение культурных ценностей носила осевой характер. Однако противники его позиции, осознав и опасаясь, вероятно, проблемы своей собственной государственной политики в отношении меньшинств и коренных народов, оказались более убедительными, что привело к исключению культурного компонента геноцида из конвенции.

Абсолютно верно, что уничтожение культурных ценностей ни коим образом нельзя сопоставить с физическим уничтожением людей, однако история показывает насколько эти два акта взаимосвязаны: культурный компонент сохраняет свою актуальность в качестве свидетельствующего элемента о намерении уничтожить группу. Сегодня, как и в свое время, убеждения Лемкина о том, что уничтожение культуры служит признаком возможного физического истребления, являются основой разрабатываемых учеными программ по предупреждению геноцида. Кроме того, в судебных процессах по наказанию преступников геноцида доказательство того, что обвиняемый был причастен к уничтожению культурных памятников и нематериальных ценностей или к аналогичным действиям, направленным против культуры группы, может помочь трибуналу в выявлении и оценке геноциального намерения.

Так, например, в приговоре Судебной палаты МТБЮ против Р. Крстича суд постановил, что «обычное международное право ограничивает определение геноцида теми актами, которые направлены на физическое или биологическое уничтожение всей или части группы. Соответственно действие, направленное на уничтожение культурных и социологических особенностей группы, придающих ей идентичность, отличной от остальной части общества, не попадают под определение геноцида. Судебная палата, однако, отмечает, что там, где происходит физическое или биологическое уничтожение, часто одновременно совершаются нападения на культурные и религиозные объекты и

¹⁷⁸ Frieze, D. L. *Genos-the Human Group...* P. 166.

¹⁷⁹ *Totally Unofficial: The Autobiography of Raphael Lemkin*, edited by Frieze Donna-Lee. P. 172-173.

символы группы-жертвы, нападения, которые на законных основаниях могут рассматриваться как свидетельство намерения физически уничтожить группу»¹⁸⁰.

После проектов Конвенции о предупреждении и наказании преступление геноцида термин «культурный геноцид» без четкого определения его значения был использован в качестве юридического термина в проекте Декларации ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. В частности, увеличение политической активности коренных народов в 1970-х и в начале 1980-х годов привело к тому, что в 1980 г. ООН учредила Рабочую группу по коренным народам в качестве вспомогательного органа Подкомиссии по поощрению и защите прав человека. Иронично то, что культурный геноцид в это время стал предметом международных обсуждений в сфере прав человека, а не в рамках Конвенции о геноциде – совсем как многие западные страны призывали делать в 1948 г.¹⁸¹

В Статье 7 проекта декларации, разработанном еще в 1994 г., отмечалось следующее: «Коренные народы имеют коллективное и индивидуальное право не подвергаться этноциду и культурному геноциду, включая предотвращение и возмещение ущерба за: (а) любое действие, имевшего своей целью или результатом лишение их целостности как самобытных народов или их культурных ценностей или этнической принадлежности...»¹⁸². Однако в окончательном варианте Декларации термин «этноцид» был заменен на «принудительная ассимиляция», а «культурный геноцид» - «уничтожением культуры» (Статья 8)¹⁸³.

В дальнейшем ни в проектах Комиссии по международному праву ООН, ни Римского статута не было серьезных попыток добавления культурного геноцида в список наказуемых актов. Вместо этого в научной литературе и международных документах по международному праву появляется термин «этноцид», который в своем узком смысле характеризует культурный геноцид. В Декларации Сан-Хосе 1981 г. ЮНЕСКО отметил, что «Этноцид означает, что этнической группе отказано в праве пользоваться, развивать и передавать собственную культуру и свой язык, будь то индивидуально или коллективно. Это предполагает крайнюю форму массового нарушения прав человека...

¹⁸⁰ International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991, Prosecutor v. Radislav Krstic – Judgment, Case No. IT-98-33-T, 02 August 2001, p. 203.

¹⁸¹ Luck, E. C. Cultural Genocide and the Protection of Cultural Heritage / E. C. Luck - J. Paul Getty Trust Occasional Papers in Cultural Heritage Policy, no. 2, 2018. – P. 26.

¹⁸² Draft Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, U.N. Doc. E/CN.4/Sub.2/1994/2/Add.1 (1994). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/declra.htm> (дата обращения: 30.03.2020).

¹⁸³ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Генеральная Ассамблея, резолюция 61/295, 13 сентября 2007 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 30.03.2020 г).

1. Мы заявляем, что этноцид, то есть культурный геноцид, является нарушением международного права, равнозначный геноциду, осужденному Конвенцией ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него...»¹⁸⁴.

Сегодня юридическая основа термина «культурный геноцид» отсутствует, его закрепление в списке наказуемых действий в качестве сознательного и умышленного акта против культуры могло бы поднять эффективность предупреждения преступления геноцида на новый уровень, в то время как обсуждения в рамках прав человека носят более моральный характер. До сих пор учеными обсуждаются слабости Конвенции о геноциде, которые в основном охватывают вопросы касательно оговоренных групп (национальные, этнические, расовые, религиозные), находящихся под защитой Конвенции. В частности, Конвенция предусматривает ограниченный объем защиты упомянутых в Статье II групп, из числа которых исключаются такие группы как, например, политические и экономические. Однако Конвенция о геноциде не может эффективно содействовать защите человеческих групп, если она ограничена конкретно оговоренными в ней группами¹⁸⁵. Кроме того, в Конвенции не даются какие-либо руководящие принципы, которые помогли бы прояснить значение перечисленных четырех групп.

В данном случае для определения охраняемых Конвенцией групп могут быть использованы особенности культурной самобытности. Поскольку не существует универсальных определений расовых, этнических, религиозных и национальных групп, каждый из них должен оцениваться на основе уникальных исторических и контекстуальных соображений. Культурные особенности, такие как исторические, социальные и лингвистические характеристики группы, могут помочь определить защищена ли данная группа людей Конвенцией¹⁸⁶.

Таким образом, в современных реалиях культурный компонент преступления геноцида может сыграть вспомогательную роль при определении геноцидального намерения и общем понимании данного преступления. Исключение культурного геноцида из Конвенции было следствием политических обсуждений и противоречий. Его нельзя считать новым аспектом, связанным с какой-либо ограниченностью общей концепции

¹⁸⁴ UNESCO and the struggle against ethnocide. Declaration of San Jose, December 1981. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000049951> (дата обращения: 30.03.2020).

¹⁸⁵ Pinto Coelho, R. F. Cultural genocide and the conservative approach of the genocide convention / R. F. Pinto Coelho // *Juiz de Fora*. - Vol. 2, No. 1 and 2. 2008. – P. 99.

¹⁸⁶ Nersessian, D. Rethinking Cultural Genocide Under International Law / D. Nersessian.- April 22, 2005. - URL: https://www.carnegiecouncil.org/publications/archive/dialogue/2_12/section_1/5139 (дата обращения: 30.03.2020).

геноцида, наоборот, разработчики Конвенции признали законность признания культурного геноцида в качестве формы преступления геноцида, о чем свидетельствуют первые два проекта конвенции. Однако в результате политической поляризации было указано, что юридический вопрос культурного геноцида может быть решен в сфере других международных документов, в частности прав человека, коренных народов и меньшинств. Не умаляя важность подобных документов, следует признать их моральную ограниченность. Договоры о правах человека, коренных народов и меньшинств предусматривают во многом добровольное участие и добросовестное выполнение со стороны государств-участников этих документов, ответственность же за их нарушение предписывает обязательство воздержаться от правонарушающей практики и компенсировать нанесенный ущерб.

Однако область международного права прав человека не обладает той гибкостью, необходимой для выявления, наказания и определения механизма возмещения ущерба за действия культурного геноцида, которые отличаются от нарушений культурных прав как по сути, так и по масштабам преступных актов. В случае с культурным геноцидом основы культурной самобытности группы-жертвы подвергаются нападению с сознательным намерением уничтожить саму группу, что позволяет говорить о возможности рассмотрения культуры определенной человеческой группы как объекта преступления геноцида. Современная риторика прав человека в области культуры должна учесть данное различие для эффективного предупреждения преступлений геноцида. Это предполагает также невозможность рассмотрения современных угроз культурному наследию сквозь призму культурного геноцида. Концепция культурного геноцида не имеет четкого и общепринятого определения, она никогда не была принята и кодифицирована на национальном или международном уровнях. Концепция оказалась спорной (но только не для Р. Лемкина) при определении преступления геноцида в конце 1940-х годов и остается таковой на сегодняшний день.

Глава III. Культурный геноцид: практика прошлого и настоящего

В соответствии со Статьей 7 (пункт 2) Декларации ООН о правах коренных народов: «Коренные народы имеют коллективное право на жизнь в условиях свободы, мира и безопасности в качестве самобытных народов и не должны подвергаться никаким актам геноцида или каким бы то ни было другим актам насилия, включая принудительное перемещение детей, принадлежащих к группе, в другую.»¹⁸⁷ Как было показано насильственная передача детей из одной группы в другую оказалась единственным компонентом концепции культурного геноцида, который нашел свое отражение в международных документах как один из самых жестоких актов геноцидальной политики. В истории немало примеров подобных преступлений – изъятия детей из общин в целях перевоспитания и культурной ассимиляции, с конечным намерением предать забвению культуру группы-жертвы.

К сожалению, приходится говорить также о вооруженных группировках (террористических, в большинстве случаев), которые занимаются похищением детей, незаконным оборотом культурных ценностей и организуют нападения на бесценные объекты всемирного культурного наследия, нанося таким образом ущерб не только человеческим группам, которым принадлежат эти ценности, но и культурному наследию всего человечества. В связи с этим в современной политической динамике все чаще используется термин «культурный геноцид».

Термин «культурный геноцид» чаще использовался в отношении деятельности боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещено в России), которые наряду с убийствами осуществляют также систематическое уничтожение культурных объектов, артефактов и археологических памятников¹⁸⁸. Это включает разрушение древнеассирийской столицы Нимруд в поселении Хорсабад в Ираке¹⁸⁹, уничтожение артефактов, книг и редких рукописей в музее и библиотеке Мосула¹⁹⁰, также

¹⁸⁷ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Генеральная Ассамблея, резолюция 61/295, 13 сентября 2007 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁸⁸ Jessica Mendoza, “Why is ISIS destroying ancient artifacts in Iraq?”, Christian Science Monitor, Feb. 26, 2015. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2015/0226/Why-is-ISIS-destroying-ancient-artifacts-in-Iraq> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁸⁹ Have ISIS destroyed ANOTHER ancient city? Iraq investigating reports jihadists have looted and blown up former 700BC Assyrian capital near Mosul. Daily Mail, Mar. 9, 2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2986275/Have-ISIS-destroyed-ancient-city-Iraq-investigating-reports-jihadists-looted-blown-former-700BC-Assyrian-capital-near-Mosul.html> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁹⁰ ISIS Burns 8000 Rare Books and Manuscripts in Mosul. The Fiscal Times, Feb. 24, 2015. URL: <http://www.thefiscaltimes.com/2015/02/23/ISIS-Burns-8000-Rare-Books-and-Manuscripts-Mosul>

Храма Баалшамина, Храма Баала, Монументальной арки и других объектов в сирийском городе Пальмира¹⁹¹. Подобные разрушения являются предметом многочисленных международных документов, причиняют неисправимый ущерб вековой культуре народов, частью гордости и свидетельств величия которых они составляли.

Кроме того, высказанная на официальном уровне угроза уничтожения культурных объектов в условиях кризиса в межгосударственных отношениях либо в любой другой обстановке вызывает беспокойство мирового сообщества. В частности, во время напряженности между Соединенными Штатами Америки и Исламской Республики Иран, возникшей в результате убийства в начале января 2020 г. командующего силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции (элитные части ВС Ирана) Касема Сулеймани, президент США Д. Трамп сообщил, что ими выделено определенное число ценнейших памятников иранской культуры, которые подвергнутся атаке, если иранские власти попытаются отомстить за гибель генерала¹⁹². Некоторые разглядели в таких угрозах намерение осуществить культурный геноцид.

Однако сами вышеприведенные преступления являются действиями сферы военных преступлений, а их мотивы, возможно, близки к некоторым аспектам политцида¹⁹³. Едва ли все случаи культурных разрушений последних годов были напрямую связаны с преступлением геноцида, с характерным ему намерением. Боевики ИГ были обвинены в осуществлении геноцида в отношении езидов в иракском городе Синджар, они не скрывали свое геноцидальное намерение и уничтожали езидов различными способами, оговоренными в Конвенции о геноциде, включая похищение и помещение езидских детей среди боевиков, отрывая их от своих культурных и религиозных ценностей¹⁹⁴. Однако вряд ли их культурные уничтожения скрывали в себе намерение уничтожить определенную группу, ведь финансовая сторона их деятельности базируется также на продаже культурных артефактов на черном рынке, а уничтожаются скорее те, перемещение и продажа которых

¹⁹¹ Palmyra: Islamic State's demolition in the desert. BBC, Oct. 5, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-34294287> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁹² Threat to destroy heritage sites akin to 'cultural genocide,' experts say in response to Trump's initial warning. ABC News, Jan. 9, 2020. URL: <https://abcnews.go.com/International/threat-destroy-heritage-sites-akin-cultural-genocide-experts/story?id=68144819> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁹³ Политическое массовое убийство – продвижение, подразумеваемое согласие и/или осуществление правящей элитой или их агентами последовательной политики, нацеленной на уничтожение, частично или полностью, общинную, политическую или политизированную этническую группу. См. Harff, B. No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955 / B. Harff // American Political Science Review. - Vol. 97, No. 1, 2003. - P. 58.

¹⁹⁴ UN Commission of Inquiry on Syria: ISIS is committing genocide against the Yazidis. OHCHR, June 16, 2016. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=20113&LangID=R> (дата обращения: 03.04.2020).

невозможна. Таким же образом, маловероятно, что угрозы Д. Трампа служат признаком возможного геноцида в отношении иранского народа, но не принимать их в учет также не является верным способом поведения. Свидетельством тому служит реакция международных универсальных и специализированных в области охраны культурного наследия организаций. Несомненно подобные вопросы требуют тщательного изучения для того, чтобы понять существует ли концепция культурного геноцида в отдельности, или она связана с различными историческими событиями и уже устоявшейся концепцией преступления геноцида, имеет ли термин «культурный геноцид» свое собственное значение на сегодняшний день в связи с актуальными проблемами вооруженных конфликтов и исследованиями мирного времени, или оно уже полностью охвачено концепцией геноцида.

В предыдущих главах мы рассмотрели историю развития концепции преступления геноцида и его культурного компонента. Для отца-основателя данной концепции культурный геноцид представлялся составной частью преступления геноцида, предшествующей физическому уничтожению группы, также продолжающейся на всем протяжении осуществления преступления геноцида. Но в современных условиях, несмотря на отсутствие международно-правовой базы концепции культурного геноцида, можем ли мы говорить о преступлениях геноцида и культурного геноцида как о разных преступных антигуманных действиях и понятиях, описывающих разные вещи и приемлемых к разным ситуациям? Или же культурный геноцид непременно осуществляется наряду с физическим и биологическим уничтожением группы-жертвы и не представляет собой отдельное преступление?

В настоящей главе мы рассмотрим три разных случая названных преступлений в историческом контексте для сравнения их различных аспектов применимости к концепциям геноцида и культурного геноцида, описанных в международных документах. Это Геноцид армян, гражданская война в Шри-Ланке и историческая и современная ситуация в Тибете. Случаи были выбраны, прежде всего, для обеспечения сравнения в их историческом контексте и современной политики. Три случая охватывают достаточно значимый период времени, представляют собой длительные процессы, имеют разное географическое расположение, представляют различные стадии преступления геноцида и произошли в различных условиях. Мы рассмотрим приведенные примеры как события, которые большинство ученых признают связанными с теми или иными элементами преступления геноцида, но которые отрицаются самими преступниками, и попытаемся

понять какую связь эти преступления имеют с концепцией культурного геноцида и признания его в качестве отдельного преступления.

3.1. Культурный компонент Геноцида армян

История Геноцида армян служит одним из классических примеров геноцидальной политики, которая на сегодняшний день находится на стадии более чем векового отрицания. Геноцид армян осуществлялся во время Первой мировой войны и продолжался по некоторым данным до 1923 г., хотя ученые утверждают, что геноцид имел свою предысторию – период предгеноцида, когда создавались предпосылки и условия, необходимые для перехода к совершению самого преступления. Армяне как объект геноцида представляли одновременно национальную, этническую, религиозную и политическую группу. Период предгеноцида длился с 1876 по 1914 гг. (включая Гамидовские погромы 1894-1896 гг. и резня в Адане 1909 г.)¹⁹⁵. Геноцид армян осуществлялся по экономическим, политическим, религиозным и этническим мотивам¹⁹⁶ и есть доказательства на наличие геноцидального намерения¹⁹⁷. Общеизвестно, что война создает благоприятные условия для геноцида и вступив в Первую мировую войну, власти Османской империи предполагали извлечь из войны тройную пользу: война означала бы конец международным соглашениям, которые привели империю на грань коллапса, включая ненавистные Капитуляции и соглашения о реформах в армянских провинциях¹⁹⁸; война послужила бы интересам Пантуранизма¹⁹⁹ и предоставила бы возможность вернуть потерянные территории, особенно на Балканах, и отомстить христианским общинам²⁰⁰. Согласно убеждению министра внутренних дел Османской империи Талаата-паши реформы армянских провинций, навязанные иностранными державами, приводили к расчленению родины, и это тревожило обеспокоенные необходимостью сохранить территориальную целостность страны и предотвратить вмешательство иностранных держав властные органы. Одним из жизненно важных задач правительства было именно избавление от этой тревоги, для чего, по словам Талаата-паши, необходимо было

¹⁹⁵ Барсегов Ю. Геноцид армян – преступление по международному праву. с. 24.

¹⁹⁶ Марукян А. Ц., Проблема Геноцида армян в современной геноцидологии/Марукян А.Ц., Ер., 2010.-С. 18-26.

¹⁹⁷ Барсегов, Ю. Г. Турецкая доктрина международного права на службе политики геноцида / Барсегов, Ю. Г. - М., 2002. - URL: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/doctrine/contents.htm>

¹⁹⁸ Статья 16 Русско-турецкого мирного договора, заключенного в Сан-Стефано 19 февраля 1878г., и Статья 61 Берлинского трактата от 1 июля 1878 г.

¹⁹⁹ Политика создания огромной Турецкой империи, вбирающей в себя все туркоязычное население Кавказа, Средней Азии, Крыма, Поволжья, Сирии, и простирающейся до границ Китая.

²⁰⁰ Akçam, T. A shameful act: the Armenian genocide and the question of Turkish responsibility / T. Akçam - New York, 2006. – p. 111-112.

«радикальное решение»²⁰¹. Имевшие место в начале XX века массовые погромы и депортация армянского населения Османской империи, в результате которых погибли полтора миллиона человек, подтвержденные архивными и дипломатическими документами разных стран, изначально отвергались османскими властями, или же сами власти выступали в качестве обвинителя, оправдывая свои действия необходимостью войны и неподчинением подданных. Параллельно осуществлялся культурный геноцид.

В годы резни и насильственной депортации армянского населения Османской империи младотурецкое правительство целенаправленно осуществляло также уничтожение материальных ценностей и духовного единства посредством разрушения объектов культуры и искусства, через арест и убийство армянской интеллигенции, деятелей науки, литературы и культуры, уничтожение их архивов. Все осуществлялось в соответствии с приказом Талаата-паши, направленным в Комитет по делам высылки в Алеппо, где было сказано: «Настоятельно рекомендуется... всячески стараться уничтожить само название «Армения» в Турции»²⁰². Все это привело к тому, что десятки тысяч армянских рукописей по истории, филологии, естественным наукам, искусству, рукописи религиозного содержания были сожжены, уничтожены или бесследно исчезли. Один из очевидцев геноцида – арабский юрист Файез Эль-Хуссейн, пишет в своих воспоминаниях: «После уничтожения армян... правительство создало специальные комитеты, которые сбывали товары по самым ничтожным ценам, как обычно бывает после смерти владельца с той лишь разницей, что выручка доставалась не наследникам, а поступала в турецкую казну. Произведения искусства отдавались за бесценок... школы, когда-то наполненные учениками, сейчас пусты, самые драгоценные книги используются лавочниками для того, чтобы завертывать сыр, хурму, семечки...»²⁰³. Свидетельства, собранные разными учеными, насчитывают от 700 до 22000 единиц уничтоженных рукописных документов.

Наиболее печальна была судьба армянского духовенства, церковных сооружений и церковной утвари. В 1912-1913 гг. по поручению министерства внутренних дел Османской империи Армянским патриаршеством в Константинополе был составлен и представлен правительству полный список армянских монастырей и церквей на территории империи. Многие историки считают, что особый «интерес» турецкого правительства к числу и

²⁰¹ Dadrian V. N., Warrant for genocide: key elements of Turko – Armenian conflict V. N. Dadrian - New Brunswick, 1999. - p. 124.

²⁰² Геноцид армян в османской империи: Сборник документов и материалов / Под ред. М.Г. Нерсисяна. - 2-е, доп. изд. Ер.: - “Айастан”, 1983. - С. 474.

²⁰³ Там же, с. 403.

местонахождению армянских церквей накануне войны имел определенную связь с вынашиваемой младотурками программой уничтожения армянского населения²⁰⁴. По некоторым данным, в 1912 г. общее число армянских церквей составляло более 2200, не менее 2150 из них были разграблены, сожжены и разрушены²⁰⁵. Согласно данным ЮНЕСКО от 1974 г., после 1923 г. из 913 сохранившихся армянских историко-архитектурных памятников 464 полностью уничтожены, 252 лежат в руинах, 197 нуждаются в капитальном восстановлении²⁰⁶.

Известно, что в те времена церковь, которая всегда являлась объединяющей основой армянского общества, имела более чем богатое имущество, что не могло не привлекать как обычных грабителей, так и османских властей. Так, в годы геноцида были разграблены: большое количество серебряной и золотой церковной утвари, трон армянского царя Сенекерима Арцруни X-XI веков, украшенные драгоценными камнями пергаменты и т.д.²⁰⁷

Все вышеназванное является лишь маленькой частью непоправимого ущерба, нанесенного в результате геноцидальной политики армянской культуре, которая создавалась тысячелетиями и общемирового культурного фонда. Культурный геноцид в форме уничтожения и разграбления культурных ценностей армянского народа осуществлялся наряду с физическим геноцидом, являлась составной частью разработанной политики. Однако в последующих годах, вплоть до сегодняшних дней, в концепции отрицания турецкими властями Геноцида армян можно проследить компоненты культурного геноцида, направленные на искажение исторических фактов через присваивание духовных и культурных достижений армянского народа, а также планомерное уничтожение памятников армянской культуры. Целью культурного геноцида на данном этапе – доказать, что Западная Армения никогда не была исторической родиной армян, для чего последовательно следят за тем, чтобы из турецких карт, справочников и путеводителей стиралось слово «Армения». В противном случае к ответственности

²⁰⁴ Մաֆրաստյան, Ա. Կոստանդնուպոլսի հայոց Պատրիարքարանի կողմից Թուրքիայի արդարադատության և դավանանքների մինիստրության ներկայացված հայկական եկեղեցիների և վանքերի ցուցակներն ու թարրիրները (1912-1913 թթ.). Էջմիածին, 1965. էջ 42. (Сафрастян А. Х. Списки армянских церквей и монастырей, представленных Константинопольским армянским патриархатом Министерству юстиции и религий Турции (1912-1913). Эчмиадзин, 1965. С. 42. (на арм. яз.)).

²⁰⁵ Հովհաննիսյան, Ա., Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ, Երևան, 2005թ. էջ 7. (Оганесян, А. Р., Турция: культурный геноцид. Ер., НАА РА, 2005. С. 7 (на арм., рус., англ. языках)).

²⁰⁶ Культурный геноцид. МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/cultural-genocide> (дата обращения: 03.04.2020).

²⁰⁷ Զեշիշյան, Մ. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124-131. (Кешишян М., Геноцид армянских культурных ценностей на территории Османской империи. Вопросы истории и историографии Геноцида армян, № 7. 2003. с. 124-131. (на арм. яз.)).

привлекаются те, кто случайно или намеренно допустил попадание данного слова в печатное издание.

Например: в 1982 г. турецкий архитектор Н. Болук был привлечен к судебной ответственности за то, что в изданном им путеводителе по Турции ряд районов Восточной Анатолии обозначен как историческая Армения; в 1985 г. к судебной ответственности с обвинением в «антитурецкой пропаганде и намеренном оскорблении чувств турецкого народа» была привлечена издательница турецкого перевода «Британской энциклопедии» Х. Путуоглу за ссылку на существование Киликийского Армянского царства; гид немецкой туристической группы Р. Браун был арестован, поскольку напомнил своим соотечественникам, что в Диярбекире некогда была армянская церковь²⁰⁸. Кроме того ведется борьба против тех иностранных компаний, авторов и издателей, которые на своих страницах говорили о существовании на территории современной Турции армянских государств или же освещали трагические события начала XX века, называя их геноцидом. Их труды запрещаются к продаже и начинается пропагандистская работа с целью фальсификации исторической действительности.

Составной частью турецкой политики против армянских культурных ценностей являются переименования армянских географических названий, свыше 90% которых уже было переименовано, и преднамеренное игнорирование армянских архитектурных памятников, их использование в качестве мишеней для артиллерийских упражнений, загонов для скота, складов и даже тюрем, их камни служат строительным материалом. Наряду с этим продолжается процесс закрытия или тюркизации армянских школ, где запрещалось преподавать историю Армении, литературные произведения на историческую тему, а в 1985 г. были осуждены два армянских учителя за то, что организовали курсы армянского языка для детей-армян²⁰⁹.

В пункте 6 резолюции Европарламента о политическом решении Армянского вопроса 1987 г. отмечено, что турецкое правительство должно проявлять справедливое отношение к самобытности армянского народа, его языку, религии, культуре и системе образования; Европарламент настоятельно требует должного отношения правительства к охране памятников армянской архитектуры, находящимся на территории современной Турции²¹⁰.

²⁰⁸ Հովհաննիսյան Ա., Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն. Էջ 8-9. (Оганесян А. Р., Турция: культурный геноцид. С. 8-9).

²⁰⁹ Там же, с. 10-11.

²¹⁰ European Parliament Resolution on a political solution to the Armenian question, June 18, 1987. - URL: https://www.armenian-genocide.org/Affirmation.152/current_category.7/affirmation_detail.html (дата обращения: 03.04.2020).

Таким образом, вышеприведенное свидетельствует о преднамеренном нападении на культуру армянского народа в рамках геноцидальной политики в начале XX века и продолжающейся целенаправленной политики разрушения и небрежного отношения к материальным и нематериальным ценностям армянской культуры в последующие годы. Данные действия подпадают под определение культурного геноцида, данного в двух проектах Конвенции о геноциде, и входят в концепцию культурного геноцида Р. Лемкина, поскольку были направлены на уничтожение особенностей группы и свидетельств их существования.

Предшествующие физическому уничтожению аресты и систематическое изгнание лиц, представляющих культуру группы, стало первой стадией культурного геноцида, направленной на сломление национального духа, препятствование сопротивлению, которое могли бы возглавлять потенциальные, безосновательно арестованные представители группы. Геноцид сопровождался систематическим уничтожением книг и религиозных произведений, а те, кто пытался их спасти, подвергался жестокому убийству. Наконец, параллельно с физическим геноцидом осуществлялось систематическое уничтожение исторических и религиозных памятников, возможных свидетельств о том, что данный народ жил в определенном месте. Последние названные действия, наряду с закрытиями учебных заведений и запрета использования национального языка, продолжают до сих пор, и это можно было бы назвать периодом постгеноцида, так называемым последствием физического геноцида, когда осуществляется культурный геноцид посредством разрушения, присваивания и использования в чуждых их назначению объектов культуры группы-жертвы с целью стереть доказательства существования группы в данном определенном месте и тем более их преднамеренного уничтожения. Культурный геноцид, фальсификация исторических фактов и сокрытие геноцидального намерения являются составной частью тщательно разработанной и поддерживаемой поколениями государственной концепции отрицания Геноцида армян.

Данным случаем мы хотели показать, что преступление культурного геноцида осуществлялось параллельно с физическим и биологическим геноцидом, рассматривать его в качестве отдельного преступления в данном случае представляется спорным вопросом, поскольку неразрывно связано с убийствами представителей данной группы, проходило одновременно с ними, а в постгеноциде осуществлялось, чтобы скрыть эти самые убийства (по крайней мере как намеренные). С другой стороны, то, что происходило в постгеноцидальном периоде и продолжает происходить, целесообразно бы было считать

отдельным, вторым преступлением, направленном на сокрытие первого. В любом случае, осуществленный культурный геноцид не должен оставаться безнаказанным во имя предупреждения новых таких случаев.

3.2. Культурный компонент в гражданской войне в Шри-Ланке

Как известно, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка является небольшим островным государством у южно-восточного побережья Индии с более двадцатимиллионным населением. Значительное этническое и религиозное разнообразие Шри-Ланки лежит в основе его социальной и политической истории, но основными этнолингвистическими культурами являются сингалы и тамилы. Следует отметить, что до того, как британская колония представила идею единого государства и объединила две общины, сингалы и тамилы жили исключительно на своих традиционных землях, с которыми обе этнические группы тесно себя связывали как отдельные нации, имеющие различное национальное самосознание²¹¹.

Первоначально этническая напряженность, которая стала неотъемлемой частью общества Шри-Ланки на протяжении всего двадцатого века и фактически вылилась в геноцид, была связана с противоречиями между этими национальными группами. Сингальская националистическая идеология определяла тамилы как исторических угнетателей и врагов сингальской нации. Такая идеология начала формироваться в колониальный период, и такой поляризованный взгляд на сингало-тамилские отношения стал частью национальной памяти Шри-Ланки. На практике же они начали реализовываться в период после обретения государством независимости в 1948 г.²¹²

За два года до независимости сингальская и тамильская политические элиты пришли к согласию о конституционном урегулировании независимости, однако конституция, представленная британцами, оказалась спорной, поскольку не включала в себя хоть какие-либо законы касательно избирательных прав, прав гражданства и общин. Подобные недостатки конституции позволили сингальским политическим элитам (Объединенная

²¹¹ Satgunarajah, M. "Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations. 2016. - URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 12.04.2020).

²¹² Powell, CH., Amarasingam, A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide. - February 2017. – P. 28

национальная партия) взять политическую власть в свои руки и направить его против индийских тамиллов²¹³.

После обретения независимости в 1948 г. произошел всплеск сингальского национализма, в результате которого были приняты Законы о гражданстве 1948 и 1949 гг., лишившие гражданства и избирательных прав почти одного миллиона индийских тамиллов, несмотря на то, что они проживали на острове более шести поколений²¹⁴.

Геноцидальные действия, направленные против этнической группы тамиллов, можно проследить в начальный период и на протяжении политической борьбы и гражданской войны за восстановление прав, проводимые тамиллами. Целесообразно выделить следующие этапы: фаза предвоенной борьбы (1956-1983 гг.); этап вооруженной борьбы (1983-2005 гг.); этап окончания войны (2006-2009 гг.); этап послевооруженной борьбы (после 2009 г.)²¹⁵. В целях нашей работы мы будем акцентировать внимание на фазе предвоенной борьбы как периода культурного геноцида и физического предгеноцида, сигнализирующие о возможном насилии в отношении определенной национальной группы.

Изначально напряженность в обществе была связана с языковой политикой правительства и доступом к государственной службе. В 1956 г. был принят Закон о единственном сингальском языке, который заменил три предыдущих официальных языка: сингальский, тамильский и английский. Это означало, что сингальский язык стал единственным языком, с которым граждане могли общаться с государством. Тамиллы столкнулись с последствиями данного закона при найме на работу, а те, кто занимал государственные должности, работал в службе безопасности должны были знать сингальский язык на высоком уровне или быть уволены²¹⁶.

Госслужба не была единственной областью, где тамиллы оказались обездоленными, они активно подвергались дискриминации также в области образования. В британскую колониальную эпоху тамиллы удерживали государственные должности за счет владения английским языком, что, в свою очередь, стало средством социальной мобильности и

²¹³ Satgunarajah, M. "Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide. - URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 14.04.2020).

²¹⁴ The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka – Report. Oakland Institute. - 1 Jun 2015. - URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 14.04.2020).

²¹⁵ Genocide against the Tamil People. Massacres, Pogroms, Destruction of property, Sexual violence and Assassinations of civil society leaders. International Human Rights Association Bremen. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 14.04.2020).

²¹⁶ Satgunarajah, Maiuran, ""Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide". URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 14.04.2020).

экономического роста. Однако в период после обретения независимости правительство отдавало предпочтение сингальцам, что отразилось в законодательстве в 1971 г., когда закон стал помогать студентам, находящимся в невыгодном географическом положении (районные квоты), в доступе к высшему образованию, позволяя им поступать в университеты с более низкими квалификационными оценками, чем у тамильских студентов, которым, в свою очередь, не было гарантировано место в университетах²¹⁷. Более того, реализация этих законов оказалась частью более широкой программы сделать население государства полностью сингальским, и в 1978 г. была принята новая конституция, которая отдавала буддизму (вероисповедание сингальцев) первостепенное место среди других религий в стране, отмечая, что государство должно защищать и развивать буддизм²¹⁸.

Законы стали символом сингальского национализма и укрепили в умах тамилы веру, что нельзя довериться руководству сингальского общества в деле защиты прав меньшинств. Они начали заявлять, что законодательство ставит под угрозу их язык, культуру и экономическое положение. Вместе с тем, понимая, что закон угрожает национально-этнической самобытности тамилы, многие были против, чтобы их дети изучали сингальский язык. Наряду с проявлениями чувства патриотизма, отвергнув попытки ассимиляции и дискриминации, у тамилы появлялись идеи и солидарность в отношении создания отдельного государства. После таких изменений действующие тамильские политические лидеры утратили легитимность, а напряженность в обществе в итоге переросла в полномасштабное насилие в 1970-х годах, которое сопровождалось требованиями тамилы об автономии и территориальных правах. В результате начали появляться боевые движения, такие как Тигры освобождения Тамил-Илама (ТОТИ).

Непоправимый ущерб культурному наследию тамильского народа было нанесено 1 июня 1981 г., когда сингальские толпы и полиция сожгли публичную библиотеку Джафны, в которой содержались более 97 тысяч томов книг и рукописей, посвященных культуре тамилы, и которая представляла собой в то время одну из крупнейших библиотек в Азии²¹⁹. Хотя приведенные примеры правительственной политики в области национального языка, образования и религии больше похожи на целенаправленную ассимиляционную политику,

²¹⁷ Satgunarajah, Maiuran, "'Never Again': The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide". URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 14.04.2020).

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

но случай уничтожения книг и рукописей квалифицируется как акт против культуры группы, способный свидетельствовать о геноцидальном намерении.

Антитамильские погромы и бунты 1983 г., известные как «Черный июль», последовали за погромами 1958, 1977 и 1981 гг.²²⁰, и в результате дискриминации и насилия возросло тамильское сепаратистское движение и число группировок боевиков, которые возглавил ТОТИ. В 1983 г. страна погрузилась в кровопролитную гражданскую войну, которая завершилась только в 2009 г., когда правительственная армия захватила последнюю, контролируемую ТОТИ территорию в Северной провинции²²¹. Война оставила за собой непоправимый ущерб виде более 40 тысяч жертв среди гражданского населения как представителей этнической группы, отличающейся своей культурой.

Несмотря на то, что предпринятые правительством меры в отношении языковой, образовательной и религиозной политики носили больше характер ограничений, чем являлись элементами концепции культурного геноцида, поскольку язык и религия правящей нации, в соответствии с законом, приобретали привилегированное положение, а не вводился запрет на использование определенного языка и исповедование определенной религии, но изложенные меры стали теми культурными мотивами, которые, столкнувшись с сопротивлением, превратили дискриминационную политику в политику насилия и геноцида (в котором, в конечном счете, правительство было обвинено²²²). Данный случай показывает, что культурные ограничения и посягательства на культуру группы, которые также не рассматриваются в качестве отдельных преступлений, а являются составной частью объемной программы по нейтрализации этнической группы, могли сигнализировать о предстоящем насилии, физическом геноциде и военных преступлениях.

3.3. Культурный геноцид в Тибете

Общеизвестно, что тибетский народ в течение тысячелетий развил своеобразную цивилизацию, для которой характерны собственный язык, духовный традиции и обычаи, искусство и литература. Кроме того, буддизм является неотъемлемой частью тибетской идентичности, об уникальности которой тибетцы постоянно заявляют, идентифицируя себя

²²⁰ Genocide against the Tamil People. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 16.04.2020).

²²¹ The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka – Report. Oakland Institute, 1 Jun 2015. URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 18.04.2020).

²²² A Decade Without Justice for Sri Lanka's Tamils. The Diplomat, May 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/a-decade-without-justice-for-sri-lankas-tamils/> (дата обращения: 16.04.2020).

как коренные жители. В течении долгих лет Тибет имел нестабильные отношения с Китаем, однако последние десятилетия отмечались большим числом нарушений прав человека и посягательств на тибетскую культуру.

После вторжения в Тибет Народно-освободительной армии Китая в 1949 г. и последующих антикитайских восстаний, в рамках Культурной революции, инициированной лидером Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном, было принято решение покончить с «Четырьмя пережитками» (Старая культура, мышление, привычки, обычаи)²²³, что имело разрушительное последствие для тибетской культурной самобытности. Политика Китая в отношении Тибета базируется на комбинации китайского шовинизма и марксистской диалектики, что просто противоречит тибетской культуре и самобытности, целью которой является ассимиляция тибетцев для обеспечения контроля Пекином и потока материальных выгод в компартию²²⁴.

Обратимся к преступным действиям, образующим культурный геноцид. Во время политических демонстраций в 1956 г. публично были сожжены священные буддистские тексты, разрушены религиозные и исторические памятники, монастыри²²⁵. Исследователи отмечают, что с 1956 г. китайские правители уничтожили основы тибетской цивилизации, напав на религию и аристократический общественный порядок²²⁶. После смерти Мао жесткая политика в отношении религии сравнительно ослабла, однако проводилась практика умаления важности монастырских учреждений и той роли, которую они играют в тибетском обществе, пытаясь подорвать образовательный компонент этих учреждений через контроль над их учебными планами и введение немонастырских школ. Кроме того, в добавление к последним представленным мерам появились определенные критерии к назначению учителей, такие как поддержка компартии и ее идеологии и патриотичность по отношению к Китаю²²⁷.

На таком же уровне находится тибетский язык, слабое использование которого может повлиять на сохранение религии и истории, а в государственной службе в Тибете, хотя официальным являет тибетский язык, поощряется использование китайского языка. Были

²²³ Sandhar, J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans *Santander Art and Culture* / J. K. Sandhar // *Law Review*. – 2015. - P.184-185.

²²⁴ 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet, report by the International Campaign for Tibet. 2012. - P. 38.

²²⁵ Sandhar, J. K. Cultural Genocide in Tibet. Pp. 185-186.

²²⁶ Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. - 2017. - P. 30.

²²⁷ Sandhar, J.K., Cultural Genocide in Tibet. P.186.

проведены также демографические реформы – перераспределение земель, приобретенных вследствие разрушенных монастырей, в результате создания новых социальных деревень недобровольно было переселено более 2 миллиона тибетцев. Это имело существенные негативные последствия, так как кочевничество и скотоводство для тибетцев – это не просто способ поддержания средств к существованию, но на протяжении веков являлось важнейшим элементом тибетской культуры²²⁸.

Еще одним примером является взятие китайским правительством под стражу шестилетнего ребенка по имени Гадун Чоки Нима, который, согласно тибетской буддистской традиции был определен и назначен в качестве 11-ого Панчен-ламы (ранг после Далай-ламы, за определение которого он частично ответственен)²²⁹. Несомненно такое вмешательство является грубым нарушением права тибетского народа на свободное исповедание своей религии.

Все это, наряду с пропагандой ненависти и расовой и этнической дискриминации, привели к протестам в виде самосожжений²³⁰ и обвинениям в культурном геноциде. В связи с этим Далай-лама отметил: «Ситуация такая, что будь то намеренно или ненамеренно, в Тибете происходит нечто вроде культурного геноцида. И если потеря независимости приемлема, то потеря культуры, согласие с уничтожением нашей духовности, тибетского буддизма, невысказано»²³¹. Следует подчеркнуть, что доказательствами преступной практики китайского правительства в отношении тибетского народа служат отклики на ситуацию международного сообщества.

Так, еще в 1959 г. ГА ООН приняла резолюцию, в которой содержится призыв к Китаю обеспечить «уважение основных прав человека тибетского народа и ее особой культурной и религиозной жизни»²³². В резолюции ГА 1961 г. ООН призвала Китай прекратить «практику, которая лишает тибетский народ его основных прав, включая право на самоопределение»²³³. Также в 1965 г. ГА ООН приняла третью резолюцию, в которой выражала серьезную обеспокоенность «продолжающимся нарушением основных прав и

²²⁸ Sandhar, J.K., Cultural Genocide in Tibet. P.187.

²²⁹ International Campaign for Tibet, “Cultural Genocide and the 11th Panchen Lama.” June 4, 2013. <https://www.savetibet.org/cultural-genocide-and-the-11th-panchen-lama/> (дата обращения: 20.04.2020).

²³⁰ Self-immolation protest. URL: <https://www.freetibet.org/about/self-immolation-protests> (дата обращения: 20.04.2020).

²³¹ David Eimer, “Dalai Lama Condemns China’s ‘Cultural Genocide’ of Tibet.” The Telegraph. March 16, 2008. <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1581875/Dalai-Lama-condemns-Chinas-cultural-genocide-of-Tibet.html> (дата обращения: 20.04.2020).

²³² Cultural Genocide in Tibet. A Report. P. 31.

²³³ Там же.

свобод народа Тибета и продолжающимся подавлением его особой культурной и религиозной жизни»²³⁴. Далее в 1991 г. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите прав меньшинств приняла резолюцию, в которой выражала обеспокоенность «постоянными сообщениями о нарушениях основных прав и свобод человека, которые угрожают особой культурной, религиозной и национальной самобытности тибетского народа»²³⁵.

По мнению Далай-ламы, власти Китая видят в культуре и религии Тибета угрозу восстания и отделения, поэтому проводят политику на его подавление, что выражается не только в действиях против тибетского языка и религии (наглядным примером является разрушение около 6000 монастырей или их использование в отличных от религиозных целей), но и в миграционном процессе – переселении большого числа китайцев в Тибет и строгом планировании семьи. Такие меры могут быть направлены на затруднения восстания, распространение китайской пропаганды, создание тибетского меньшинства на их территории и, в конечном счете, на то, чтобы добиться исчезновения тибетской культуры. Кроме того, в рамках общеизвестных программ интернет-цензуры в Китае, фильтруются запросы и данные о тибетской культуре, что можно рассмотреть в качестве нового нетрадиционного аспекта культурного геноцида.

Сегодня, после десятилетий неуважения по отношению к тибетской религии, культуре, образу жизни, то, что случилось и что продолжает иметь место не должно рассматриваться как простой результат естественных изменений времени, властных и общественных отношений. Данный случай показывает, что целенаправленная политика насильственной ассимиляции носит однозначные элементы культурного геноцида с восприятием группы-жертвы в качестве опасной и взятием ее под контроль через разрыв связей с самобытной культурой. Подобная ситуация показывает, что культурный геноцид представляет собой длительный процесс разрушения культуры группы-жертвы, которая проявляется различными способами, включая физическое разрушение культурных ценностей, массовая колонизация, семейное планирование и использование современных технологий, и который может сигнализировать о будущем физическом насилии, но на сегодняшний день представляется как отдельное преступление.

²³⁴ Sandhar, J. K., *Cultural Genocide in Tibet*. P.186.

²³⁵ Sandhar, J. K., *Cultural Genocide in Tibet*. P.186.

Заключение

Существует большое количество международно-правовых документов, предметом которых в той или иной степени является запрещение преступления геноцида. Мы рассмотрели довольно большой период времени, начиная с зарождения идей гуманного отношения к мирному населению, рассмотрения геноцида как одного из подкатегорий преступлений против человечности до выделения его в отдельную категорию наиболее жестоких преступлений. Тем самым мы хотели показать существующий потенциал международного права для квалификации геноцида как преступления, целью которого является уничтожение определенной группы и его самобытности. С принятием международным сообществом Конвенции о геноциде 1948 г., геноцид приобрел собственное международное юридическое значение, и с тех пор развиваются дискуссии о содержательных аспектах данного понятия.

История Нюрнбергского процесса и разработки Конвенции показала, что борьба за международное признание и закрепление наказуемого характера нового преступления сопровождалась попытками сохранить его в строгих границах, ограждая его от использования для пересмотра имевшей место дискриминационной политики демократических государств по отношению к своим гражданам и подданным, особенно в колониях. Можно считать, что закрепление более широкого определения преступления геноцида, а именно запрещение культурного геноцида, ясным образом показало бы различие между демократическими государствами и тоталитарными, которые с точки зрения системы предупреждения преступления геноцида вызывают первоочередное беспокойство.

Мы указали на первоначальную связь между понятиями геноцида и культурного геноцида и выявили, что одним из компонентов термина геноцид, соответственно «генос», по замыслу Р. Лемкина, представляет собой основу цивилизации – ее культуру. Культура (язык, национальные и религиозные традиции, материальные и нематериальные ценности и т. д.) является той линией, которая соединяет отдельных людей в одну общность, в одну группу (национальную, расовую, этническую или религиозную, по смыслу Конвенции). Эти самые культурные признаки могут быть использованы при определении принадлежности определенной группы к тем, что указаны в Конвенции и охраняются ею. Попытки подавить или разрушить те способы культурного самовыражения и их результаты, которые группа использует в своей повседневной жизни, являются как отдельными правонарушениями, так и признаками будущего насилия и физического геноцида

представителей группы-жертвы. Культурное разрушение представляет собой одновременно фазу, которая предшествует собственно геноциду по определению Конвенции, о чем утверждают основанные на анализе исторической практики представленные учеными-геноцидологами начальные этапы разработок по предупреждению преступлений геноцида, и косвенное доказательство наличия у организаторов данного преступления характерного для него геноцидального намерения, о чем свидетельствуют судебные постановления международных трибуналов.

Соответственно, культурный геноцид – это систематическое разрушение наследия и определенных культурных особенностей группы-жертвы. Вышесказанное указывает на то, что в более общем плане культурный геноцид является неотъемлемым компонентом физического уничтожения группы. В данном контексте следует подчеркнуть, что уничтожение людей является более общей категорией, не обязательно составляющей преступления геноцида, так же как культурное разрушение является более общим понятием, чем культурный геноцид. Так, уничтожение, нанесение вреда культурным объектам, ограничение культурных прав во время войны или же культурная ассимиляция – не все из них носят геноцидальный характер.

Нами были выбраны три случая, которые связаны между собой возможностью, по тем или иным критериям, вписаться в концепцию культурного геноцида. Первый случай представляет собой культурное разрушение группы во время мирового конфликта, в то время как второй случай является действием авторитарного правительства во время внутреннего конфликта. В третьем случае рассматриваются действия тоталитарного правительства, враждующего с меньшинством в течение длительного периода времени. Это разнообразие показывает, что действия преступных правительств связаны с их враждебным отношением к группе-жертве, и в их контексте внешнее вмешательство или подстрекательства не имеют места.

Кроме того, случаи были отобраны так, чтобы иметь возможность очертить границы между преступлением геноцида и культурным геноцидом и рассмотреть вопрос о значении концепции культурного геноцида и ее собственного места в исследованиях геноцидалогии. В результате мы выявили, что, например, в случае с культурным компонентом Геноцида армян культурный геноцид осуществлялся во время и после физического уничтожения представителей группы-жертвы, и что он является неотъемлемым элементом политики отрицания. В гражданской войне в Шри-Ланке, как было выявлено, культурный геноцид стал сигналом о будущем геноциде. И, наконец, случай культурного геноцида тибетцев

показал возможность рассмотрения культурного геноцида в качестве отдельного преступления, осуществленного при этом в мирное время.

Таким образом, можно констатировать, что преступление культурного геноцида не связано с временными рамками осуществления физического и биологического геноцида, которые, по сути, являются объективной стороной преступления геноцида, определенного в Конвенции. Культурный геноцид может представлять собой фазы предгеноцида или постгеноцида, или же являться преступлением с дифферентным от физического и биологического геноцида значением. В любом случае, это правонарушения, которые требуют внимания международного сообщества, указывают на необходимость их нейтрализации в соответствии с системой предупреждения преступления геноцида. Все три случая представляют собой не только, и не столько, исторические события, но органично связаны с сегодняшней динамикой исследований геноцидологии, мирных и конфликтных положений.

Изложенное в работе показывает, что культурный геноцид является далеко не новым компонентом преступления геноцида, а составной частью геноцидальной политики, в некоторых случаях выступает в качестве отдельного преступления, в некоторых – в качестве формы преступления геноцида. В современном мире положения Конвенции о геноциде полностью не охватывают существующих и, в некоторых случаях, нетрадиционных аспектов преступления геноцида, поэтому в деле его предупреждения и наказания в форме совершенствования конвенционных предписаний о геноциде выступают решения международных трибуналов *ad hoc* и Международного уголовного суда.

Поскольку культурный геноцид по своей сути и масштабам отличается от нарушений индивидуальных и коллективных культурных прав, которые, в свою очередь, регулируются соответствующими областями прав человека, коренных народов и национальных меньшинств, то рассмотрение культуры определенной человеческой группы как объекта преступления геноцида считаем полностью уместным и в плане эффективного предупреждения одного из наиболее жестоких преступлений даже необходимым. Из этого следует, что, прежде всего, международному сообществу пора вернуться к вопросу о создании конкретного документа, направленного на предотвращение умышленного уничтожения культурного наследия определенной человеческой группы.

Вместе с тем, история показала, что юридические границы Конвенции о геноциде узки в той степени, что не позволяют охватить массовые злодеяния, которые по своему существу подпадают под понятие геноцида (по крайней мере в понимании Лемкина), но противоречат

действующему международному праву. Поэтому вводятся новые термины, в этимологическом смысле схожие с термином геноцид, такие как этноцид, политицид, гендерцид (или гендероцид), лингвоцид и т. д.

Геноцид представляет собой тягчайшее преступление, которое известно современному человечеству. Его осуждение является долгом каждого цивилизованного народа, признание – обязанностью каждого демократического государства, а предупреждение – приоритетом международного сообщества.

Любая попытка, по своей сути направленная на предупреждение преступления геноцида, будь она предпринята на международном уровне, или организована на локальном уровне в целях ознакомления широких масс с теми последствиями, которые может иметь геноцидальная политика как для группы-жертвы, так и для организаторов рассматриваемого преступления, или же оформленная в виде отдельного научного исследования имеет большое значение и несет в себе потенциал, необходимый для осознания ценности каждой отдельной культуры для общемирового наследия, так же как ценности каждого отдельного человека для общечеловеческого развития.

Список использованных источников и литературы

I. Международные нормативно-правовые акты и иные официальные материалы

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии // Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2 ноября 2001 г. - URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 17.10.2018).
2. Воззвание Тегеранской конференции // Международная конференция по правам человека, Тегеране, 13 мая 1968 г. - URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 17.10.2018).
3. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 47/135, 18 декабря 1992 г. - URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 20.10.2018).
4. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Генеральная Ассамблея, резолюция 61/295, 13 сентября 2007 г. - URL:
https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 30.03.2020).
5. Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, 15 апреля 1935 г. // Международный Центр Рерихов. - URL:
<http://www.icr.su/rus/evolution/pact/> (дата обращения: 25.10.2018).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) Женева, 8 июня 1977 г. - URL:
<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения: 25.10.2018).
7. Замечание общего порядка № 20. Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (пункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // ООН, E/C.12/GC/20, 2 июля 2009 г. - URL:

- <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rescgencom20.html> (дата обращения: 20.10.2018).
8. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения // Генеральная конференция ООН по вопросам образования, науки и культуры, 20 октября 2005 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 17.10.2018).
 9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // ЮНЕСКО, 16 ноября 1972 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения 25.10.2018).
 10. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 г. - URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 25.10.2018).
 11. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 260 (III), 09 декабря 1948 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.09.2019).
 12. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948 —1991 // Организаций Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1993, с. 23. URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf
 13. Международный пакт о гражданских и политических правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 2200 А (XXI), 16 декабря 1966 г. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 05.10.2019).
 14. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 2200 А (XXI), 16 декабря 1966 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 17.10.2018).
 15. Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UN/Doc/A/CONF.183/9. Russian. - URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.11.2019).

16. Доклад Специального докладчика в области культурных прав // Совет по правам человека, A/HRC/31/59, 3 февраля 2016 г. - URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/56f175004.html> (дата обращения: 25.02.2020).
17. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах // Генеральная Ассамблея ООН, резолюция 63/117, 10 декабря 2008 г. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol_icescr.shtml (дата обращения 17.10.2018).
18. Замечание общего порядка № 21. Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) // Экономический и Социальный Совет ООН, 21 декабря 2009 г. - URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=4slQ6QSmIBEDzFEovLCuW1a0Szab0oXTdImnsJZZVQc5ReG9hKvddWC2ML5U76E6MiT6DVIK7FdPiqn36dWorbLr0NS48IJKcu9pMjIxUX5yMYRn5mFTrRX8c9AJA2RD> (дата обращения: 17.10.2018).
19. Ad Hoc Committee Draft: Second Draft Genocide Convention Prepared by the Ad Hoc Committee of the Economic and Social Council (ECOSOC), April 5 - May 10, 1948 [UN Doc. E/AC.25/SR.1 to 28]. - URL: <http://www.preventgenocide.org/law/convention/drafts/> (дата обращения: 20.03.2020).
20. Draft Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, U.N. Doc. E/CN.4/Sub.2/1994/2/Add.1 (1994). URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/declra.htm> (дата обращения: 30.03.2020).
21. European Parliament Resolution on a political solution to the Armenian question, June 18, 1987. - URL: https://www.armenian-genocide.org/Affirmation.152/current_category.7/affirmation_detail.html (дата обращения: 03.04.2020).
22. Case of Perinçek v. Switzerland (Application no. 27510/08), Judgment, Strasbourg, 17 December 2013. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-139724%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-139724%22]}) (дата обращения: 08.02.2020).
23. Convention for the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide // UN Economic and Social Council, UN Doc. E/447, June 26, 1947, p. 46. - URL: <https://digitallibrary.un.org/record/611058#record-files-collapse-header> (дата обращения: 02.12.2019).

24. Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex:
Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, October 18, 1907.
25. ICTY, The Prosecutor v. Dusko Tadić, IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision, 2 October 1995, paragraph 58. - URL:<https://casebook.icrc.org/case-study/icty-prosecutor-v-tadic> (дата обращения: 15.12.2019).
26. International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991, Prosecutor v. Radislav Krstic – Judgment, Case No. IT-98-33-T, 02 August 2001, p. 203.
27. Perinçek v. Switzerland // Global Freedom of Expression, Columbia University. - URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/> (дата обращения: 07.02.2020).
28. Public judgement, Prosecutor v. Radovan Karadzic. UN International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, July 11, 2013. - URL: https://icty.org/x/cases/karadzic/acjug/en/130711_judgement_rule98bis.pdf (дата обращения: 30.11.2019).
29. Secretariat Draft: First Draft of the Genocide Convention, Prepared by the UN Secretariat, [May] 1947 [UN Doc. E/447]. - URL: <http://www.preventgenocide.org/law/convention/drafts/> (дата обращения: 20.03.2020).
30. Switzerland (Helvetic Confederation) National Council Resolution, December 16, 2003. - URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/Switzerland.php> (дата обращения: 07.02.2020).
31. The Crime of Genocide // UN General Assembly, A/RES/96, December 11, 1946. - URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f09753.html> (дата обращения: 15.03.2020).
32. The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu (Trial Judgement), ICTR-96-4-T, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), September 2, 1998. - URL: <https://www.refworld.org/cases,ICTR,40278fbb4.html> (дата обращения: 20.11.2019).
33. UN International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Appeals Chamber Judges unanimously confirm the Tribunal's jurisdiction. The Hague, October 2, 1995. - URL: <https://www.icty.org/en/press/appeals-chamber-judges-unanimously-confirm-tribunals-jurisdiction> (дата обращения: 15.12.2019).

34. UNESCO and the struggle against ethnocide. Declaration of San Jose, December 1981. - URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000049951> (дата обращения: 30.03.2020).
35. Code pénalsuisse du 21 décembre 1937 (Etat le 1er mars 2018). - URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19370083/index.html#id-1-1-1> (дата обращения: 07.02.2020).
36. La déclaration de Fribourg sur les droits culturels, 2007. - URL: <https://droitsculturels.org/wp-content/uploads/2012/07/DeclarationFribourg.pdf> (дата обращения: 17.10.2018).

II. Монографии

37. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Аванесян В. В.; под науч. ред. Ю. М. Антоняна; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Всерос. науч.-исслед. ин-т. - Москва : ВНИИ МВД России, 2011. – 170 с.
38. Андрюхин, М.Н. Геноцид – тягчайшее преступление против человечества / Андрюхин, М.Н. - М., 1961. - 128 с.
39. Арабян, И. А. Геноцид и его наказуемость : страницы истории: вчера и сегодня / Арабян, И.А.; Нац. акад. наук Респ. Армения; Музей-ин-т геноцида армян. - Ереван, 1999. - 92 с.
40. Барсегов, Ю. Г. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий в 3 ч. Т. 1 / Барсегов, Ю.Г. - М., 2002. - 816 с.
41. Барсегов, Ю. Г. Геноцид армян – преступление по международному праву / Барсегов, Ю.Г. - М., 2000. - 272 с.
42. Барсегов, Ю. Г. Турецкая доктрина международного права на службе политики геноцида / Барсегов, Ю. Г. - М., 2002. URL: <http://www.genocide.ru/lib/barseghov/doctrine/contents.htm>
43. Геноцид армян в османской империи: Сборник документов и материалов / Под ред. М.Г. Нерсисяна. - 2-е, доп. изд. Ер.: - “Айастан”, 1983. - 704 с.
44. Геноцид и массовые репрессии. Истребления по национальным и религиозным мотивам / Под ред. Т.И. Ревяко и Н.В.Трус. Минск, 1996. - 576 с.
45. Кальсховен, Ф. Ограничения методов и средств ведения войны: [Перевод] / Ф. Кальсховен. - Москва: Междунар. Ком. Крас. Креста, 1994. - 231 с.
46. Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право = Modern international criminal law: Понятие, задачи и принципы / Кибальник, А.Г., Ассоц. юрид. центр. - Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. - 250 с.

47. Кибальник, А.Г., Мартиросян, А.С. Геноцид в решениях международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии / Кибальник, А.Г., Мартиросян, А.С., Москва: Юрлитинформ, 2015. - 192 с.
48. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Т. 1 (по изданию 1904 г.) / Мартенс, Ф. Ф., М., Изд-во «Юридический колледж МГУ». 1996. - 313 с.
49. Марукян, А. Ц. Проблема Геноцид армян в современной геноцидологии / Марукян, А. Ц., Ереван, 2010. - 49 с.
50. Международные суды и международное право (сборник обзоров). М.: АН СССР, 1986.
51. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. - М.: Юридическая литература, 1987.- 688 с.
52. Под стягом России: Сборник архивных документов/ Сост., примеч. А. А. Сазонова, Г. Н. Герасимовой, О. А. Глушковой, С. Н. Кистерева.— М.: Русская книга, 1992.— 432 с.
53. Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы) / Полторак, А. И. М.: Наука, 1966. - 352 с.
54. Пронин, А. А. Права человека: аспекты проблемы / Пронин, А. А., Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2006. - 211 с.
55. Решетов, Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Решетов, Ю.А., М.: Междунар. отношения, 1983. - 223 с.
56. Ромашкин, П.С. Преступления против мира и человечества / Ромашкин, П.С., М.: Наука, 1967. - 357 с.
57. Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության եվ սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում, 1828-1923, խմբագիր Չ. Կիրակոսյան, Եր., 1972 թ., էջ 12. (Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828 – 1923) / под редакцией профессора Дж. Киракосяна, Ереван, 1972. (на арм. яз.)).
58. Հայոց ցեղասպանությունը միջազգային իրավական փաստաթղթերում/ Կազմ.՝ Վ. Քոչարյան.– Երևան: 2014. (Геноцид армян в международно-правовых документах, сост. В. Кочарян, Ер.,. 2014. (на арм. яз.)).
59. Հովհաննիսյան, Ա. Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2005թ. (Оганесян, А. Р. Турция: культурный геноцид. Ер., НАА РА, 2005 (на арм., рус., англ. языках)).

60. Մարուքյան, Ա. Յ. Հայոց ցեղասպանության հետևանքների հաղթահարման հիմնահարցն ու պատմաիրավական հետևանքները. - Եր. Պատմ. ինստիտուտ. 2014 թ. - էջ 12-33. (Марукян, А. Ц. Историко-политические основания и задачи преодоления последствий Геноцида армян. Ер., 2014. стр. 12-33 (на арм. яз.)).
61. Մարուքյան, Ա. Յ. Հայոց ցեղասպանության հետևանքների հաղթահարման հիմնահարցն ու պատմաիրավական հետևանքները. - Եր. Պատմ. ինստիտուտ. 2014 թ. - էջ 12-33. (Марукян, А. Ц. Историко-политические основания и задачи преодоления последствий Геноцида армян. Ер., 2014. стр. 12-33 (на арм. яз.)).
62. Մարուքյան Ա.Յ. Հայոց ցեղասպանության հիմնահարցը համաշխարհային քաղաքականության ազդեցիկ դերակատարների՝ Թուրքիայի հետ հարաբերությունների համատեքստում. – Եր. 2015. (Проблема Геноцида армян в контексте отношений Турции с влиятельными акторами мировой политики/ А. Ц. Марукян. – Ер., 2015. (на арм. яз.)).
63. Akçam, T. A shameful act: the Armenian genocide and the question of Turkish responsibility / T. Akçam - New York, 2006. – 483 p.
64. Alvarez, A. Governments, Citizens, and Genocide: A Comparative and Interdisciplinary Approach / A. Alvarez - Bloomington: Indiana University Press, 2001. - 224 pp.
65. Bachman, J. S. The Genocide Convention and the Politics of Genocide Non-prevention / S. J. Bachman - Doctoral dissertation, Northeastern University, 2013. - URL: <https://repository.library.northeastern.edu/files/neu:1538/fulltext.pdf>
66. Dadrian, V. N., Warrant for genocide: key elements of Turko – Armenian conflict / V. N. Dadrian - New Brunswick, 1999. - 224 p.
67. Jones A., Genocide: A Comprehensive Introduction / A. Jones - London; New York: Routledge, 2006. – 430 p.
68. Kuper, L. Genocide, Its Political Use in the Twentieth Century / L. Kuper - New Haven: Yale University Press, 1981. – 255 p.
69. Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin - Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. - 674 p.
70. Luck, E. C. Cultural Genocide and the Protection of Cultural Heritage / E. C. Luck - J. Paul Getty Trust Occasional Papers in Cultural Heritage Policy, no. 2, 2018. – 35 p.
71. Quigley, J. The Genocide convention: an international law analysis / J. Quigley. - Aldershot (Hants.); Burlington (VT): Ashgate, cop. 2006. – 320 p.

72. Schabas, W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes / W. A. Schabas - Cambridge University Press. 2000. - 644 p.
73. Totally Unofficial: The Autobiography of Raphael Lemkin / edited by Frieze Donna-Lee, New Haven: Yale University Press, 2013. - 328 p.
74. Weitz, E. D. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation / E. D. Weitz - Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. - 368 p.

III. Научные статьи и публикации

75. Волкова, Н. В. Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты / Н. В. Волкова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2013. № 2. – с. 275-284.
76. Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин, А. А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы / В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин, А. А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. № 26. - С. 53–66.
77. Սաֆրասյան, Ա. Խ. Կոստանդնուպոլսի հայոց Պատրիարքարանի կողմից Թուրքիայի արդարադատության և դավանանքների մինիստրության ներկայացված հայկական եկեղեցիների և վանքերի ցուցակներն ու թաքրիրները (1912-1913 թթ.). Էջմիածին. Պաշտօնական ամսագիր Հայրապետական Աթոռոյ Ս. Էջմիածնի, ԻԲ (Ա), 1965. էջ 40-47. (Сафрастьян А. Х. Списки армянских церквей и монастырей, представленных Константинопольским армянским патриархатом Министерству юстиции и религий Турции (1912-1913). Эчмиадзин, 1965. С. 40-47. (на арм. яз.)).
78. Զեչիշյան, Ս. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124-131. (Кешишян М., Геноцид армянских культурных ценностей на территории Османской империи. Вопросы истории и историографии Геноцида армян, № 7. 2003. с. 124-131. (на арм. яз.)).
79. Alvarez, A. Adjusting to genocide: The techniques of neutralization and the Holocaust / A. Alvarez // Social Science History. – 1997. 21(2). – Pp. 139-178. URL: https://www.researchgate.net/publication/259341704_Adjusting_to_Genocide_The_Techniques_of_Neutralization_and_the_Holocaust
80. Ambos, K. What does ‘intent to destroy’ in genocide mean? / K. Ambos // International Review of the Red Cross. - Vol. 91, 2009. - Pp. 833-858.

81. Bauer, Y. Holocaust and Genocide Today / Y. Bauer // *A Companion to World War II*. - 2012. vol. 1–2. - p. 685-697.
82. Bilsky, L., Klagsbrun, R. The Return of Cultural Genocide? / L. Bilsky, R. Klagsbrun // *European Journal of International Law*. - Volume 29, Issue 2, 2018. - Pp. 373–396.
83. Charny, I. W., Rapaport, Ch. A Genocide Early Warning System / Charny I. W., Rapaport Ch. // *The Whole Earth Papers* [Global Education Associates]. – 1980. № 14. - Pp. 28-35.
84. Charny, I. W. Early Warning, Intervention, and Prevention of Genocide / Charny I. W. // *Genocide in Our Time: An Annotated Bibliography with Analytical Introductions*. - 1992. - Pp. 149–166.
85. Dirk Moses, A. Raphael Lemkin, Culture, and the Concept of Genocide / A. Dirk Moses // *The Oxford Handbook of Genocide Studies*. – April, 2010. – Pp. 19-41.
86. Dixon, J. Turkey’s Narrative of the Armenian Genocide: Change within Continuity / J. Dixon // *Le Génocide des Arméniens: Cent Ans de Recherche 1915-2015* (Paris). – October, 2015. - Pp. 249–56.
87. Frieze, D. L. Genos - the Human Group: How the Concept of “Culture” Underscores Raphael Lemkin’s Notion of “Genocide” / D. L. Frieze // *The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference* (Yerevan). – 2011. – Pp. 164-171.
88. Harff, B. No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955 / B. Harff // *American Political Science Review*. - Vol. 97, No. 1, 2003. - Pp. 57-73.
89. Lemkin, R. Genocide / R. Lemkin // *American Scholar*. - Vol. 15, No. 2, 1946. - pp. 227–230. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/americanscholar1946.htm> (дата обращения: 01.11.2019).
90. Lemkin, R. Genocide - A Modern Crime / R. Lemkin // *Free World*. - Vol. 4, 1945. - Pp. 39-43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (дата обращения: 01.03.2020).
91. Nersessian, D. The Current Status of Cultural Genocide Under International Law / D. Nersessian // *Cultural genocide: Law, Politics, and Global Manifestations* (London). - 2019. – Pp. 62-91.
92. Nersessian, D. Rethinking Cultural Genocide Under International Law / D. Nersessian. - April 22, 2005. - URL:

- https://www.carnegiecouncil.org/publications/archive/dialogue/2_12/section_1/5139 (дата обращения: 30.03.2020).
93. Pinto Coelho, R. F. Cultural genocide and the conservative approach of the genocide convention / R. F. Pinto Coelho // *Juiz de Fora*. - Vol. 2, No. 1 and 2. 2008. – Pp. 95-113.
 94. Powell, CH., Amarasingam, A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // *Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide*. – February, 2017. – Pp. 19-47.
 95. Pruitt, W. R. Understanding Genocide Denial Legislation: A Comparative Analysis / W. R. Pruitt // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. - 12 (2), 2017. – Pp. 270-284.
 96. Sandhar, J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans *Santander Art and Culture* / J. K. Sandhar // *Law Review*. – 2015. - Pp. 175-198.
 97. Satgunarajah, M. "Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // *University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations*. 2016. - URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 12.04.2020).
 98. Stanton, G. H. The Ten Stages of Genocide / G. H. Stanton. URL: <http://genocidewatch.net/genocide-2/8-stages-of-genocide/> (дата обращения: 25.11.2019).
 99. The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka – Report. Oakland Institute. - 1 Jun 2015. - URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 14.04.2020).
 100. Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. 2017.
 101. 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet // report by the International Campaign for Tibet. 2012.
 102. Lemkin, R. Les Actes Constituant un Danger General (interétatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // *Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l'Unification du Droit Pénal (Madrid)*. – Octobre, 1933. – Pp. 48–56. - URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (дата обращения: 01.03.2020).

IV. Интернет- ресурсы

103. Вартесян, К., Палян, А. Акты геноцида в истории человечества / К. Вартесян, А. Палян.- URL: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/native-american.htm> // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/australian.htm> (дата обращения: 05.10.2019).
104. Культурный геноцид. МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/cultural-genocide> (дата обращения: 03.04.2020).
105. Международный уголовный суд // Вестник Международного Уголовного Правосудия. URL: <https://mur-info.com/international-court/> (дата обращения: 05.10.2019).
106. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27.03.2000. URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (дата обращения: 17.12.2019).
107. Նախագահը ՄԻԵԴ վճռի բողոքարկման մասին. Շվեյցարիայի որոշումը սպասվող էր. 14 մարտի 2014. (Глава Армении о решении Швейцарии обжаловать вердикт ЕСЧР: Любая деятельность требует борьбы) URL:<http://www.panarmenian.net/arm/news/176871/> (дата обращения: 08.02.2020).
108. A Decade Without Justice for Sri Lanka’s Tamils. The Diplomat, May 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/a-decade-without-justice-for-sri-lankas-tamils/> (дата обращения: 16.04.2020).
109. A Joint call for Solidarity, Compassion and Unity By Miguel Moratinos, The High Representative for the United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC) and Adama Dieng, The Special Advisor for The Prevention of Genocide. 26 March 2020, New York. URL: <https://www.unaoc.org/2020/03/a-joint-call-for-solidarity-compassion-and-unity/> (дата обращения: 29.03.2020).
110. Cultural Genocide and the 11th Panchen Lama. International Campaign for Tibet, June 4, 2013. <https://www.savetibet.org/cultural-genocide-and-the-11th-panchen-lama/> (дата обращения: 20.04.2020).
111. Eimer, D. Dalai Lama Condemns China’s ‘Cultural Genocide’ of Tibet. The Telegraph. March 16, 2008. <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1581875/Dalai-Lama-condemns-Chinas-cultural-genocide-of-Tibet.html> (дата обращения: 20.04.2020).
112. Genocide: "Never again" has become "time and again". OHCHR, 18 September 2018. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/Genocide0918-7808.aspx> (дата обращения: 29.01.2020).

113. Genocide prevention body launched. BBC News. URL:
http://news.bbc.co.Uk/2/hi/uk_news/844847.stm (дата обращения: 07.10.2019).
114. Genocide Studies and Prevention: An International Journal (GSP). URL:
<https://scholarcommons.usf.edu/gsp/> (дата обращения: 07.10.2019).
115. Genocide Watch / International Alliance to End Genocide. URL:
<http://www.genocidewatch.org/aboutus.html> (дата обращения: 07.10.2019).
116. Harff, B. Risk assessments /B. Harff // Genocide Prevention Advisory Network. URL:
<http://www.gpanet.org/content/barbara-harffs-risk-assessments> (дата обращения: 10.12.2019).
117. Human Development Report 1994 // UN iLibrary. URL: https://www.un-ilibrary.org/economic-and-social-development/human-development-report-1994_87e94501-en (дата обращения: 09.05.2020).
118. Have ISIS destroyed ANOTHER ancient city? Iraq investigating reports jihadists have looted and blown up former 700BC Assyrian capital near Mosul. Daily Mail, Mar. 9, 2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2986275/Have-ISIS-destroyed-ancient-city-Iraq-investigating-reports-jihadists-looted-blown-former-700BC-Assyrian-capital-near-Mosul.html> (дата обращения: 03.04.2020).
119. Information on the mandate of Special Rapporteur in the field of cultural rights. URL:
<https://www.ohchr.org/EN/Issues/CulturalRights/Pages/MandateInfo.aspx> (дата обращения: 17.10.2018).
120. Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. UNESCO World Report. Published in 2009. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001852/185202e.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).
121. Genocide against the Tamil People. Massacres, Pogroms, Destruction of property, Sexual violence and Assassinations of civil society leaders. International Human Rights Association Bremen. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 14.04.2020).
122. ISIS Burns 8000 Rare Books and Manuscripts in Mosul. The Fiscal Times, Feb. 24, 2015. URL: <http://www.thefiscaltimes.com/2015/02/23/ISIS-Burns-8000-Rare-Books-and-Manuscripts-Mosul> (дата обращения: 03.04.2020).
123. Mandate of The UN Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/office-mandate.shtml> (дата обращения: 25.01.2020).

124. Mendoza, J. Why is ISIS destroying ancient artifacts in Iraq? / J. Mendoza // Christian Science Monitor, Feb. 26, 2015. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2015/0226/Why-is-ISIS-destroying-ancient-artifacts-in-Iraq> (дата обращения: 03.04.2020).
125. Myanmar Rohingya: Government rejects ICJ ruling. BBC, Jan. 23, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51229796> (дата обращения: 27.11.2019).
126. Palmyra: Islamic State's demolition in the desert. BBC, Oct. 5, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-34294287> (дата обращения: 03.04.2020).
127. Public petitions: We Commemorate the Armenian Genocide of 1915 and Condemn the Turkish Government's Denial of this Crime Against Humanity. URL: <http://www.genocide-museum.am/eng/150.php> (дата обращения: 27.11.2019).
128. Self-immolation protest. URL: <https://www.freetibet.org/about/self-immolation-protests> (дата обращения: 20.04.2020).
129. Threat to destroy heritage sites akin to 'cultural genocide,' experts say in response to Trump's initial warning. ABC News, Jan. 9, 2020. URL: <https://abcnews.go.com/International/threat-destroy-heritage-sites-akin-cultural-genocide-experts/story?id=68144819> (дата обращения: 03.04.2020).
130. The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned // The International Independent Commission on Kosovo, Oxford University Press Inc., New York, 2000. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6D26FF88119644CFC1256989005CD392-thekosovoreport.pdf> (дата обращения: 17.12.2019).
131. Swiss wrong to prosecute politician for denying Armenian genocide, court rules. The Guardian. Oct. 15, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/law/2015/oct/15/swiss-authorities-wrong-to-prosecute-politician-for-denying-armenian-genocide-court-rules#img-1> (дата обращения: 08.02.2020).
132. UN Commission of Inquiry on Syria: ISIS is committing genocide against the Yazidis. OHCHR, June 16, 2016. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=20113&LangID=R> (дата обращения: 03.04.2020).